

КЭТИ ГЛАСС

Мама велела никому
не рассказывать

*Правдивая история о трудном ребёнке
со страшным секретом*

Содержание

Пролог.....	5
Глава 1: Краткосрочный уход	5
Глава 2: Новый рекорд	12
Глава 3: Акула.....	18
Глава 4: Обучение туалету.....	29
Глава 5: Безопасная опека.....	42
Глава 6: Дети на опеке.....	56
Глава 7: Хаос.....	71
Глава 8: «Школа»	80
Глава 9: Это начинает раздражать.....	93
Глава 10: Вызов в школу.....	105
Глава 11: Неуверенный старт.....	117
Глава 12: Более полная семейная картина.....	132
Глава 13: Плохой день.....	143
Глава 14: Побег к морю.....	158
Глава 15: Сегрегация.....	167
Глава 16: Накал страстей.....	174
Глава 17: Тучи сгущаются.....	180
Глава 18: Порочный круг.....	188
Глава 19: Нормальная семья.....	194
Глава 20: Семья навсегда.....	200
Глава 21: Прощаться грустно.....	205
Эпилог.....	213

Пролог

- Ну, теперь-то он останется? – рявкнула она. – Уж лучше бы остался А то если еще раз его переведут... Чертово позорище. А те – вообще уроды.

- Нет, его уже никуда не переведут, – уверила я Трейси.

Рис тянул меня за рукав и громко шипел.

- Стой спокойно, малыш, – сказала я.

- А ну делай, как тебе говорят! – взвизгнула Трейси и отвесила ему очередной подзатыльник.

Именно таким было мое знакомство с Трейси, матерью Риса.

Некоторые детали этой истории, включая имена, адреса и даты, были изменены в рамках защиты прав и интересов детей.

Глава 1. Краткосрочный уход

Я и моя семья с большим трудом расстались с нашим предыдущим подопечным ребенком, Тайо (историю которого я описала в своей книге «Спрятанный»), лишь в конце октября. И поскольку мы так сильно к нему привязались, мне показалось, что будет разумнее сейчас взять нового ребенка только на краткосрочную опеку.

«Краткосрочная опека» в сфере патронатной опеки – это когда ты некоторое время присматриваешь за ребенком (или несколькими детьми), пока постоянные опекуны берут небольшую передышку. Краткосрочная опека и в эмоциональном, и в материальном плане дается намного легче, чем долгосрочная: дети приезжают чистыми, сытыми, с одним чемоданчиком вещей и уверенные в том, что скоро они вернуться в свою постоянную патронатную семью. Некоторые патронатные семьи занимаются только краткосрочной опекой, через их дома проходит постоянная вереница детей. Опекун в таком случае ухаживает за ребенком абсолютно так же, как это делал бы постоянный опекун, но время, которое он проведёт с ребенком, очень ограничено, и с точки зрения всех участвующих лиц рассматривается как небольшой отдых или каникулы. И опекун понимает, что ему нельзя слишком привязываться к ребенку. Поэтому краткосрочная опека считается «более простой».

Я всегда рада взять ребенка на краткосрочную опеку, когда у нас нет никого на опеке постоянной, но всё-таки обычно

предпочитаю долгосрочные варианты, поскольку только они позволяют ощутить, что мне действительно удалось существенно помочь ребенку и стать частью его жизни.

После того как забрали Тайо и перед тем как принять нового ребенка на краткосрочную опеку, мы решили взять недельный перерыв. Я успела как следует прибрать и проветрить детскую комнату, а у всей семьи – меня, Эдриана, Полы и Люси – было время, чтобы немного примириться с тем, что Тайо уехал от нас. Несмотря на то, что Тайо покинул нашу семью при самых благоприятных обстоятельствах, всё равно было очень грустно, чувствовалась какая-то пустота. Очевидно, чтобы полностью заполнить её, требовалось время, и только прибытие нового ребенка могло ускорить этот процесс. Именно по этой причине некоторые патронатные семьи берут детей сразу одного за другим.

В начале ноября приехал первый ребенок на краткосрочную опеку – Джемма, пятилетняя малышка, находящаяся в патронатной семье уже полгода. Она пробыла у нас неделю. Джемма отставала в развитии, и уход за ней требовался как за трехлетней. Пола и Люси, мои дочери, которым 16 и 18 лет, с большим удовольствием помогали мне ухаживать за этой малышкой и, возвращаясь вечером из школы, полностью брали уход за ней на себя. Поскольку я знала, что Поле нужно много заниматься, чтобы написать хорошее эссе для одного из экзаменов, я думала, что это даже хорошо, что Джемма не останется у нас надолго, поскольку по вечерам у нас было слишком много игры в Барби и слишком мало работы над эссе. Хотя я и уверена, что Джемме понравилась неделя веселья с моими дочерьми, она, определённо, была счастлива, когда ее постоянные опекуны вернулись из отпуска и приехали за ней.

Спустя три дня меня попросили взять на две недели Дэйзи. Дэйзи было 15. Обычно я не беру подростков – мне вполне хватает своих трех! Кроме того, считается, что семья лучше сбалансирована, если в ней живут родные и патронатные дети разных возрастов: так меньше шансов появиться детской ревности, а значит, будет легче ухаживать за ребёнком. Тем не менее, уход требовался лишь на две недели, а Дэйзи имела репутацию «чистого наказания», что очень осложняло поиск временной семьи для нее. Кроме того, я подумала, что раз Дэйзи ходит в школу, ей потребуется меньше внимания, чем совсем маленькому ребенку, а значит, у меня будет время на косметический ремонт в ванной до начала рождественской суеты.

Дэйзи и ее опекунша Крисс должны были приехать в 6 часов, но приехали они только в 9:30, так как Дэйзи объявилась дома лишь в 9. Когда Крисс втащила Дэйзи с ее чемоданом в нашу гостиную, непрестанно извиняясь за опоздание, было заметно, что она совершенно измучена. Я успокоила Крисс и убедила ее, что она не причиняет нам никаких неудобств (гибкость и способность адаптироваться играют очень важную роль в вопросах патроната), а также в том, что мы как следует позаботимся о Дэйзи.

Дэйзи – худенькая, симпатичная девочка с длинными светлыми волосами, явно любила модно наряжаться, и столь же явно была недовольна перспективой остаться в моем доме. Джилл, моя связная из патронатного агентства Хоумфайндерс, уже сообщила мне, что Крисс с другом отправляются на две недели в Испанию. Они предлагали Дэйзи поехать с ними, но она отказалась, поскольку не захотела так надолго расставаться со своим парнем.

- Не понимаю, почему я не могла просто остаться дома, – начала бурчать Дэйзи, как только Крисс попыталась попрощаться.

- Детка, ты знаешь, почему, только не в 15, – ответила Крисс устало, – Давай обнимемся, мне надо бежать. Самолет через 3 часа, – и добавила, глядя на меня: – Не знаю, что бы я делала, приди она хоть чуть-чуть позже.

Я еще раз уверила Крисс, что Дэйзи будет в порядке, и велела ей идти.

- Пока, малыш! – сказала Крисс.

- Пока – угрюмо ответила Дэйзи, не глядя на неё и увернувшись от объятий.

- Пока, счастливого отдыха! – сказала я. Закрывая дверь, я подумала, не специально ли Дэйзи вернулась домой так поздно, чтобы Крисс никуда не улетела?

- Ты ещё слишком юна, чтобы оставаться дома одной, – сказала я Дэйзи с улыбкой. – Мы очень рады видеть тебя в нашем доме!

- Серьёзно? – спросила она с сомнением на лице. Настолько сильным, что даже я засомневалась.

- Да! – радостно ответила я. – Мои дочери обожают общаться со своими ровесницами!

Люси и Пола были в своих комнатах, я попросила их спуститься и представила Дэйзи. Как и все подростки, они смущенно поулыбались друг другу, глядя в пол, и перекинулись «приветами».

- Мне нужно помыть голову, – сказала мне Дэйзи.
- Конечно, милая. Давай для начала поднимем твой чемодан.

Я помогла Дэйзи затащить её тяжеленный чемодан наверх, в её будущую комнату. Затем показала, где находится ванная, и убедилась в том, что у неё есть все необходимое. Люси и Пола вернулись в свои комнаты и начали готовиться ко сну – в дни, когда на завтра нужно идти в школу, я слежу за тем, чтобы они ложились не позже десяти.

Час спустя Дэйзи всё ещё была в ванной, и если поначалу я лишь легонько постукивала в дверь с вопросом «Ты там в порядке?», то теперь уже настойчиво стучала и призывала «Дэйзи, поторопись, пожалуйста, нам всем нужно в ванную». Хорошо ещё, что хоть Эдриан сейчас в университете и не претендует на место в очереди, а то в последнее время он стал проводить там времени больше, чем все мы вместе взятые.

Дэйзи, наконец, вышла из ванной около 11, и я не могу сказать, что была этим довольна. Хоть она и оставалась у нас всего на две недели, было необходимо обозначить некоторые правила, но в то же время и не слишком давить на неё. Я сделала ей перед сном какао, и пока Люси и Пола по очереди умывались, села с Дэйзи на кухне и мягко объяснила ей, что, в отличие от дома Крисс, где они жили только вдвоем, в этом доме нас сейчас четверо, и каждому нужна перед сном ванная комната. Также я объяснила, что в ночь перед школой ей нужно быть в кровати в 9:30, а в 10 выключать свет, так как уже в 7:30 нужно выходить на автобус. Какао Дэйзи понравилось – она выпила его одним махом и попросила ещё. А вот распорядок сна явно не пришелся по вкусу.

- Как скажешь, – буркнула она, что на языке подростков значит «я понимаю, что ты говоришь, но абсолютно не согласна».

- Отлично! – бодро сказала я. – Я знаю, это для тебя непривычно, но уверена, что всё будет в порядке. Всего две недели – и ты вернешься к Крисс.

- Да, как скажешь, – повторила она.

Я сделала ей еще какао, которое она так же выпила одним глотком. Затем проводила её до спальни и попросила сразу лечь спать, отложив разбор сумки на утро.

Но, как оказалось, разобрать сумку было не суждено. На следующее утро я проследила, что она не забыла проездной и деньги на обед, и надела хотя бы какой-то элемент школьной

формы. Помахала ей с порога и прокричала вслед:

- Увидимся вечером!

Дэйзи не вернулась из школы. Конечно, я волновалась, но не так сильно, как волновалась бы, случись это с любимым другим ребёнком, так как Джилл мне рассказывала, что Дэйзи не раз пропадала и, как правило, находилась потом в доме у своего парня. Тем не менее, я должна была следовать инструкции для тех случаев, когда ребенок не появляется дома к положенному времени. Поэтому в 5 часов позвонила в патронатное агентство. Джилл попросила меня дать ей еще часок. Я перезвонила в 6, чтобы сообщить, что она всё еще не вернулась. К этому времени Джилл связалась с социальным работником Дэйзи, и та сказала, что, хотя обычно Дэйзи и оказывается у своего парня, мне всё равно нужно сообщить о пропаже в полицию. Пока Люси и Пола готовили ужин, я позвонила в районный участок и прошла через долгую и сложную процедуру регистрации сообщения о без вести пропавшем, не прекращая думать, что я, вероятно, только напрасно отвлекаю полицейских от работы. Так и оказалось.

Только я повесила трубку и села за стол, как мне перезвонила Джилл и сказала, что Дэйзи созвонилась со своим соцработником и сообщила, что она со своим парнем в доме его родителей. Соцработник была не против того, чтобы она там осталась. По интонациям Джилл я понимала, что она не очень-то одобряла это решение. Я не могла судить о его правильности, так как не особенно хорошо знала всю ситуацию, но была расстроена, что Дэйзи не захотела остаться с нами и что я зря потратила время полиции.

Дэйзи заявила через два дня, чтобы взять свежую одежду из так и не распакованного чемодана, согласилась выпить какао, но не стала со мной разговаривать. Еще через два дня она появилась снова – взять еще одежды и принять ванну, так как, по всей видимости, душ в квартире родителей её парня был сломан.

- Крисс приезжает через неделю, – сказала я, выловив Дэйзи между ванной и её не состоявшейся комнатой, – я думаю, было бы здорово, если бы ты побыла эту неделю у нас.

Дэйзи пожалала плечами и попросила фен и какао, которое я сделала, надеясь смягчить её и уговорить остаться. Не помогло. Я так понимаю, Дэйзи с самого начала решила, что не будет жить с нами. Она забегала ещё дважды на следующей неделе – за одеждой, в душ и, естественно, за какао, но ни разу не осталась надолго.

Я вела ежедневные записи о приходах и уходах Дэйзи и

держала Джилл в курсе событий – я обязана делать это для каждого ребенка, которого беру под опеку. Джилл информировала обо всем соцработника, но та не слишком-то волновалась по этому поводу. Нам с Джилл пришлось смириться с тем, что социальная служба считала нормальным такое положение вещей, когда пятнадцатилетняя девочка остается со своим парнем и его родителями. Я чувствовала себя очень неловко из-за того, что не могу толком делать свою работу.

Когда Крисс вернулась, она совсем не удивилась, что Дэйзи нет с нами. Она сказала, что заберёт чемодан, а за Дэйзи поедет к родителям ее парня. И рассказала, что заботится о Дэйзи уже два года, и поскольку девочка - «чистое наказание», она вынуждена регулярно брать отпуск, попутно следя за тем, чтобы Дэйзи тоже отдыхала. Она поблагодарила меня и извинилась за поведение Дэйзи, хоть я и убеждала ее, что это было необязательно. Она добавила, что Дэйзи частенько проводила целые выходные у родителей своего парня, и после долгих встреч и обсуждений с соцработником они пришли к выводу, что проще всего позволить ей это делать, в конце концов, она была в безопасности и не на улице. А поскольку она спала со своим парнем и, предположительно, занималась с ним сексом (что незаконно, так как она несовершеннолетняя), было решено «посадить» её на противозачаточные таблетки. Иногда ожидания по отношению к подросткам приходится серьезно корректировать, и считается, что вот такие реально работающие компромиссы (в достижении которых ребенок участвует сам) намного лучше, чем оптимистичные, но нереалистичные надежды.

Пока я помогала Крисс загрузить чемодан Дэйзи в машину, мне было грустно, что я не попрощалась с ней. И что же вы думаете? Тут же в конце улицы появилась она, за ручку со своим парнем. Заметив Крисс, она тут же высвободила руку и полетела к ней в объятия – было понятно, что она действительно рада её видеть.

- Я так скучала, – пропищала она.

- Я тоже скучала, – ответила Крисс.

Я улыбнулась и спросила у Дэйзи, как дела.

- Нормально, – ответила Дэйзи.

- Да, все нормально, – подтвердил ее парень.

Крисс стоически улыбнулась мне и открыла для них заднюю дверь машины. Я стояла у дороги и, глядя, как они уезжали, махала на прощанье рукой ребенку, которому так и не стала патронатной мамой.

После Дэйзи мне на неделю дали шестилетнего мальчика, Сэма. Это была не краткосрочная, а срочная опека, так как его маму, единственного родителя, не имеющего других родственников, положили в больницу перед рождением второго ребенка. После того как Сэм уехал, я сделала ремонт в ванной и начала плотно готовиться к Рождеству. Я знала, что на краткосрочную опеку мне перед Рождеством никого не дадут, так как все заняты подготовкой к празднику, и никто никуда не уезжает, хотя, конечно, мне могли снова дать ребёнка на срочную опеку. Я забрала Эдриана из университета, и мы все вчетвером нарядили дом и даже сходили на музыкальную постановку «Скруджа» в местный театр.

За 3 дня до Рождества, 22 декабря, позвонила Джилл, и не только для того, чтобы поздравить с наступающим праздником:

- Кэти, у нас тут обращение по семилетнему мальчику, зовут Рис, – сказала она, – Он появился у нас около месяца назад, очень беспокойный... Он пробыл с нынешними опекунами неделю, но мы убедили их поддержать его ещё, пока не найдём замену. Ты сможешь взять его на Новый год?

«Хо-хо» – подумала я, и это было вовсе не сантаклаусовское бодрое «хо-хо». Всего неделя, и опять переезжает?

- Спасибо, Джилл, – сказала я, – и тебя с Рождеством.

Она рассмеялась.

- Да я уверена, что он не так плох, как они говорят, просто живой, подвижный мальчик. Я перезвоню тебе с более подробной информацией.

- Хорошо. Счастливого Рождества!

- И тебе.

Я не была уверена, нужна ли мне эта подробная информация, поскольку все эти «беспокойный» и «но мы убедили их ещё поддержать его» явно говорили о том, что Рис был настоящим кошмаром.

Глава 2: Новый рекорд

К тому моменту, как Джоди (ее историю я описывала в книге «Разбитая» (на русском языке книга вышла под названием «Будь моей мамой», М.: «Рипол классик» 2011. – прим. редактора перевода)) появилась в моем доме, она успела поставить своеобразный рекорд по количеству патронатных семей, через которые прошла – наша была пятой за четыре месяца. Дети, пережившие тяжелые эмоциональные травмы в семье, либо болезненно отстранены от всего, либо, что бывает чаще, озлоблены, ведут себя вызывающе, жестоко и агрессивно, набрасываются на всех и вся в попытке выразить свою боль и обиду на жестокий и запутанный мир. С таким поведением не только очень тяжело справляться патронатному родителю, даже просто смотреть на это тяжело и эмоционально изматывающе для всей семьи. Патронатные родители желают лучшего этим детям и надеются увидеть перемены в их поведении, но в то же время хотят обезопасить свою семью. Иногда ситуация становится непоправимой, если ребенок доходит до крайностей и совершенно не поддается контролю, и патронатные родители вынуждены признать, что больше не могут заботиться об этом ребенке. Это называется срыв размещения. Конечно, все силы нацелены на то, чтобы таких срывов было как можно меньше, но, тем не менее, иногда иных вариантов просто нет – и ребенка передают другому опекуну.

В первый рабочий день, в среду, 2 января, Джилл позвонила около 11 утра. Мы быстро обменялись формальными любезностями по поводу прошедших праздников, после чего Джилл сказала:

- Боюсь, Рис вел себя очень беспокойно все праздники, ты не могла бы забрать его завтра?

- Да, во сколько?

- Я уточню. Кэти, он под опекой всего 6 недель и за это время сменил 4 семьи, ты будешь у него пятой.

- Что? Бред какой-то.

- Да, я знаю. Но одна из опекунш быстро его вернула только потому, что у неё внезапно заболела мать, так что это не его вина.

- Ясно.

На самом деле заболела, или это было лишь оправданием в отчаянной ситуации? Я уже начинала переживать. Количество предыдущих опекунов у ребенка, как правило, служит индикатором того, насколько у него трудный характер.

Стало еще неприятнее, когда Джилл сказала:

- Я убедила соцработника, что ты справишься, и его больше никуда не переведут, пока всё не устроится. У меня тут информация. Ему семь с половиной. Он родился в августе, три года состоял на учете в больнице. Он белый, у него пятеро братьев и сестер по матери, все под опекой. Была еще одна сестра, но умерла в младенчестве. Он среднего телосложения, у него тёмные волосы и глаза. Хорошо ест и спит, со здоровьем проблем нет, только иногда мочится в кровать и не успевает до туалета по большому. Он попал в патронатную систему по временному распоряжению органов опеки. Причины обозначены следующие: опасения по поводу высокого уровня насилия в семье, очень плохая гигиена в доме, невыполнение родительских обязанностей, возможное сексуальное насилие отца по отношению к падчерице, физическое нападение со стороны матери, кроме того, в доме бывают мужчины с криминальной историей, в том числе подозреваемые в педофилии.

И, как будто этого было недостаточно, добавила:

- Ах да, а еще у него проблемы с обучением и поведением, похоже, он не ходил в школу.

Неудивительно, что у него проблемы с поведением, когда в доме такое творится, подумала я.

- Мать будет знать о его местонахождении? – спросила я.

- Нет, мать эмоционально нестабильна, были случаи нападения на детей. Семья хорошо известна в органах опеки ещё с тех пор, как старшую дочь забрали 18 лет назад. А, и ещё: Рис любит, чтобы его называли Акулой.

- Серьёзно? Странное прозвище.

- Возможно, он любит акул – ну, как, знаешь, некоторые мальчики любят динозавров. У меня также есть информация о причинах срывов предыдущих размещений, зачитать тебе?

- Давай... Предупреждён – значит, вооружён.

Джилл засмеялась.

- В первой семье были достаточно опытные опекуны, но у них был свой ребенок того же возраста, и они с Рисом не ладили. Рис ударил его пластиковым мечом так, что пришлось швы накладывать. Второе размещение было у неопытного опекуна, это был ее первый ребенок, и она поняла, что не справится. Похоже, Рис вымещал свою ярость на мебели, потому что она подала заявку на получение нового дивана и кофейного столика. Затем Риса передали другой женщине-опекунке – той, у которой заболела мать. После он попал в

нынешнюю семью, к Тиму и Кэрл. Они опытные опекуны, но Кэрл тоже работает, и хотя у нее частичная занятость, им было сложно справиться, так как Рис не ходит в школу.

- Понятно, – сказала я. Значит, всё не так уже плохо, как показалось вначале – первое размещение сорвалось из-за детской ревности, второе из-за неопытности опекуна, третье из-за вероятной болезни, четвертое из-за работы. – А почему он не в школе?

- Тут не написано, да и соцработник ничего не сказал по этому поводу. Может, из-за всех этих переездов. Соцработника Риса зовут Джейми Хогг, но он в отпуске до конца февраля. Я позвоню менеджеру их отдела, узнаю, есть ли кто-то, кто знает больше. Я сейчас убегаю на совещание, так что попрошу их позвонить сразу тебе.

- Спасибо, Джилл.

- Не за что. Я уверена, что с тобой Рис наконец успокоится.

Когда мы попрощались, я подумала, что, вероятно, мы с Джилл думаем об одном и том же – Рис останется у меня хотя бы потому, что ему нельзя опять переезжать. Я должна буду убедиться в том, что он успокоится, очевидно же, что без стабильности в доме не было шансов на исправление. Через полчаса перезвонила некая Карэн, которая представилась коллегой Джейми Хогга, они работали в одном отделе социальной службы. Она звонила, чтобы дать мне больше информации, и эта информация была не очень обнадеживающей.

- Я знаю семью Риса, – начала она. – Я некоторое время работала с ними. Риса забрали под опеку одновременно с его сестрой по матери, Сюзи. Ей 10, она сейчас у другого нашего опекуна. Их нельзя разместить вместе, поскольку ни у кого из свободных опекунов нет двух детских спален. Несмотря на то, что отцы у них разные, они самые близкие из детей. Четырех старших детей опека забрала много лет назад. Самой старшей, Шэрон, сейчас 18. Рис был свидетелем ужасной жестокости и бог знает чего еще в этой семье. Его отец, Скотт, сидел в тюрьме за нападение, и это только основное обвинение. Там он завел много неприятных друзей, которые стали частыми гостями в их доме. Как минимум один из них известен как педофил.

- Понятно, – медленно ответила я. Услышанное меня совершенно не обрадовало.

- Когда я работала с этой семьей, то обнаружила, что в доме не знакомы с гигиеной, – продолжила Карэн. – Сюзи и Рис были очень грязными, от них пахло мочой. Мамаша очень шумная и

агрессивная, и вся семья постоянно общается исключительно криком. Большую часть времени Рис, по всей видимости, проводил перед телевизором. В мой последний визит, хоть он и был плановым, я застала Риса и Сюзи за просмотром фильма ужасов с рейтингом 18+. Мамаша ничего такого в этом не видела и отказывалась выключать. Рис крупный для своего возраста, плотный, но явно отстаёт в развитии. Часто ведёт себя как дошкольник. Ах, да. Рис кусается. Мать прозвала его Акулой пару лет назад, и прозвище прилипло.

- Его зовут Акулой потому, что он кусается? – я была в шоке.

- Да, я знаю, кошмар. Мамаша с папашей позволяли такое поведение. Они находили это забавным и даже поощряли его. Когда он кусался, они смеялись и бросали ему еду, которую он разрывал на клочки передними зубами. Также он кусает предметы и людей. Это и было одной из причин его исключения из предыдущих школ.

Я молчала, пытаюсь переварить услышанное.

- Насколько я знаю, он был исключен из двух начальных школ, – продолжила Карэн. – Да и пока формально учился, занятия практически не посещал. Департамент образования проинформирован о том, что Рис переходит к вам, они подберут для него школу неподалеку от вашего дома, – Карэн сделала паузу. – Я могу ещё чем-то помочь?

- Будут ли встречи? Он будет видеться с кем-то из семьи?

- Да, он может видеться со своими родителями и сестрой Сюзи раз в неделю, под надзором. Возможно, ему также разрешат видеться с братьями – это еще не решено. Я пока не знаю, где будут проходить встречи. Раньше мы пользовались семейным центром «Хэдлайн», но его матери запретили там появляться. Ещё ей нельзя в центр «Кид-Кэа». Очень агрессивная женщина.

- Да, должно быть. Я ещё ни разу не слышала, что бы кому-либо запрещали доступ в оба центра.

- Да, я тоже такого раньше не видела. Но поверьте, своим поведением она это заслужила. Рис явно повидал в доме много жестокости, и когда ему грустно, он тут же становится агрессивным. Дома у них вообще не было рамок, вообще никакой дисциплины. По мне, так его и Сюзи надо было забирать еще несколько лет назад.

- Так почему же их не забрали?

Карэн вздохнула.

- Я не знаю. К сожалению, у них очень часто менялись соцработники, а мать очень хороший манипулятор. Она кричит и

угрожает, при таком агрессивном поведении даже самые опытные профессионалы не выдерживают и стараются держаться от неё подальше. Когда мы забирали Риса и Сюзи, нам потребовались два соцработника и три полицейских, при том, что в доме с детьми была лишь она одна. С ней бесполезно спорить. Она часто приходит в опеку, и нам приходится вызывать охрану, чтобы вывести ее. Вот и сегодня она ворвалась и требовала сообщить адрес нового дома Риса. Естественно, мы ей ничего не сказали.

Хорошо, подумала я, надеюсь, в этот раз мои личные данные не будут случайно раскрыты, как случилось уже несколько раз.

- Из того, что я знаю о Рисе, – Карэн пыталась закончить разговор на позитивной ноте, – он неплохой мальчик. Вся его агрессия – это лишь то, чему он научился в семье.

- Да, обычно так и бывает, – согласилась я.

- Хотите ещё что-нибудь знать?

- В данный момент нет. Спасибо, информация очень полезная.

- Спасибо, что взяли Риса, мы уже совсем было отчаялись, – сказала Карэн.

Тем же вечером, за ужином, я решила воспользоваться моментом, пока девочки не занялись уроками, и сообщить им о новом ребенке. Люси и Пола понимали, какие сложности могут быть с детьми с проблемным поведением, но также обладали неплохим чувством юмора, поэтому я решила сообщить им это в очень легкой форме, как бы невзначай.

- Дамы, – сказала я, когда мы стали загружать посудомойку, – последнее время у нас ведь была сплошная тишь да гладь с детьми на краткосрочной опеке?

Они посмотрели на меня настороженно, почти с подозрением. Я улыбнулась.

- Ну, вот я и решила, что пора что-то менять, чтобы разбавить наше болото, – я снова улыбнулась. – Завтра к нам приезжает мальчик по имени Рис. Ему семь, но у него проблемы с развитием, поэтому он ведет себя скорее как дошкольник. Когда ему грустно, он кричит, кусается и дерётся, но я уверена, с нашей помощью он быстро изменится. Ему сейчас больше всего нужны стабильность и рамки, – и только я хотела начать говорить о том, как мы всего этого достигнем, вдруг раздался двухголосый хор:

- А кто-нибудь другой его взять не может?

Я поглядела на них мрачно.

- Пробовали. Мы будем уже пятой семьей за шесть недель.

Еще раз в унисон:

- Да ты шутишь!

- Нет.

По их лицам было понятно: они, как и я, осознают, что какие бы вещи или слова этот мальчик ни бросил нам в лицо, – мы не можем отправить его в другую семью, пока суд не примет по нему окончательное решение. Что, скорее всего, займет почти год, а если дело будет сложным, то и больше.

Глава 3: Акула

Джилл позвонила на следующее утро около 11, и у меня внутри все скрутило. Всю ночь я пыталась переварить то, что узнала о Рисе, и понимала, что нервы, несмотря на годы опыта, немного сдают. А что, если его поведение действительно такое плохое, как о нем говорят, и я не смогу ему помочь? Я старалась об этом не думать.

- Риса приведет соцработник по имени Имран, – сказала Джилл, – Они будут примерно в час тридцать. Я приеду на полчаса раньше, около часу. – Джилл всегда старалась быть со мной, когда привозили нового ребенка, отчасти для того, чтобы проследить за оформлением бумаг, а отчасти – в качестве моральной поддержки.

- Хорошо, спасибо, – сказала я.

- А Карэн звонила тебе вчера?

- Да, она очень помогла.

- Хорошо. Она некоторое время работала с семьей Риса. Жаль, что теперь не с ней будем работать. Она очень практичная и все оценивает реально.

- Ага.

Мы попрощались, и я вернулась наверх, где заканчивала оформление комнаты для Риса. Люси и Пола были в школе, Эдриан – в университете, я была в доме одна, и вокруг стояла тишина. Не надолго, подумала я. Уже через несколько часов здесь будет Рис! Я застелила кровать покрывалом с Бэтменом, надела на подушки наволочки из того же комплекта и оглядела комнату. Надеюсь, Рису тут понравится. На стены я повесила постеры «Звездных войн», в коробку с игрушками положила пазлы и головоломки и, памятуя о том, что Рис немного отстает в развитии, повесила постер с Винни Пухом, положила несколько мягких игрушек и поставила игрушечный замок.

Я всегда стараюсь оформить детскую в соответствии с возрастом и полом ребёнка, стараюсь положить вещи, которые могут ему понравиться, исходя из имеющейся у меня информации. Если у ребенка много своих вещей, я убираю то, что ему не понадобятся из приготовленных для него. Детям очень важно иметь свои собственные вещи – это помогает им успокоиться и почувствовать себя в безопасности.

Поскольку последние три месяца я брала детей только на краткосрочную опеку, оформление комнаты постоянно менялось. В результате вся стена покрылась дырочками от кнопок, которыми я прикрепляла постеры и картинки. Я быстренько

закрасила их краской. Баночка краски под рукой – необходимый элемент для успешного патроната.

Около полудня, едва я собралась перекусить, раздался звонок. Это была Джилл.

- Кэти, прости, но ты справишься сегодня одна? Меня вызвали в офис в северном округе, там один из работников заболел.

- Не волнуйся. Я справлюсь.

- Если что – звони на сотовый. В любом случае, я тебе потом перезвоню узнать, как все прошло.

- Хорошо, Джилл.

У нас и раньше бывало так, что Джилл не могла быть рядом, когда привозили ребёнка, поэтому я не слишком переживала. Я занимаюсь опекой уже достаточно долго и знаю все тонкости процедуры, Джилл знала об этом. Если бы я была новичком – приехал бы кто-то другой из офиса «Хоумфайндерс», но я справлюсь и так – по крайней мере, я так думала.

К часу тридцати я была полностью готова встречать Риса. Бродила туда и обратно по гостиной, поглядывая на улицу сквозь тюль. Я снова занервничала и стала думать, что лучше бы Рис приехал ко мне только на срочную опеку, как Сэм (и другие дети до него), тогда бы у меня не было такого нарастающего беспокойства. Но если я нервничаю, то что творится в душе у Риса? Ведь это ему предстоит приехать в пятую семью за шесть недель!

После двух часов, когда Рис так и не появился, я уже стала подумывать, не позвонить ли мне Джилл и убедиться, что всё идет по плану. Напоследок еще раз выглянула в окно, и в этот момент у дома остановилась серебристая машина. Я выглянула из своей тюлевой засады и увидела, как мальчик, держась за переднее сиденье, выкарабкался из машины на проезжую часть. Лет семи, плотно сложенный, с обритой головой. Он начал прыгать вверх-вниз, крича изо всех сил:

- Я первый, я первый, я тебя обогнал, тормоз!

Вот и приехал Рис.

Я наблюдала, как с водительского сидения машины вскочила женщина, подбежала к мальчику и схватила его за руку.

- Не делай так! Это опасно! Тебе следовало дожидаться, пока я выйду!

Рис продолжил прыгать и кричать «Обогнал, обогнал, тормоз!», не обращая внимания на её предупреждения. Затем он попытался боднуть её лбом в лицо. Я вздрогнула, увидев, что

ему не хватило всего миллиметра до ее носа.

Я пошла к двери, прокручивая в голове мысль, что, когда буду возить Риса, нужно будет блокировать все двери, пока он не научится оставаться на месте и ждать, когда я сама открою ему. Также я мысленно сделала себе пометку держать голову повыше, когда мы встретимся, так как бодание, по всей видимости, было одним из его многочисленных «талантов».

- Привет, – сказала я с улыбкой, открыв входную дверь, – Я Кэти, а ты, должно быть, Рис?

Соцработник держала Риса за запястье, чтобы он не убежал, и ему это явно не нравилось. Когда они вошли, она передала его руку мне и вздохнула.

- Привет, Рис, – сказала я, предусмотрительно не наклоняясь к нему. Он не смотрел на меня, уставившись на дверь, а потом резко рванул в ту сторону. Я держала его за руку, а он с силой дергал.

- Пуси, а ну пуси меня! – орал он.

Я положила свободную руку ему на плечо, чтобы развернуть его лицом к себе, добиться зрительного контакта и привлечь его внимание.

- Рис, послушай, – сказала я дружелюбно, но твёрдо. – Послушай меня.

Он всё ещё пытался выдернуть свою руку и даже не смотрел в мою сторону. Я не хотела наклоняться к нему – мое лицо оказалось бы в опасной близости от его лба. – Рис, мы сейчас пройдем по коридору вон в ту комнату, там для тебя уже лежат игрушки.

- Пуси! Пуси меня! – его голос дребезжал, как у старика, и был таким громким, что заполнил все пространство, заглушая все остальные звуки.

- Хорошо, давай пойдем вместе, – я продолжала говорить твердым голосом. Я знала, что если сейчас отпущу его в таком состоянии, он начнет летать по дому как ураган, сшибая все на своем пути, и может поранить себя или сломать что-нибудь из вещей. Чуть позже я покажу ему дом, но пока нужно успокоить его и продемонстрировать, что всё под контролем.

Рис продолжал тянуть меня, а, при его комплекции, весил он прилично и тянул довольно сильно. Под этим весом я стала потихоньку, немного по-дурацки, двигаться в сторону гостиной.

- Я Вероника, – раздался голос соцработника за моей спиной.

- Приятно познакомиться, – ответила я через плечо.

- Тормоз! – проорал Рис.

В гостиной я отпустила Риса и закрыла дверь. Как я и надеялась, он сразу понесся к игрушкам, которые я разложила посреди комнаты. Остальные лежали в шкафу в оранжевое, которая выполняла у нас функции игровой комнаты.

Вероника расплылась на диване, она явно была счастлива, что ответственность за Риса теперь на мне. Я же так и стояла у двери. Не думаю, что Рис понимал это, но таким образом я блокировала ему выход, на случай, если игрушки ему наскучат и он рванет прочь.

- Простите, что мы так поздно, – сказала Вероника, - его должен был привезти Имран, но не получилось.

Я вопросительно посмотрела на нее. Рис продолжал копаться в игрушках, но не играл с ними, а только доставал из упаковок.

- Имран – азиат, – продолжила она и, кивнув в сторону Риса, добавила: – А он – расист.

Она с беспокойством смотрела то на меня, то на наши семейные фото, на которых была моя Люси – наполовину тайка. Я удочерила девочку.

- Не волнуйтесь, я справлюсь, – успокоила я её.

Некоторые опекуны боятся брать детей, которое проявляют расистские наклонности, но я считаю, что дети возраста Риса просто копируют поведение своих родителей, и их легко можно от этого отучить. Куда больше меня волновало, что у Риса явно был СДВГ (синдром дефицита внимания с гиперактивностью), о котором не упоминала ни Джилл, ни Карэн, но это было очевидно. Резкие, дерганные, повторяющиеся движения, учащенное дыхание и, как следствие, гипервентиляция, а также неспособность ни на чём удерживать внимание дольше секунды говорили именно о гиперактивности. Нужно было его успокоить и предложить Веронике кофе, чтобы она могла спокойно сесть и заполнить бумаги, которые достала из чемодана.

Рис как раз закончил распаковывать паззлы и головоломки, и теперь они радужной горой лежали посреди комнаты. Я медленно отошла от двери и присела рядом с мальчиком на корточки.

- Рис, – сказала я, пытаюсь заглянуть ему в глаза, – давай выберем одну игру, в которую поиграем, а остальные уберем?

Он даже не посмотрел в мою сторону. Похоже, его мозг так возбудился, что был полностью заблокирован и не воспринимал никакой информации извне. Я легонько коснулась его руки, он посмотрел на меня, но при этом, похоже, сквозь меня.

- Рис, давай поиграем со строительным конструктором? –

предложила я. – Мне кажется, из тебя выйдет отличный строитель.

Я сложила вместе два кусочка конструктора, но Рис уже поднялся на ноги и устремился к книжному шкафу и тут же принялся вытаскивать из него книги. Прежде чем я подошла к нему, он успел полностью очистить одну полку и принялся за вторую.

- Рис, ты хочешь, чтобы я тебе почитала?

Ни ответа, ни реакции, только летящие на пол книги.

- Ладно, Рис. Вот эта хорошая, – сказала я громче. Наклонившись, я вынула из растущей на полу груды книг одну – большую, цветную, с цифрами. – Давай почитаем эту. Это книжка с картинками и цифрами от одного до ста. Ты умеешь считать до десяти?

Внезапно книги перестали сыпаться, он повернулся и посмотрел прямо на меня впервые за все время, что находился тут. Я заметила, что у него красивые карие глаза, но очень необычные передние зубы. Четыре передних зуба были очень крупными, кривыми и острыми. Не они ли стали причиной для прозвища «Акула»? Если так, то это невероятно жестоко.

- Ну же, Рис, – спросила я, глядя ему прямо в глаза. – Ты умеешь считать до десяти?

Он широко оскалился, обнажив свои необычные зубы.

- Конечно, умею, глупая жучара! Я и до ста умею!

Он выхватил у меня книгу, плюхнулся на диван и устроился там в ожидании чтения. Я не слишком расстроилась ни из-за «глупой жучары», ни из-за того, как он вырвал из моих рук книгу. Главное, что он немного успокоился, и мне удалось завладеть его вниманием.

Я села рядом с ним на диван, Вероника начала заниматься бумагами. Рис подвинулся поближе и положил книгу мне на колени. Я открыла первый разворот: на странице слева была нарисована огромная цифра 1, а справа – милый белый кролик.

- Что это за цифра?

- Один! – прокричал он.

- Правильно, молодец. Но кричать вовсе не нужно – я ведь сижу совсем рядом.

Я перевернула страницу и открыла разворот с цифрой 2 и изображением двух тряпичных кукол.

- Два! – прокричал Рис.

Вероника подготовила документы на размещение, и теперь, переворачивая страницы и читая цифры, я одновременно отвечала на ее вопросы. Продиктовала контакты нашего

доктора, к которому я буду водить Риса, и номер моего сотового.

- Я бы предложила вам кофе, – сказала я Веронике, – но думаю, нам пока стоит продолжить с этой книгой.

- Бесспорно, – ответила она.

Я переворачивала страницы, Рис выкрикивал цифры, Вероника задавала мне вопросы. К моменту, когда Рис добрался до цифры 15, она собрала всю необходимую информацию и протянула мне бумаги и ручку. Я подписала документы правой рукой, левой продолжая перелистывать книгу. Вероника разделила копии и оставила одну для меня на кофейном столике.

- Обычно процедура требует, чтобы я с вами прошла по базовой информации, – сказала она, поглядывая на Риса. – Но я не думаю, что сейчас подходящий момент.

Базовая информация, как правило, включает имена, адреса и возраст всех членов семьи ребенка, его этническую принадлежность и вероисповедание, диетологические или медицинские потребности, суть судебного распоряжения, по которому ребенка передали в опеку, и другие важные моменты, как, например, упоминание того, что у ребенка трудности с поведением.

- Согласна. Я потом сама прочитаю, когда будет возможность.

Цифра 20 и 20 маленьких эльфов.

- Не думаю, что там есть что-то, чего вы еще не знаете, – сказала Вероника. – А условия встреч еще не утверждены.

Цифра 24 и 24 белые мышки.

- Хорошо.

Рис слегка подтолкнул меня локтем, чтобы я не останавливалась.

- Рис, ты такой молодец, отлично себя ведешь. Я очень рада, что тебе нравятся книги, я тоже их люблю.

Цифра 25 и 25 красных тюльпанов. Рис прокричал цифру, я перевернула страницу.

- Ну что ж, если больше ничем не могу помочь, я, пожалуй, просто оставлю это здесь, – Вероника положила бланки с базовой информацией поверх договора на размещение.

Я остановилась и посмотрела на Риса, спокойно сидящего рядом со мной.

- Рис, сказала я, – давай попрощаемся с Вероникой и потом продолжим читать?

Он ткнул в открытую страницу пальцем и требовательно сказал:

- Нет, читай! Хочу книгу!

- Ну, раз ты не хочешь прощаться с Вероникой, посиди пока и сам полистай немного, пока я ее провожу.

Я передвинула книгу, открытую на странице с изображением двадцати восьми звездочек, ему на колени и встала. Рис немедленно вскочил, уронив книгу.

- А как же мое барахло? – прокричал он во все горло.

Мы с Вероникой улыбнулись, переглянувшись. В суете, связанной с их приездом, мы обе забыли забрать вещи Риса из машины. Задержка в развитии у него, может, и есть, но свои вещи он точно нигде не растеряет.

- Молодец! – сказала я ему. – Мы ведь не отпустим Веронику с твоими вещами, правда?

Рис ухмыльнулся.

- Вы забыли, глупые вы жучары! – прокричал он, шлепнув меня по руке.

Пулей вылетев из гостиной, он понесся по коридору к входной двери. Я пошла за ним, оставив Веронику собирать документы.

- Рис, не открывай дверь! – крикнула я.

Торопясь добраться до своих вещей, оставшихся в машине, он уже схватился за дверную ручку, которая, к счастью, временами заедает. Я встала рядом и положила свою руку поверх его руки.

- Здесь очень плотное движение, – сказала я. – Ты всегда должен ждать, пока я не открою дверь сама. Я беспокоюсь за тебя.

Моя рука лежала поверх его руки на дверной ручке – прямо перед его лицом, – и прежде, чем я поняла, что сейчас произойдет, он вцепился в нее зубами.

Я вскрикнула и отдернула руку. Рис продолжал атаковать дверь. Я прижала ее ногой, чтобы он не смог открыть, и посмотрела на руку. На коже четко отпечатались следы зубов, но крови, слава богу, не было. Я легонько взяла мальчика за плечи, развернула лицом к себе и посмотрела ему в глаза.

- Рис, – сказала я твердо, – кусаться очень нехорошо. Это больно. Так делать нельзя.

Его взгляд метался по коридору, и я поняла, что он просто не слышит меня.

- Рис, – повторила я громче, все еще удерживая его за плечи. – Рис, посмотри на меня! Кусаться нельзя.

По-прежнему не глядя мне в глаза, он опустил подбородок, наклонил голову к плечу, где лежала моя рука, и попытался

снова меня укусить. Затем резко мотнул головой в другую сторону и попробовал дотянуться до другой руки. К счастью, обе были вне пределов досягаемости.

- Нет! – сказала я снова. – Не кусайся! Это плохо! Сейчас же перестань!

Он пощелкал зубами у моих рук, затем вырвался и унесся вверх по лестнице. Подошла Вероника.

- Кэти, вы в порядке?

Мы обе посмотрели на мою руку – на коже все еще оставался четкий след от зубов Риса.

- Да, – ответила я, – кожу не прокусил.

Я с беспокойством посмотрела наверх – было слышно, как Рис носится по площадке. Его нельзя было оставлять там одного.

- Вероника, вы бы не могли принести вещи Риса, пока я его успокаиваю?

- Конечно, – ответила она.

Я открыла ей дверь и поднялась наверх.

Рис бешено скакал по моей кровати. Пружины печально скрипели.

- Ну-ка слезай, – сказала я.

Он продолжал прыгать, повернувшись ко мне спиной.

– Рис, слезай с кровати!

Меня вновь проигнорировали. Я ухватила его за запястье, стащила вниз и усадила на кровать. Села позади него и обхватила так, чтобы он не мог дотянуться до моих рук зубами. Он рассмеялся, немного подергался, пытаясь высвободиться, еще больше развеселился но, наконец, успокоился и расслабился.

- Молодец, так-то лучше, – сказала я. Еще немного подержала его, затем отпустила и, взяв за руку, подняла с кровати.

- Рис, это моя комната. Только моя. Тебе сюда нельзя. Я покажу тебе твою комнату, когда мы попрощаемся с Вероникой.

- Хочу сейчас! – закричал он.

- Рис, а я хочу, чтобы ты перестал кусаться. Посмотри на мою руку.

Придерживая его одной рукой, я показала ему вторую, укушенную им. Уверена, что если бы я его отпустила, он тут же убежал бы в другую комнату.

- Посмотри на эти следы, – сказала я. – Это твои зубы – и это очень больно.

На самом деле, ущерб был не так уж велик, но от ужасной

привычки кусаться нужно было отучать его как можно скорее. Если бы он прокусил кожу, все могло закончиться куда хуже, ведь через укусы передаются практически все инфекции, включая гепатит и ВИЧ.

Похоже, Рис наконец сфокусировался на моей руке, которую я держала у него перед глазами, готовая отдернуть ее, если он снова попытается укусить.

- Люди не кусают друг друга. Не кусайся, Рис.

- А я не люди. Я – акула, – сказал он.

Я развернула его и вновь посмотрела ему в глаза.

- Рис, ты не акула, ты мальчик, а мальчики не кусаются.

- Нет, кусаются. Я мальчик-акула.

- Ты не акула. Ты Рис, и ты перестанешь кусаться. Хорошо?

Он не ответил, глаза его вновь беспокойно забегали по комнате, фокусируясь на чем угодно, кроме меня.

- В моей комнате есть телик? – вдруг спросил он.

- Да, есть. И это в некотором смысле привилегия – как видишь, у меня телевизора нет.

Я использую телевизор как средство поощрения за хорошее поведение и могу забрать его в наказание за непослушание. Этот «аргумент» я использую со всеми детьми, которые любят телевизор.

- Ладно, Рис, – сказала я, выходя с ним из моей комнаты, – давай заглянем в твою комнату, я покажу тебе телевизор.

Он шел со мной за руку, весело подсакивая, мы прошли лестничную площадку и зашли в его комнату.

Я слышала, как внизу Вероника вносит в дом вещи Риса.

- Хочу включить! – завопил он, прыгая в сторону пульта, лежащего на телевизоре.

Я успела перехватить его и получила взгляд, полный ярости.

- Итак, Рис. Телевизор в комнате – это привилегия. Тебе можно будет немного его посмотреть, если ты будешь хорошо себя вести. Хорошо себя вести – значит не кусаться и слушаться меня. Понятно?

Он кивнул, мельком посмотрев в мою сторону.

- Отлично. Теперь можешь сесть вон в то кресло, я посмотрю, показывают ли сейчас что-нибудь подходящее для детей.

Было три часа дня, поэтому что-нибудь да нашлось бы. Я воткнула вилку телевизора в розетку и щелкала пультом, пока не наткнулась на какой-то мультик для дошколят.

Поведение Риса тут же радикально изменилось. Он замер

на месте, как тогда, когда я читала ему книгу. Руки и ноги перестали дергаться, дыхание пришло в норму, все его внимание было приковано к ярким фигуркам, скачущим на экране. Я, само собой, обрадовалась тому, что ребенок успокоился, но дети с СДВГ, как правило, не могут расслабиться даже перед телевизором. Я подумала, что контролируемый просмотр телевизора и совместное чтение книг будут важными шагами к исправлению поведения Риса. Оставив мальчика, полностью поглощенного мультиком, сидеть в кресле, я спустилась к Веронике, которая как раз внесла последнюю партию вещей Риса в холл и ждала меня.

- Все в порядке? – спросила она с надеждой в голосе.

- Да, смотрит мультики и вроде успокоился.

Я осмотрела на его багаж – большой чемодан, пара рюкзаков и две коробки с игрушками, примерно столько вещей я и ожидала увидеть у ребенка, пробывшего в опеке лишь месяца.

- Ну что ж, приятного вечера, – сказала Вероника. Она достала из кармана сложенную бумажку, – это вам от предыдущих опекунов – про еду, которую он любит.

Я развернула листок и прочитала: «Рису нравится многое, но больше всего он любит куриные нагетсы, рыбные палочки, макаронные колечки в соусе и сосиски. Ему нравится газировка, но от нее он становится гиперактивным». Вполне разумно, подумала я, ведь многие исследования показывают, что диета играет важную роль в поведении ребенка, в частности, если он чувствителен к каким-то добавкам, как часто и бывает у проблемных детей.

- Спасибо, – сказала я Веронике, сворачивая записку.

- Еще ему противопоказаны добавки с индексом Е.

- Я учту это.

Вероника ушла. Я отнесла сумки и коробки в комнату Риса, сказав ему, что сейчас буду распаковывать вещи и, если он хочет, то может мне помочь. Мальчик даже не посмотрел в мою сторону – настолько он был поглощен ярким мультиком, рассчитанным на детей четырех лет. Я открыла чемодан и стала вынимать вещи, развешивать их в шкаф и раскладывать в ящики комода. Периодически я посматривала на Риса. Он был спокоен и, кажется, даже не замечал моего присутствия. Его глаза неотрывно следили за героями мультика, которые в этой серии поехали в парк. Время от времени он, как бы выражая свое одобрение происходящему на экране, тихонько похрюкивал и повторял непонятные слова. Мне показалось, что Рис намного лучше ладит с телевизором, чем с людьми, вероятно, потому,

что провел перед ним все свое детство, как говорила Карэн. Телевизор, определенно, станет полезным инструментом в коррекции поведения ребенка, но просмотр программ придется строго контролировать, поскольку я хочу, чтобы Рис научился общаться с людьми, а не с экраном.

После четырех вернулись Люси и Пола. Они наверняка ожидали увидеть носящегося по дому неконтролируемого ребенка, но Рис по-прежнему мирно смотрел телевизор, пока я раскладывала его вещи.

- Мы наверху, – крикнула я, услышав, как хлопнула дверь.

Оставив сумки и куртки в холле, девочки поднялись к нам и постучали в дверь. У нас в доме принято стучать, прежде чем войти в чужую комнату.

- Привет, – сказала я, – Это Рис. Рис, это мои дочери, Пола и Люси.

Девочки поздоровались, Рис, не отрываясь от экрана, приветственно хрюкнул.

- Я сейчас закончу с вещами и займусь ужином. Хорошо провели день?

- Да, – ответила Пола.

- Неплохо, – добавила Люси.

Девочки смотрели то на Риса, то на меня. По их взгляду я поняла, что они думают: ну не может этот мальчик, со спокойной улыбкой следящий за историей игрушечного лисенка, быть тем сорванцом, о котором я их предупреждала. Однако, судя по тому, что я уже видела, ситуация скоро кардинально изменится.

Глава 4: Обучение туалету

Пока Рис был увлечен телевизором, я воспользовалась моментом и, прежде чем взяться за готовку, предупредила девочек, что Рис может их боднуть или укусить, поэтому нужно быть осторожными. Они покивали, но явно не особенно насторожились: у нас уже бывали дети, о поведении которых говорили ужасные вещи, но это никак не проявлялось в нашей семье.

- Просто будьте осторожны, – сказала я, – не хочу, чтобы кто-то из вас пострадал.

Я ненадолго прервала просмотр телевизора, чтобы показать Рису, где находится туалет, и объяснить правила, касающиеся чужих комнат: наши комнаты – это наше личное пространство, и мы не входим в чужую комнату, пока нас не пригласят. Рис легко согласился, так как понимал, что сможет вернуться к телевизору, как только я закончу свои объяснения. Не сомневаюсь, что правила насчет комнат мне придется повторить еще раз, так как дети в этом возрасте – даже без трудностей с обучением – достаточно импульсивны и, если им нужно кого-то срочно найти, влетают в комнату без стука.

Около пяти, когда я уже готовила ужин, Рис оторвался от телевизора, встал у лестницы и из всех сил прокричал «Кэти! Хочу какать!». Да так громко, что я услышала его даже на кухне, а это противоположный конец дома. Зная, что у Риса в прошлом были проблемы с туалетом, я бросила чистить картошку и поспешила наверх.

- Умница, – похвалила я мальчика. – Давай прямиком в туалет!

Я провела его по лестничной площадке и открыла дверь в туалет. Рис совершенно беззастенчиво стянул с себя штанишки вместе с трусами и уселся на унитаз. Я прикрыла дверь туалета и осталась ждать снаружи. Вскоре из-за двери понесся неприятный запах, а за ним последовал вопль: «Кэти, я все!».

- Умница, – еще раз похвалила я, – а теперь вытирайся и мой руки.

Я осталась у двери, чтобы убедиться, что Рис вымоет руки, и делает это как следует, так как многие дети, попадавшие ко мне, не имели понятия даже о примитивной гигиене. Я подождала еще, но так и не услышала, чтобы Рис воспользовался туалетной бумагой – она у нас крепится на прибитую к двери катушку, которая довольно громко бренчит при разматывании.

- Все в порядке? – спросила я.
- Я все! – прокричал он в ответ.
- Хорошо, вытирай попу, смывай за собой и помой руки.

Ответом мне была тишина. Я повторила инструкции, а затем спросила:

- Рис, ты вытер попу?
- Нет.

Я открыла дверь и заглянула внутрь. Он все еще сидел на унитазе со спущенными штанами, поставив локти на колени, словно отдыхал в пляжном шезлонге, и вовсе не собирался вытирать попу.

- Ну, давай, – подбодрила я его, – если закончил, то вставай и вытирай попу.

- Не могу, – ответил он.
- Не можешь?
- Не-а.

Я, конечно, удивилась, что ребенок его возраста, пусть и труднообучаемый, не умеет вытирать попу, однако не собиралась поднимать из-за этого бучу. Но и не собиралась делать это за него, как, по всей видимости, поступали все до меня. Хотя он и запаздывает в развитии, его способностей должно хватить, чтобы обучиться этой процедуре: умеет считать до ста – значит, и попу вытереть сможет.

- Хорошо, я покажу тебе, как это делается. Смотри на меня, Рис, потом повторишь сам. Сначала оторви три кусочка бумаги, вот так, – я оторвала бумагу. – Потом сложи вот так и вытри попу вот так, – я немного повернулась и провела бумажкой по своим штанам. – Бумажку используешь только один раз. Затем бросаешь ее в унитаз и отрываешь еще бумаги. Вероятно, для большинства взрослых это все кажется очевидным, но я лично сталкивалась с тем, что ребяташки пытались использовать бумагу дважды, просто перевернув ее, и пачкали руки.

- Теперь твоя очередь, – я передала ему сложенную бумагу, и он неловко попытался вытереться, продолжая сидеть на унитазе.

- Рис, нужно встать.

Он соскочил с унитаза, неуклюже, но смело вытер попу и сел обратно.

- Хорошо, следующий кусочек, смотри внимательно, – я оторвала еще бумаги, сложила и передала ему. Он снова попытался вытереться сидя.

- Рис, не забывай привставать.
- Давай ты вытрешь, – пробурчал он.

- Я могла бы, но я хочу, чтобы ты научился. Ты ведь будешь чувствовать себя намного увереннее, когда сможешь вытереть попу самостоятельно.

Он недоверчиво дернул плечом, но, тем не менее, взял новый кусочек бумаги, привстал и самостоятельно вытер попу. Так мы и продолжили – я отрывала ему бумагу, а он вытирался, пока не вытерся дочиستا.

- Молодец, – сказала я. – А теперь смывай.

У него получилось с первого раза, видимо, он уже делал это, когда ходил по-маленькому. Он натянул трусы и штаны обратно.

- Хорошо. А теперь, перед тем, как за что-то взяться, нужно тщательно вымыть руки горячей водой с мылом.

Рис обреченно стоял, пока я включала горячую воду. Я вложила в его ладони мыло и опустила его руки под кран.

- Кто вытирал тебе попу дома? – спросила я, пока он тер руки.

- Не знаю, – сказал он, смеясь.

- А в школе? Там это кто делал?

- А я в школе никогда не какал.

Меня это ничуть не удивило: многие дети, научившись терпеть, могли выдержать так целый день, до возвращения домой. Для них это своеобразный способ избежать неловких моментов на людях. Поэтому, чтобы дети могли чувствовать себя увереннее, очень важно научить их таким вещам как можно раньше.

- Теперь сможешь ходить в туалет и в школе, молодец! – улынулась я. – Отряхни руки и вытри их полотенцем.

Рис с большим энтузиазмом потряс руками, разбрызгивая воду. Я поднесла его руки к полотенцу и подождала, пока он вытрет их насухо. Пока я открывала в туалете окно, мальчик проскользнул обратно в свою комнату.

Возвращаясь на кухню, я заглянула к нему. Он снова сидел в кресле-мешке перед телевизором.

- Рис, ты досмотришь передачу, а потом мы выключим телевизор, и ты поиграешь внизу, хорошо?

Он кивнул, но я не была уверена, что он услышал меня, поскольку был полностью поглощен «Синим Питером», последней детской передачей перед блоком передач для взрослых.

Только я вернулась на кухню к недочищенной картошке, как снова услышала Риса, кричащего с лестницы:

- Кэти! Какать!

Его голос звучал тревожно, поэтому я пулей взлетела по лестнице, а он бегом побежал в туалет и успел снять штаны и сесть как раз вовремя.

- Не волнуйся, – сказала я, – небольшое расстройство желудка, только и всего. Наверное, ты просто переволновался, пока ехал сюда.

Я подождала, пока он закончит, и мы повторили наш ритуал отрывания, складывания и передавания ему бумаги, пока он не вытерся начисто. Я включила воду в раковине и проследила за тем, как он вымыл руки, затем открыла окно пошире.

Две минуты спустя, едва я опять взялась за картошку, вновь раздался вопль:

- Кэти, какать!

Я снова поднялась наверх и снова отрывала, складывала и передавала ему туалетную бумагу и следила за мытьем рук. Пока я закончила с картошкой, Рис вызывал меня еще дважды, и девочки уже начали спрашивать, что за странный запах с лестничной площадки тянет к ним в комнаты.

В 5:25 «Синий Питер» закончился, и я, оставив ужин на плите, пошла наверх, чтобы объяснить Рису, что детские передачи закончились, на сегодня хватит, и попросила его выключить телевизор. Он проигнорировал мою просьбу, поэтому я ее повторила, а затем выключила телевизор сама.

Нажав кнопку на пульте, я словно нажала какую-то кнопку включения на Рисе. Этот час перед телевизором дал ему отдохнуть. Он мгновенно вылетел пулей в коридор и, совершенно игнорируя нас, стал носиться вверх и вниз по лестнице, вбегал в комнаты, в том числе в чужие спальни, и выбегал из них, громко жужжал и улюлюкал. Пола, попытавшаяся его поймать, когда он в очередной раз вломился к ней в комнату, едва избежала удара его головы, поскольку он на полной скорости сталкивался со всем, что встречалось ему на пути. Мальчик явно был перевозбужден и неуправляем. Единственным способом успокоить его могло быть какое-нибудь активное занятие, которое помогло бы ему избавиться от накопленной энергии. Летом я разрешаю детям выбегать в сад – там они могут носиться и вопить, никому не мешая, но в середине зимы на улице темно и холодно. И я решила использовать другой вариант – прогулку быстрым шагом.

- Приглядите, пожалуйста, за ужином, – попросила я Люси и Полу, с лестничной площадки наблюдавших, как Рис прыгает по лестнице, словно радужная игрушка-пружинка. – Мы сходим на прогулку, минут на 20, должно хватить. Наверное, сегодня он

просто не устал.

Не было никакого смысла пытаться догнать Риса – он бы увидел в этом игру и наслаждался бы попытками поймать его, что возбудило бы его еще больше. Поэтому я спустилась и, надевая пальто в прихожей, крикнула:

- Рис, пойдем! Мы идем на прогулку перед ужином.

Он все еще бегал туда-сюда по коридору, вбегая и выбегая из гостиной и визжа во все горло. Возможно, это была какая-то игра и он воображал себя Боингом-727 или птеродактилем, но она становилась опасной. Мальчик широко раскинул руки и издавал звуки, скорее похожие на волчий вой, чем на рев самолета или крик доисторической птицы.

- Рис, пойдем, – позвала я снова, – Прогуляемся перед ужином.

- Нет! – прокричал он, пролетая мимо меня и едва не задев мою руку своими распростертыми крыльями.

Не имело никакого смысла настаивать и заставлять его – это привело бы лишь к пререканиям. Поэтому я попробовала другую уловку – притвориться абсолютно равнодушной, такое срабатывает с детьми помладше.

- Не вопрос, – сказала я спокойно. – Пойду, прогуляюсь одна, побудь с Люси и Полой, они за тобой присмотрят.

Я бы ни за что не оставила нового ребенка на опеке наедине с девочками в первый же вечер, особенно такого проблемного, как Рис, но он об этом, конечно, не знал. Я медленно обулась и стала сосредоточенно застегивать пальто, давая Рису шанс оценить, что он может сейчас упустить. Он немного замедлился и смотрел на меня с дальнего конца коридора. Я, не глядя на него, непринужденно повернулась к двери, схватилась рукой за дверную ручку и крикнула:

- Всем пока!

- Нет! Я тоже хочу пойти! – крикнул он и понесся ко мне через весь коридор.

- Стоп, – я взяла его за плечо и посмотрела ему в глаза. – Ты точно хочешь пойти? Это не обязательно.

- Да! Возьми меня! Я иду на прогулку!

Он в спешке начал натягивать теплые штаны.

- Хорошо, если ты хочешь.

Дети, на самом деле, любят чувствовать, что от них тоже что-то зависит. Особенно дети, попавшие под опеку, поскольку, забирая из дома, их лишают выбора. Дав Рису возможность что-то выбирать, я позволила ему почувствовать, что он принял решение самостоятельно. В некоторых случаях предоставить

ребенку выбор невозможно – например, когда нужно, чтобы он собрался в школу к определенному времени. Но зачастую, если ребенок получает право голоса по какому-то вопросу, он ослабляет защиту, и его легче убедить сделать что-то, чему в другой ситуации он стал бы ожесточенно сопротивляться. Это не высший пилотаж, просто небольшая полезная уловка, которую многие родители используют, даже не осознавая этого.

Я помогла Рису надеть пальто, подтянула ему штаны и взяла за руку, когда мы вышли на улицу. Вскоре выяснилось, что Рис понятия не имеет о правилах безопасности на прогулке возле проезжей части. Он прыгал и скакал вокруг меня, пытаюсь отцепиться, и нарезал свободной рукой большие круги в воздухе.

- Держись подальше от края тротуара, – предупредила я, поскольку он постоянно пытался спрыгнуть в водосточную канаву. Потом я просто поменяла руки так, чтобы Рис шел с другой стороны от меня, подальше от дороги и проезжающих машин. Он постоянно запинаясь на ровном месте и, не держи я его за руку, уже пробороздил бы коленями асфальт. Несмотря на то, что я каждый раз удерживала его от падения, он вопил и ругался на асфальтовую дорожку, словно это она была виновата: «Смотри у меня!».

Я шла достаточно быстро, чтобы он потратил побольше энергии, но не настолько, чтобы это было для него проблемой. Очень скоро мальчик начал пыхтеть и отдуваться, запыхавшись.

- Ты не привык к прогулкам? – спросила я, немного замедляя шаг.

- Не знаю, – ответил он.

- Ты не гулял с другими семьями?

- Мы были на тачке.

- А у мамы? У нее тоже была машина?

- Не знаю.

Ответы Риса были не важны – я просто пыталась с ним поболтать, только и всего, и так очевидно, что он не привык к прогулкам, да и вообще был не в форме. Еще я заметила, что на все вопросы про маму или дом, как и раньше, был один ответ: «Не знаю». Я никогда не спрашиваю детей ничего про их жизнь дома, помимо самого основного, за исключением случаев, когда они пытаются мне рассказать о жестоком обращении или насилии. Тогда я, конечно, аккуратно расспрашиваю. Но сейчас даже на самые безобидные вопросы типа «У тебя была дома своя комната?» (я спросила об этом, когда показывала ему комнату) следовал ответ «Не знаю». Рис под опекой всего 6 недель, едва ли он мог забыть семь лет, проведенные в семье.

Особенно такие существенные моменты: была ли у него своя комната, есть ли у его родителей машина. А не в том ли дело, что родители велели ему ничего не рассказывать о доме? Это был бы не первый случай в моей практике, когда ребенка запугивали, заставляя молчать. С ответом на вопрос «Какие хлопья ты будешь на завтрак?» проблем не было, зато вопрос «А дома ты ел хлопья?» либо оставался без ответа, либо – «не знаю». Детям куда проще ответить «не знаю», чем пытаться разделить то, что можно говорить, а что – «секрет».

Пятнадцать минут спустя, когда моя правая рука стала на пару сантиметров длиннее левой, удерживавшей то и дело спотыкавшегося Риса, мы закончили прогулку и отправились домой. Я опять поменяла руки так, чтобы ребенок шел не со стороны проезжей части, поскольку он продолжал дергаться туда-сюда и вполне мог свалиться в канаву или под проезжающую машину, допусти я такую возможность. Я по-прежнему пыталась разговаривать его, но он отвечал короткими предложениями, и было не похоже, что мальчик вообще способен поддерживать нормальный разговор. Если я говорила что-то вроде «Холодно, да?», он либо не отвечал, либо выдавал совершенно бессвязную реплику типа «У этой машины фары включены». Если я пыталась поддержать эту беседу, говоря «Да, фары позволяют водителю видеть дорогу в темноте», он опять отвечал что-то неподходящее, и все чаще стали повторяться фразы о том, как устали и болят его ноги и сколько еще нам идти.

Когда мы добрались до дома и стали подниматься на крыльцо, Рис вдруг сказал:

- Я больше не могу, надо на тачке.

- На машине мы, может быть, поедем завтра, – сказала я, вставляя ключ в замок.

- Глупая ты корова, надо было сейчас на тачке ехать!

Наконец-то его фраза логически продолжала предыдущую, что, конечно, можно считать прогрессом, но я не особо обрадовалась.

- Рис, не говори так, пожалуйста, это грубо и обидно.

- Глупая корова! – сказал он громче, вбегая в коридор.

Я не была уверена, что прогулка дала желаемый эффект: едва мы пересекли порог, у Риса словно перезарядились батарейки. Минут пять ушло на то, чтобы убедить его снять пальто и ботинки. Затем, отчаявшись привлечь его внимание играми или головоломками, я позвала девочек и попросила, чтобы кто-нибудь из них почитал для Риса, пока я закончу с

ужином.

- У меня уроки, – сказала Пола.

- Я говорю по телефону, – отозвалась Люси.

- Так, девочки, давайте по-честному, – сказала я, пытаюсь перекричать боинг-птеродактиля Риса. – Если вы сегодня планируете поужинать, кому-то из вас придется ему почитать.

Обе тут же спустились, и мне даже стало немножко стыдно.

- Спасибо, – сказала я, – Совершенно невозможно что-то делать, когда вокруг такой шум и гам. Рис! – громко позвала я, перекрикивая самолет, идущий на посадку (или птеродактиля, преследующего свою жертву). – Пойди выбери себе книжку в зале, Пола и Люси почитают тебе.

Упоминание слов «книжка» и «почитают» сработали как кнопка выключения. Рис скользнул в зал и спокойно уселся с книжкой на коленях. Я подождала, пока девочки сядут с ним рядом и начнут по очереди читать ему «Ноги Альфи» Ширли Хью. Рис слушал словно под гипнозом. Похоже, пока кто-то занимает и развлекает мальчика, его тело и разум отключаются и расслабляются, но как только он должен сам себя занять, включается гиперактивность. Стал ли причиной телевизор, который он много смотрел дома, или возникла как раз обратная зависимость, я, естественно, не знала, но одно было ясно: мне предстоит прочитать очень много книг, особенно учитывая, что Рис не ходит в школу.

Пятнадцать минут спустя я созвала всех к ужину. Рис появился первым.

- Вот это место для тебя, – сказала я, указывая на его место за столом. – Люси сядет здесь, – я показала на стул рядом с ним, – а Пола напротив.

Рис сел там, где я ему указала, девочки тоже расселись по местам. Я подала на стол куриную запеканку и объяснила Рису, что это за блюдо. Он посмотрел на запеканку и улыбнулся мне.

- Вау, выглядит классно.

- Спасибо, малыш, – сказала я. – Очень мило с твоей стороны.

Я села во главе стола и почувствовала, что наши дела налаживаются.

Рис взял кусочек курицы пальцами и засунул в рот.

- Ммм, вкуснотища! – сказал он, громко чавкая.

- Хорошо, – сказала я, – но попробуй есть вилкой. В еду лучше не лазить руками.

Он посмотрел на вилку, потом на меня – и снова схватил запеканку рукой. Я взяла его вилку, наколола на нее кусок

курицы и положила на его тарелку так, чтобы ему удобно было взять. Он как-то неловко поднял ее, удерживая, как ложку, и сунул себе в рот. А затем снова стал есть руками.

- Рис, а ты раньше пользовался ножом и вилкой?

Девочки подняли глаза.

- Не знаю, – ответил Рис.

Я наколола еще один кусок курицы на его вилку и снова положила ее так, чтобы он сам ею воспользовался, что он и сделал. Затем он потянулся пальцами к картошке.

- Может, дать тебе ложку? – спросила я, поскольку горошек и подлив могли стать создать нам проблемы.

Рис кивнул. Я достала десертную ложку, и он достаточно ловко с ней управился: видимо, к такому он привык.

- Так-то лучше, правда? – спросила я с улыбкой.

Он улыбнулся в ответ.

- Я обычно руками ем нагетсы и бургеры.

Я кивнула. Мне опять попался ребенок, не владеющий ножом и вилкой из-за того, что постоянно питался фаст-фудом. Недавно я прочитала статью в газете: из-за того, что сейчас преимущественно едят пищу, для которой не требуются приборы, детей, не умеющих пользоваться вилкой и ножом, становится все больше даже в благополучных семьях.

У Риса был хороший аппетит, и он попросил добавки. Несмотря на то, что мальчик был крупным, он казался скорее крепким, чем толстым. А поскольку он все еще растет, я дала ему вторую порцию. На десерт были фрукты и йогурт. Учитывая тот факт, что он явно не привык сидеть за столом и пользоваться приборами, Рис вполне справился, и мне хотелось его поощрить.

Но, доев банан, он снова подскочил и начал носиться и орать. Люси и Пола почитали ему книжку, пока я убирала со стола и загружала посудомойку. Затем немного почитала я. Пришло время идти умываться перед сном.

- Я не хочу! – заявил Рис в ответ на мои слова и закружил по дому. Пола вышла из своей комнаты и попыталась поймать его за руку, при этом лишь чудом избежала удара его головы.

- Рис, не делай так! – сказала я ему. – Пола, я сама. Я позову, если понадобится помощь.

Я дождала, пока он вернется на лестничную площадку, и аккуратно поймала его за руку. Обхватила его руками, как тогда, когда снимала со своей кровати. Он немного поборолся, но вскоре засмеялся и расслабился. Я обняла его, а затем, усыпляя его внимание обещанием почитать на ночь, умудрилась

довести до ванны. Рис не смог сам раздеться (еще один навык, которому мне предстоит его научить), поэтому это сделала я. Он сидел в ванне и изображал акулу. Я поняла, что и помыться он сам не сумеет. Было бы неплохо, если бы предыдущие патронатные родители написали об этом, чтобы я была готова разместить Риса с максимальным комфортом с первых же дней. А так вышло, что, за исключением знания о его любви к нагетсам и бургерам, мне приходится действовать интуитивно. Я показала ему, как натереть губку мылом и помыть ею все тело, и потерла ему спинку и шею. Но необходимо было дать ему возможность мыться самостоятельно, особенно это касалось интимных мест. Это еще один способ дать ребенку почувствовать самоконтроль и ответственность за самого себя, а также развить самоуважение.

- Помой ножки, – подбадривала я его, – и между ножек. Как ты называешь свои интимные места?

- Пиписька, – ответил он, смеясь. – У акул есть пиписьки, но нет ног!

- Ну, значит, мой пипиську и ноги.

Я подождала, пока он потер себя губкой. На сегодня, пожалуй, хватит. Я сама губкой помыла ему голову – для шампуня волос у него было маловато. Выпустив воду из ванны, я обернула его полотенцем.

Еще немного уговоров – и Рис был в пижаме. После очередной сказки, которую он слушал, сидя вместе со мной в кресле-мешке, мальчик с легкостью пошел спать.

- Хочу Генри, – сказал он, устраиваясь под пуховым одеялом. Я подумала, что Генри – это мягкая игрушка, которую он привез с собой, и она либо в его рюкзаках, либо в одной из коробок с игрушками, которые я не успела разобрать.

- А как выглядит Генри? – спросила я, заглядывая в первый рюкзак.

- Бегемотик, – сказал Рис.

Я улыбнулась.

- Бегемотик Генри? Хорошее имя, это ты его так назвал?

- Не знаю.

Я подумала, что, вероятно, бегемотик Генри был его любимой игрушкой, и, как и все эти «не знаю», приехал из дома Риса.

Я начала копаться в рюкзаке, где была школьная форма, почти совсем новая, вероятно, из той школы, откуда его исключили. На дне сумки я почувствовала что-то мягкое и лохматое, и потянула это вверх.

- Это не то! – закричал Рис.

- Ага.

Это была игрушечная акула.

Я открыла второй рюкзак, в нем лежали совсем новые книжки. Расставляя их на полке в его комнате, я заметила, что все они либо про акул, либо про морских жителей, и в том числе акул.

- Кто их тебе купил?

- Патронатные, – ответил Рис.

Сомневаюсь, что стоило поощрять интерес Риса к акулам с учетом его привычки кусаться... Но тем не менее, патронатные родители явно желали ему добра, раз старались купить то, что ему нравится. Еще в сумке лежало несколько коробок с пазлами, на крышках которых были рисунки – сцены из подводной жизни и акулы. Коробки были совсем новые, и я подумала, что их тоже купили патронатные семьи. Потом я достала несколько футболок с изображениями акул, но не обнаружила и следа бегемотика Генри.

- А ты не знаешь, где Генри? – изо всех сил надеясь, что этого Генри не забыли упаковать, я открыла крышку очередной коробки с игрушками.

Рис не ответил. Он лежал на кровати и следил за мной. Коробки были новые, но в них лежали маленькие старые игрушки, многие были сломаны. Видимо, это вещи из дома. Копаясь в них, я обратила внимание, что там тоже много акул: модельки и игрушки из пластика, резины, картона, в различных позах, с открытыми ртами и рядами острых белых зубов. Ими явно часто играли – у некоторых не хватало частей тела, какие-то были пожеваны. Одна была довольно страшная, в виде большой акульей головы, и, хотя в пасти не хватало половины зубов, ухмылялась она так, словно говорила, что вполне еще может натворить бед – и будет этому рада. Когда социальные работники отдают ребенка под опеку, они всегда стараются взять как можно больше его одежды и любимых игрушек, чтобы ему было комфортнее в окружении знакомых вещей. Обычно их просто складывают в мешки, поэтому я предположила, что эти коробки, рюкзаки и чемодан купил кто-то из недавних патронатных родителей. Рис все еще внимательно за мной следил, не говоря ни слова, вероятно, вспоминал о доме.

- Ну, его здесь нет, – сказала я.

Я встала на колени и открыла крышку второй коробки с игрушками. К моему великому облегчению и к радости Риса, сверху обнаружился потрепанный и изрядно пожеванный

плюшевый бегемот.

- Генри! – закричал Рис.

Я улыбнулась и положила Генри на кровать. Заглянув в коробку, отметила: опять акулья тема и игрушки из Макдональдса. Видимо, в хэппимилах была какая-то подводная серия с акулами и другими морскими жителями, в коробке их было полным полно. Закрыв крышку, я прижала ее двумя рюкзаками, которые планировала разобрать завтра.

- Спокойной ночи, – сказала я Рису. Он лежал, уткнувшись лицом в Генри и вдыхая знакомый запах дома.

- Спокойной ночи, – тихо ответил он.

Я направилась к выходу.

- Свет оставить?

Очень важно, чтобы в первую ночь ребенок чувствовал себя максимально комфортно.

- Оставить, – пробормотал он.

- Хорошо, я только чуть убавлю яркость, чтобы ты мог уснуть.

Я приглушила свет.

- А дверь закрыть или оставить так?

- Закрыть, – сказал Рис.

- Хорошо, увидимся утром. Спи крепко.

Из-под одеяла и Генри виднелась лишь макушка мальчика.

- Увидимся утром, – повторила я и закрыла дверь.

Я немного постояла в коридоре. Весь день Рис был слишком активен, плюс это была его первая ночь, и я думала, что он вылезет из кровати, как только я выйду. Пришлось бы укладывать его снова и снова, пока не заснет. Но пять минут спустя из комнаты уже не доносилось ни звука. Я тихонько приоткрыла дверь и увидела, что мальчик спит. Он был вымотан, впрочем, как и я. Закрыв дверь, я спустилась вниз, где Люси и Пола делали себе напитки перед сном.

- Он уснул, – сказала я. – Спасибо за помощь, я очень вам благодарна.

- Мам, – начала Пола, наливая молоко в чай. – А что у Риса с зубами?

Люси тоже прислушалась.

- Не знаю. Спрошу у стоматолога, когда пойдем на прием. Я думаю, это вполне можно исправить, когда Рис станет постарше, – я немного поколебалась. – Я знаю, звучит странно, но у него есть прозвище, Акула. Я думаю, это может быть из-за зубов и оттого, что он кусается.

Они обе посмотрели на меня.

- Все его игрушки, паззлы и книжки – все с акулами. Это ярлык, который повесили ему еще дома, и тем самым поощряли его привычку кусаться. Он только приехал – и уже успел меня укусить. Будьте поосторожней. Ну и, естественно, от этого дурацкого прозвища мы будем избавляться.

Они покивали, но на лицах у них было написано, что обе не знают, то ли смеяться, то ли плакать, потому что – ну как может прийти в голову поощрять такую привычку и давать ребенку подобное прозвище?

- Мы его заинтересуем чем-нибудь другим, – сказала я. – Чем-нибудь, что не кусается, машинками или самолетами.

И тут я поняла, что когда он сегодня носился по дому, то изображал не самолет и не птеродактиля. Это была акула, охотящаяся за добычей.

- Ладно, девочки, еще раз спасибо за сегодня. Вы мне очень помогли.

Обе улыбнулись, передавая мне большую кружку чая.

- А, чуть не забыла, – сказала Люси, – звонила Джилл, спрашивала, как мы тут. Я сказала, что у нас все в порядке.

Глава 5: Безопасная опека

Я легла спать рано, часов в десять, ожидая, что ночью придется несколько раз вставать – дети могут вести себя беспокойно первые несколько ночей, в новой постели, в чужом доме. Но Рис, похоже, достаточно устал, поэтому я спокойно спала до 5 утра.

Но тут наступил час расплаты за это спокойствие.

Едва открыв глаза, я услышала, как дверь детской с грохотом распахнулась, и раздался вопль Риса, летящего на полной скорости. Он с топотом несся по лестничной площадке, громко визжал и бился обо все стены и двери на своём пути. К моменту, когда я встала с кровати, он уже наворачнул круг по площадке и был на лестнице, ведущей на первый этаж. Я накинула халат и пошла за ним. Нельзя позволить ему разбудить девочек (если они еще не проснулись от таких воплей), и надо бы научить его по утрам самому себя тихонько развлекать, пока я не встану и не оденусь.

Я столкнулась с ним внизу, когда он пытался пробраться в зал, который я заперла на ночь от греха подальше.

- Рис, – попыталась я перекричать его вопли. – Рис, тш-ш-ш, тише, малыш.

Приложив палец к губам, другой рукой я мягко придержала его за плечо, поворачивая к себе лицом.

- Юу-у-у-у! – заорал он что было мочи.

- Тш-ш-ш!

- Юу-у-у-у! – не унимался мальчик, а затем, резко наклонив голову к плечу, попытался меня укусить.

- Нет, – сказала я строго, – Нет, кусаться нельзя. Это очень плохо!

Он снова дернулся к моей руке, но я держала ее на безопасном расстоянии.

- Нет, Рис, не кусайся!

- Я могу кусаться, я Акула!

Так я и знала...

- Хочу туда! – отскочив от меня, он схватился за дверную ручку зала.

- Нет, Рис, – сказала я. – Успокойся. Мы сейчас пойдем в твою спальню, и ты там спокойно поиграешь, пока не придет время всем вставать. Сейчас слишком рано. Еще даже не утро, – я понимала, что предлагать ему еще поспать совершенно бесполезно, так как он явно выспался и полностью восстановил силы после вчерашнего трудного дня.

Рис снова толкнул дверь, а затем разинул рот и цапнул зубами железную дверную ручку. От скрежета у меня заныли зубы, но ему, казалось, все было нипочем.

- Нет, Рис, – сказала я, – не делай так. Ты поранишься. Иди в свою спальню.

Он вывернулся из-под моей руки, лежавшей у него на плече, выбежал в коридор и взлетел вверх по лестнице.

- Юу-у-у-у! Кусь! – кричал он во все горло. – Юу-у-у-у Я акула!

Мне ужасно хотелось сказать: «Акуле следует посидеть и тихонько поиграть», но я сдержалась.

- Рис, – сказала я, положив руку на его плечо и пытаюсь посмотреть в глаза. – Пожалуйста, будь потише, дружок.

- Кусь! Кусь! Хрусь! – орал мальчик.

Не отпуская его, я сняла крышку с коробки с игрушками и потянула его вниз так, чтоб мы оба оказались сидящими на полу.

- Посмотри, какие чудесные игрушки. Давай с ними поиграем!

Рис растянул губы так, что его рот стал казаться шире, а передние зубы – еще больше. Он стал всасывать в себя воздух, издавая странные звуки. Видимо, изображал акулу. Я не обращала на это внимания и продолжила копаться в игрушках, надеясь, что он заинтересуется.

Но и спустя полчаса ничего не изменилось – я по-прежнему сидела на полу в ночнушке, пытаюсь заинтересовать его книжками и игрушками. Рис улюлюкал и визжал, щелкая челюстями в попытках поймать проплывающую мимо невидимую рыбешку, и пытался то запрыгнуть на кровать, то выбежать из комнаты. Передо мной стояла важная задача продолжать в том же духе, добиваясь, чтобы он тихо посидел в комнате и играл, пока я умываюсь и переодеваюсь. Если сейчас сдать, то потом исправить все будет гораздо сложнее. С такими проблемами в поведении переобучение строится на постоянстве и определённости границ, что включает в себя бесконечные тренировки желаемого поведения.

- Рис, ты должен поиграть в своей комнате, пока я не приду и не скажу, что пора одеваться к завтраку, – повторяла я снова и снова, вытаскивая очередную игрушку или открывая пазл.

Минут через 15, когда я, видимо, надоела Рису своим бубнежом, он стал сам доставать из ящика маленькие игрушки из Макдональдса и играть с ними. Посидев рядом еще пять минут, я сказала:

- Умница, а теперь поиграй сам, пока я одеваюсь.

Вышла и закрыла дверь, оставаясь на месте.

Через минуту Рис распахнул ее и собрался снова убежать в коридор. Я поймала его за руку, отвела назад и усадила за игрушки, повторив просьбу тихонько поиграть, пока я не оденусь. Вновь вышла и закрыла дверь.

Снова подождала в коридоре, и минуту спустя Рис снова выскочил, изображая акульную атаку, вопя и клацая челюстями. Я опять вернула его в комнату к игрушкам, снова сообщила, чего от него хочу, и вышла. Он выскакивал, я успокаивала его, и так раз за разом. Именно такого поведения я ожидала от него прошлой ночью, когда уложила его в кровать.

Наконец, в 6:30 утра, спустя полтора часа после того, как Рис проснулся, он занялся своими игрушками, и у меня появилось время принять душ и переодеться. Он, конечно, не сидел тихо, сопровождая игру громкими звуками, но, в конце концов, все-таки делал то, что я сказала. Я понимала, что, скорее всего, подобную процедуру мне предстоит выполнять каждое утро как минимум неделю, но вложение времени и усилий со временем окупится, когда Рис будет вставать и сам играть со своими игрушками, пока я не позову его к завтраку.

Была пятница, и девочкам надо было в школу, так что я разбудила их в 7 (они умудрились не проснуться даже после криков Риса). Затем я постучала в комнату Риса и вошла. Он сидел на полу, скрестив ноги, так, как я его и оставила, окруженный игрушками из всех коробок. Я сказала ему, что он умничка, что хорошо себя вел и играл у себя в комнате, и, хотя еще рано, он может одеться и спустаться вниз, если захочет, а может остаться и еще поиграть.

- Телек? – спросил он. Я засомневалась, стоит ли позволять ему смотреть телевизор в такую рань. Это могло стать привычкой, которой не получится следовать, когда он пойдет в школу.

- Хорошо, только не долго.

Я включила телевизор и нашла какую-то детскую программу на БиБиСи-2, которую Рис сразу узнал, так как, видимо, раньше ее смотрел. Он моментально успокоился, расслабился и погрузился в просмотр. У меня невольно возникло желание позволить ему смотреть телевизор больше, чем, по-хорошему, следовало бы.

Полчаса спустя, когда девочки уже умылись, оделись и сели завтракать, я постучалась к Рису. Он, как я и ожидала, сидел все в той же позе в кресле-мешке, прикованный взглядом к экрану.

- Умница, Рис, – сказала я. – А теперь выключай телевизор,

одевайся и спускайся завтракать.

Он не ответил, поэтому я повторила просьбу. Затем достала из его шкафа чистую одежду – и еще раз повторила. Он так и не ответил – пришлось вновь говорить, чего я от него хочу. Тогда я выключила телевизор. Как только экран погас, Рис вскочил и запрыгал по мелким игрушкам, разбросанным по полу.

- Нет, Рис, – сказала я, – ты их так ломаешь.

Я взяла его за руку и усадила рядом с собой.

- В первую очередь мы уберем все игрушки обратно, чтобы они не сломались, – сказала я, складывая все в коробки. Рис сидел рядом и наблюдал. Когда я потянулась за очередной игрушкой, надеясь, что он последует моему примеру, он вдруг резко шлепнул меня по голове.

- Нет, Рис, – сказала я и, взяв его за руку, потянула ее в сторону разбросанных игрушек.

- Хочу завтрак, – закричал он.

- Мы позавтракаем, но сначала уберем все, и ты оденешься, – сказала я.

- Хочу сейчас! – прокричал он и снова шлепнул меня по голове. Я снова протянула его руку в направлении игрушек.

- Мы позавтракаем, но сначала уберем все, и ты оденешься, – повторила я.

В конце концов он понял, что я не отступлю. И что если он мне поможет, то мы уберем быстрее, а значит, он быстрее получит то, чего хочет. Он стал сгребать игрушки и бросать их в коробки, и очень скоро на полу не осталось ни одной.

- Отлично, молодец! – сказала я. – А теперь одевайся и пойдем завтракать.

Я уже достала чистые трусы, штаны, джемпер, майку и носки и сложила все на стул чтобы он мог одеться сам.

Рис посмотрел на одежду.

- Нет! – крикнул он. – Не умею!

Что ж, об этом я уже догадывалась.

- Хорошо, тогда я тебя научу одеваться, будет здорово, правда? – я храбро улыбнулась, понимая, что эта задача будет ничуть не проще, чем уборка или, чего уж там, любая задача по его обучению. Похоже, Рис так привык ничего не делать сам – то ли потому, что не умел, то ли потому, что не хотел, – что первой его реакцией на любую просьбу стало «не могу» или «не буду».

- Нет, – завопил он. – Не могу!

- Уверена, что сможешь, – сказала я спокойно. – Ты же такой умный мальчик. И, Рис, малыш, постарайся не кричать. Я тебя хорошо слышу, даже когда ты говоришь тихо. Хорошо?

Проблем было много, и мне приходилось обращать внимание Риса на несколько сразу. И хотя постоянный крик, по-научному – «голосовая модуляция», был важной проблемой, все-таки в первую очередь стоило разобраться с кусанием, боданием и сумасшедшей беготней по дому.

- Снимай пижамные штаны, – подбадривала я, – и надевай трусы.

Я уже держала их наготове, но он стоял и просто смотрел на меня.

- Не могу, – сказал он тихо, но сердито.

- Попробуй, – сказала я, – уверена, у тебя получится.

- Не могу, – сказал он, не пошевелившись. – Надевай сама, корова!

- Рис, – я напряглась. – Пожалуйста, не говори так. Это очень грубо.

- Корова, – повторил он, скрестил руки на груди и, набычившись, смотрел на меня.

Я стояла, не двигаясь с места, с его трусами в руках.

- Снимай пижамные штаны и надевай трусы, – повторила я. – Хочешь, я выйду из комнаты, пока ты одеваешься?

На самом деле, я не думала, что Рис стесняется, поскольку вчера, когда я его мыла, он несколько не смущался.

Он помотал головой. Добрых две минуты мы так и стояли, Рис – скрестив руки на груди и сердито поглядывая на меня, я – спокойно и непринужденно, с трусами в руках. Одеть его не было такой уж срочной задачей: у меня в запасе достаточно времени. Как и вчера, когда мы собирались на прогулку: если бы он понял, что для меня действительно важно, чтобы он что-то сделал, его отказ мог бы стать инструментом манипулирования. Но – плавали, знаем, я не первый год в системе опеки и уже собаку съела на таких манипуляциях. Со временем Рис поймет, что если он просто будет делать так, как я говорю, он заслужит мое одобрение, и ему самому будет от этого комфортнее. Но до этого пока далеко. Сейчас он меня ненавидит и хочет делать то, что, по-видимому, делал всегда, то есть ничего.

Пять минут спустя Рис сдернул с себя штаны и, потоптавшись, сбросил их на пол.

- Молодец, – сказала я. – Хотя в следующий раз попробуй руками, будет проще.

Он выдернул трусы у меня из рук и, сидя на кровати, натянул их без особых затруднений.

- Хорошо, – сказала я, – Теперь снимай пижамную рубашку и надевай майку.

Ему действительно оказалось сложно вынуть руки из пижамы, поэтому я немного ему помогла, показывая, как это сделать правильно. Майку он надел без проблем. Затем я помогла ему натянуть джемпер.

- Отлично, – сказала я. – А теперь носки.

Зная, что детям, особенно с плохой координацией, бывает трудно надевать носки, я усадила его на кровать и решила показать, как надевать один носок, чтобы второй он надел сам.

Как только я нагнулась к нему, он снова попытался шлепнуть меня по голове. Наверное, дома ему часто отвешивали подзатыльники.

- Нет, не делай так, – сказала я, увернувшись. – Рис, ты понимаешь меня?

Он кивнул. Я показала, как надеть носок, и передала ему второй.

- А кто тебя раньше одевал? – спросила я, пока он пытался запихнуть пальцы в носок.

- Патронатные.

- А дома?

- Я не знаю.

Он действительно старался, надевая второй носок, и я немного помогла ему. Похвалив его, я взяла его за руку, и мы вместе спустились. Люси и Пола были в холле и уже надевали пальто, готовые пойти в школу. Этим утром я их толком даже не видела, так как была все время занята Рисом.

- Пока, мои любименькие, – сказала я и поцеловала обеих. – Хорошего вам дня.

Рис вытянул губы трубочкой, показывая, что тоже хочет поцеловать девочек. Люси и Пола улыбнулись и нагнулись к нему, подставив щеки. Он легонько чмокнул их.

- Пока, – сказали они хором. Я закрыла за ними дверь. Рис стоял рядом, я все еще держала его за руку.

- Блин, это было круто, – сказал он, ухмыляясь. – Я бы их отжарил.

Я застыла, в горле встал ком.

- Рис, прости, что? Что ты сказал?

Он снова ухмыльнулся.

- Я бы их отжарил, – повторил он. Вырвав правую руку из моей, он положил ее на предплечье левой, а левую вздернул вверх со сжатым кулаком. Грубый жест, выражающий желание секса...

- Я не совсем понимаю, о чем ты, – сказала я, хотя прекрасно все поняла. – Но семилетнему мальчику такое

говорить нельзя. И, пожалуйста, никогда такой жест больше не показывай.

- Мой папа так делает сестре, – сказал он и запнулся, поняв, что только что сболтнул лишнего о своём доме.

- Правда? – спросила я, наперед зная ответ.

- Не знаю. Я хочу завтракать. Ты сказала, что уже можно.

Мы с Рисом прошли в прилегающий к кухне уголок, который мы называем комнатой для завтраков. Я знала, что ему довелось видеть много гадких вещей, в том числе, возможно, и сексуальное насилие, но я все равно была в шоке. Ему определенно запретили что-либо рассказывать, и он больше ничего не скажет. Позже мне предстоит поговорить с девочками и напомнить им о «мерах безопасной опеки» для патронатных семей. Они спокойно дали Рису поцеловать себя в щеки, словно младшему братику, но Рис проделал это с сексуальным подтекстом, а значит, в будущем нам следует быть более осторожными.

«Меры безопасной опеки» – это документ, составленный патронатными опекунами, содержащий детальные рекомендации, как обеспечить безопасность всей семье. Речь идет не только о том, как важно пристегивать детей ремнями безопасности в машине или о наличии датчиков дыма над каждой батареей в доме. Там также говорится, как обращаться с детьми из семей с проявлениями нездоровой сексуальности или с детьми, которые подверглись сексуальному насилию, в результате чего у них развились неприемлемые чувства и поведенческие схемы, не соответствующие их возрасту. Со слов Карен я уже знала о подозрениях, что отец Риса мог подвергать сексуальному насилию его сводную сестру, а также что в их доме бывал педофил. Но чего я пока не знала и надеялась, что Джейми Хогг сможет мне разъяснить, когда вернется из отпуска, так это – был ли Рис лишь свидетелем насилия и педофилии, или же он был еще и жертвой. Кроме того, я знала, что Рис смотрел видео для взрослых. Возможно, это могло быть причиной того, что он видел в девочках сексуальные объекты. Но, даже не имея полной картины, мы должны быть готовы к худшему. Если Рис действительно рассматривал Люси и Полу как предмет сексуального влечения, а не как старших сестер, что следует из его комментария, это отразится на его поведении. Это будет не только очень неприятно для девочек, но и Рис может начать рассматривать любую их благосклонность как имеющую сексуальный подтекст. Само собой, все последствия сексуального насилия отвратительны и печальны, но, к

сожалению, многим патронатным семьям приходится с этим сталкиваться.

Вчера вечером я сделала обязательную запись о первом дне Риса, но слишком устала, чтобы изучить все документы. Вдруг я найду там больше важной информации о прошлом Риса? Усадив мальчика за стол с двумя тостами с вареньем, я быстренько пошла в комнату, вынула бумаги из ящика стола, вернулась и села напротив Риса. Я читала, пока он ел, – похоже, это было еще одним занятием, способным отвлечь его ненадолго от беготни и криков.

Переворачивая страницы, я поняла, что ничего нового там нет, за исключением адреса его родителей, который стал для меня сюрпризом. Они жили в многоквартирном доме буквально в километре от нас. Я надеялась, что социальные работники в курсе, поскольку это слишком близко для комфортного проживания. Особенно если учесть, что родителям не должны давать мой адрес. Вполне возможно, мы ходим в одни и те же магазины, а значит, есть риск просто наткнуться друг на друга. Это не проблема, если родители сотрудничают с органами опеки и им разрешено знать о местонахождении ребенка, но очевидно что это не тот случай. У меня уже был опыт подобного случайного контакта – в магазине, у ворот школы, – это сложная и неловкая ситуация для всех сторон, не говоря уже о том, что родители могут быть озлоблены и винить во всем патронатного опекуна. Нужно рассказать Джилл, когда она в следующий раз позвонит, о поведении Риса в отношении девочек, а также и об этом моменте. Я не думала, что служба опеки может забрать и снова перевезти Риса в другую семью, но им точно необходимо быть в курсе сложившейся ситуации.

Я сложила формы обратно в стол, когда Рис закончил завтракать. И хотя во время еды он был сосредоточен, стоило ему доесть, как он тут же подскочил и стал бегать вокруг стола, хватаясь за стены пальцами, испачканными вареньем.

- Так, Рис, – сказала я. – Сейчас мы с тобой умоемся и почистим зубы, а затем поедим кое-куда на машине.

Упоминание машины явно пришлось ему по душе, потому что он тут же побежал наверх, в ванную, расставив широко руки и исторно визжа. Я показала, как выдавливать пасту из тюбика, и понаблюдала за попыткой почистить зубы, затем включила теплую воду и помогла ему умыться лицо. Спросила, не нужно ли ему до выхода зайти в туалет, он ответил «нет». Я взяла его за руку, и мы спустились в прихожую, где я подала ему ботинки и пальто. Рис постарался сам одеться, и я была довольна, что он

не стоит просто в растерянности, как это было накануне. Не слишком большое достижение, но я как следует его похвалила.

Я подумала, что Джилл может позвонить в то же время, что и вчера, поэтому включила автоответчик и кинула в сумку сотовый. Мне понадобилось некоторое время, чтобы усадить Риса на специальную подушку на заднем сиденье и застегнуть ремень безопасности. Было такое ощущение, что эта процедура ему незнакома, что было странно – ведь только вчера он приехал на машине, а судя по его словам, он чаще ездил, нежели ходил пешком. Сначала он хотел сесть на переднее сиденье, но я объяснила ему, что в его возрасте закон это запрещает. Потом не хотел садиться на авто-подушку, и мне опять пришлось разъяснять, что этого требует закон. Я застегнула ремень на его плече, но он все продолжал высовывать поверх него руку, что не только делало ремень бесполезным, но и могло в случае аварии привести к серьезной травме.

Еще минут пятнадцать я не могла сдвинуться с места, потому что Рис яростно орал «врррум-врррум». Через какое-то время я поняла, что, как и многие мальчики, он просто имитирует звук двигателя машины, только очень громко.

- Рис, пожалуйста, будь немного потише в машине, мне нужно сосредоточиться на дороге, – сказала я.

- Врррум-врррум! – заорал он еще громче.

- Может, музыку включим? – спросила я. – У меня тут есть диск, можем подпевать.

И хотя пение Риса вряд ли было бы тише (что бы он ни произносил, все было очень громко), но пение хотя бы приятнее этих «врррум-врррумов», от которых я всякий раз подпрыгивала.

- Врррум-врррум! – кричал он, дребезжа губами. Я вставила диск в надежде, что он может присоединиться к песенке, но пять минут спустя, когда врррумы достигли апогея и полностью заглушали «Колесики автобуса», вытащила его обратно.

- Рис, ты должен посидеть спокойно, – сказала я, – Я не могу сосредоточиться, когда так шумно.

- Врррум-врррум! Юууу, хрусть, хрусть! – последнее явно было не звуком мотора, не шумом самолета и не акулой, но, что бы это ни было, шум был оглушительный. Потом он вдруг начал пинать переднее сиденье.

- Рис, – сказала я, – Рис, послушай меня.

Он не слушал.

- Рис, мне нужно, чтобы ты тихонько и спокойно посидел, –

снова начала я, повышая голос, чтобы перекрыть его визг. – Рис, успокойся, и, пожалуйста, перестань пинать сиденье. Запомни, не надо пинать ничего, кроме футбольных мячиков.

Он все не останавливался, поэтому я заглушила двигатель, вышла на тротуар и открыла его дверь.

- Рис, – сказала я твердо, – сядь спокойно. Немедленно!

Я легонько опустила руку на его ногу так, чтобы он перестал пинать сиденье.

– Сиди спокойно и тихо. Тогда, когда мы придем в супермаркет, я позволю тебе толкать тележку.

Он продолжал кричать и дрыгать ногой еще несколько секунд, но потом резко остановился и замолчал.

- Правда? – спросил он недоверчиво. – Мне правда можно будет толкать тележку?

- Да, – улыбнулась я, – ты ведь pomoжешь мне с этим?

Он интенсивно закивал, мотая головой вверх и вниз. В моменты возбуждения все движения Риса были гиперболизированы.

- Я еще никогда не толкал тележку, – сказал он. – Правда, можно?

Я грустно улыбнулась. Бедный ребенок, ему приходилось наблюдать у себя дома ужасные вещи, и при этом он был лишен таких элементарных детских радостей, как толкать тележку и помогать маме с покупками.

- Хорошо, Рис, послушай внимательно, – сказала я, глядя ему в глаза. – Ты можешь толкать тележку, если будешь спокойно сидеть всю дорогу до супермаркета, хорошо?

Это был не совсем подкуп, просто награда за хорошее поведение, и он снова активно закивал. Я вернулась на водительское сиденье и спокойно доехала до супермаркета, лишь один раз у него вырвалось негромкое «вау!», когда нас вдруг подрезала другая машина и я резко затормозила. Я подумала, что тележка в супермаркете может быть еще одним видом поощрения хорошего поведения, так что, кроме чтения книг, меня ожидало большое количество походов в магазин. Это не вызывало неудобства, так как мы довольно много съедали всей семьей.

Рис толкал тележку на удивление хорошо, на небольшой скорости, поскольку, когда он ускорялся или пытался на кого-то наехать, я объясняла ему, что в магазине бывают пожилые люди, которые могут не успеть увернуться. Проблемой стал слишком большой энтузиазм в покупках. Я разрешила ему, как и всем детям, которые были у меня под опекой, положить в

тележку его любимую еду. У нас уже лежала гора куриных нагетсов, спагетти в банках и сосисок. Если бы я не выкладывала кое-что обратно, то были бы еще пять пачек шоколадного мороженого (я оставила только одну), шесть пачек печенья (я оставила две) и двенадцать упаковок конфет с яркими обертками. Их я убрала, поскольку в них есть вещества, вызывающие у детей привыкание, так что я положила вместо них шоколадно-молочные батончики. Я хвалила Риса за то, что он так хорошо толкает тележку и помогает мне, а он аж светился от счастья. Более того, он довольно спокойно стоял в очереди на кассу, хоть мне и пришлось пару раз попросить его не таранить тележкой мужчину перед нами.

Когда до нас дошла очередь, энтузиазм Риса достиг апогея: покупки залетали на ленту так быстро, что кассиру даже не нужно было ее двигать. Я успела перехватить коробку яиц и поставила ее на ленту сама.

Я заплатила, затем Рис помог мне выкатить тележку из магазина и провезти её через парковку, почти не врезаясь в стоящие там машины. Я пристегнула его, прежде чем сложить покупки в багажник, – так было безопаснее, не то бы он просто скакал вокруг по парковке. Отвезла пустую тележку к супермаркету и вернулась в машину.

Перед тем как вставить ключ в замок зажигания, я повернулась и посмотрела на Риса.

- Ты молодец, – сказала я. – Спасибо за помощь! – и тут я заметила, что он что-то жуёт.

- А что ты ешь?

Уж я-то точно еще ничего ему не давала, только пообещала булочку, когда вернемся домой.

- Кафеты, – ответил он, показывая мне упаковку жевательных конфет, лежащую у него в кармане пальто.

- А где ты их взял?

- В магазине.

Я в ужасе застыла.

- Но я их не покупала!

- Да, я их стибрил, – сказал он, закидывая очередную конфетку себе в рот.

- Но Рис, это же воровство. Я за них не заплатила.

Он пожал плечами.

- Не волнуйся. Копы меня не захапают. Я малолетка.

Я смотрела на него, оторопев, а он продолжал громко жевать, совершенно не смущаясь своего поступка. Очевидно, Рис не имел представления о том, что воровство – это плохо, но

при этом понимал, что он еще не достиг возраста ответственности и может избежать наказания, даже если его поймают.

- Кто тебе сказал такое? – спросила я.

Он снова пожал плечами.

- Не знаю, – ответ был довольно предсказуем.

- Когда ты жил дома, ты так же крал вещи?

Он ничего не ответил, только закинул в рот еще одну конфетку и заулыбался. Ни в коем случае нельзя было позволить ему наслаждаться плодами проступка. Я вышла из машины, обошла ее и открыла дверь.

- Рис, – я потянулась и забрала у него конфеты. – Мы взяли их, не заплатив, так что это не твое. Это воровство. Нужно платить за продукты и вещи, мы не можем просто брать все, что нам нравится.

- Но они мои! – завопил он, хватаясь за упаковку.

- Нет, это не так, Рис. Эти конфеты принадлежат магазину. Они будут твоими, только если мы за них заплатим.

Если бы конфеты стоили больше, я бы вернулась в магазин. Но полпачки простых жевательных конфет уже не стоили того, поскольку для этого мне пришлось бы взять с собой Риса, а его уже разрывало от эмоций.

- Мое! – визжал он, в бешенстве пиная переднее сиденье. – Мое! Отдай! Воровка! – последнее мне понравилось больше всего.

- Нет, Рис. Эти конфеты ты не получишь. Они не твои, они принадлежат магазину, – я положила их в свой карман, чтобы потом выбросить.

- Мое, – орал он. – Мама всегда дает конфеты, когда я ей помогаю!

- Что помогаешь? – спросила я, перекрикивая его.

- Брать вещи, – сказал он и тут же замолчал.

- Ты воруешь вещи для мамы?

Он перестал орать и посмотрел на меня.

- Ненавижу тебя, – сказал он и высунул ярко-зеленый от конфет язык.

Дорога домой оказалась куда более богатой на события, чем дорога туда, когда Рис сидел спокойно в предвкушении толкания тележки. Он орал, визжал, без остановки пинал сиденье, кричал, что ненавидит меня. Мне пришлось трижды останавливаться, чтобы поправлять на нем ремень безопасности. Предупредив его несколько раз, я сообщила, что он только что потерял 30 минут телевизора вечером, потому что

нельзя отвлекать меня, когда я за рулем, это очень опасно.

- Я буду смотреть телик, – завопил он, едва мы переступили порог дома.

- Нет, ты не будешь сейчас смотреть телевизор. Ты можешь помочь мне разгрузить машину, а можешь пойти поиграть со своими игрушками.

- Я буду смотреть телик! – снова закричал он, высовывая язык.

Я проигнорировала это и стала разгружать машину, заперев предварительно ворота гаража, чтобы Рис не мог выскочить на дорогу. Каждый раз, заходя в дом, я смотрела, что он делает, и каждый раз заставляла его визжащим и бегающим по дому. Ну, я хотя бы знала, где он.

Потом я стала переносить пакеты из холла на кухню.

- Рис, не хочешь мне помочь? – позвала я мальчика, но он явно был не в настроении сотрудничать.

К тому времени, когда я все принесла, Рис навернул уже десятый круг по дому и стал требовать обеда.

- Да, уже можно и покушать, – сказала я, глядя на часы. – Уже полдень. Но скажи: «Можно мне обед?», а не «Дай мне». Сядь за стол, я сделаю тебе бутерброд.

Обещание обеда быстро успокоило Риса, я быстренько сделала ему бутерброд с ветчиной и, пока он ел, уложила покупки в холодильник. Доев, он тут же сорвался с места и начал нарезать круги по дому, изображая свой обычный полет самолета (или нападение акулы). Я сделала и себе бутерброд на скорую руку и взяла его в зал, где съела его, попутно читая Рису книгу. Он успокоился, инцидент с конфетами был забыт. Я не собиралась напоминать ему об этом, но когда мы в следующий раз пойдем в магазин, надо будет обязательно еще раз проговорить, что вещи из супермаркета становятся нашими только тогда, когда мы за них заплатили.

Как бы это ни было грустно, Рис не первый в моей практике ребенок, которого родители приучали к воровству. Этакие современные Фейгины из романа «Оливер Твист». Иногда это происходило потому, что дома попросту нечего было есть, а пособие ожидалось только на следующей неделе. Иногда это были дорогие вещи: айподы, украшения, CD-диски, и детям было проще их просто украсть, чем накопить на них, как научили бы их в благополучной семье. Я не очень хорошо знала, какая именно ситуация была у семьи Риса: приучили его воровать, вознаграждая при этом конфетами, от бедности или от жадности, но было ясно, что впредь мне нужно быть

внимательнее. Я понятия не имела, когда он умудрился положить себе в карман эти конфеты. Техника воровства была на высоте, то есть неплохо отработана.

День мы провели за чтением книжек, рисованием и лепкой из пластилина. Как только образовывалась пауза, спокойствие сменялось скачками по дому и воплями. Рис также постоянно спрашивал про телевизор, и я несколько раз объясняла ему, что за свое поведение в машине он потерял полчаса и может начать смотреть телевизор только в 4, а не в 3:30, когда начинаются детские передачи.

Когда вернулись Люси и Пола, я отвела их в сторонку, чтобы быстренько обсудить, как прошел их день, и рассказать о том, что брякнул Рис, поцеловав их утром. Мне не нужно было что-то объяснять, обе знали, как вести себя с сексуально активным ребенком и каков порядок действий в том или ином случае. Мы всегда следовали «политике безопасной опеки», но когда в доме был ребенок, подвергшийся сексуальному насилию или даже просто смотревший «взрослое» видео, старались быть еще более осторожными. Это очень грустно, ведь обычно мы целуем и обнимаем детей без задней мысли, но дети, подвергшиеся сексуальному насилию, или дети из семей с нездоровой сексуальной обстановкой могут неправильно интерпретировать даже самые невинные объятия и поцелуи (даже в щечку, как девочки, позволившие Рису сделать это). Мы все равно будем обнимать и целовать Риса, в конце концов, он всего лишь семилетний малыш, – но необходимо делать это очень аккуратно и всегда в присутствии кого-то еще из членов семьи, так, чтобы он не мог понять это неправильно.

Джилл позвонила сразу после пяти, я рассказала ей все новости и сделала ежедневные записи перед сном. Этой ночью я долго лежала в постели, вспоминая случившееся за день и обдумывая, правильно ли я все сделала – начиная с гиперактивности Риса до воровства и, конечно же, поведения в отношении девочек. Патронатные родители вечно мучаются сомнениями и самоанализом, даже больше, чем родители, которые растят собственных детей. Что ни говори, а воспитывать чужого ребенка куда сложнее.

Глава 6: Дети под опекой

Воскресным вечером, когда подходил к концу наш первый совместный уик-энд, я была настроена довольно позитивно. Конечно, все прошло не так просто, но дома были Люси и Пола, и мы вместе занимались корректировкой поведения Риса. Может, я выдаю желаемое за действительное, но, кажется, он теперь идет на контакт гораздо легче, чем в первые дни. Мне все еще приходилось успокаивать его каждое утро, но теперь на это уходило всего полчаса, а не полтора, как в первый день. Рис спал очень хорошо, к тому же мне помогали Люси и Пола, и я уже не выматывалась так сильно. За все выходные он лишь пару раз бодался, зато ни разу не пытался никого укусить.

В семь вечера Рис принял ванну, помыл голову и сидел в гостиной в пижаме, халатике и тапочках в виде акул. Пола читала ему перед сном. Надо сказать, что сначала мы все были в гостиной, но потом Люси пошла в свою спальню смотреть телевизор, а я вышла на кухню, чтобы прибраться там. Я нарочно оставила дверь в гостиную открытой, это одно из правил «политики безопасной опеки», и поставила чайник.

Внезапно я услышала, как Пола взвизгнула, а потом закричала:

- Нет, Рис! Это грубо! Не делай так!

Пола самая спокойная и тихая из всех моих детей, она крайне редко повышает голос, поэтому, услышав ее крик, я тут же прилетела обратно в гостиную. Рис все еще сидел на диване, улыбаясь от уха до уха. Пола стояла рядом, взволнованная и напряженная.

- Что случилось?

- Не знаю, – ответил Рис.

Я посмотрела на Полу. Она была очень расстроена и едва не плакала.

- Рис, я спросила у Полы, – сказала я и вновь посмотрела на Полу.

Она подошла ко мне и, повернувшись спиной к Рису, прошептала:

- Mam, он схватил меня за грудь и полез под юбку.

- Рис! – я повернулась к нему.

- Че? – спросил он и пожал плечами, явно не понимая, что сделал что-то плохое.

- Побудь здесь, – сказала я ему и вывела Полу из гостиной в холл, чтобы нас никто не услышал. Прежде чем говорить с Рисом, я хотела выяснить все подробно у Полы.

- Ты в порядке?

Даже взрослой женщине в такой ситуации было бы неловко, что говорить о застенчивом подростке!

- Да, – сказала она смущенно. – Я просто читала ему сказку, а он вдруг схватил меня за грудь. Потом полез рукой под юбку и попытался поцеловать в губы.

- Господи ты боже мой! – я была в ужасе. – Я сейчас же с ним поговорю!

Пола знала, что я не могу просто отругать его. Он явно не видел ничего плохого в своем поведении и даже не понял бы, за что его ругают. Если в его семье хватать друг друга за интимные места было нормой, то, скорее всего, он просто копирует увиденное и вообще никак не оценивает свои действия с точки зрения морали.

Мне позарез нужно было узнать как можно больше о прошлом Риса, чтобы точно понимать, с каким уровнем насилия я имею дело. В пятницу из соцслужбы никто не звонил, а у Джил не было никакой новой информации. В понедельник я первым делом позвоню ей и попрошу разузнать побольше. Я не позволю своей семье страдать из-за того, что у меня недостаточно информации для работы. Увы, это печальный факт: патронатные родители часто страдают из-за опекаемых детей – физически и морально, и даже, как это только что случилось с Полой, оказываются жертвами сексуального насилия. Тем не менее, если бы я знала больше, я могла бы минимизировать вред. И отмечу: Полу этот инцидент не выбил из колеи, а это значит, что наша семья в вопросах опеки уже приобрела богатый опыт.

- Детка, мне так жаль!.. Ты точно в порядке? – я обняла дочку.

- Да, – сказала она. – Я понимаю, это все так сложно. Мам, он даже не понял, что поступает плохо.

- Да, но теперь-то он узнает, причем немедленно!

Пола пошла наверх, в свою комнату, а я вернулась в гостиную. Рис все еще сидел на диване и листал книжку, а не скакал вокруг с визгами, как он обычно делал, стоило оставить его хоть на секунду. Мне показалось, что мальчик все-таки немного подавлен и каким-то шестым чувством понимает, что поступил плохо, и ждет наказания... Ох и наивная же я!

- А она не почитает? – спросил он, пока я усаживалась рядом.

- Нет, Пола не почитает. Она очень расстроена, и я тебе сейчас объясню, почему.

Он не смотрел на меня и продолжал листать книгу. Я

забрала ее и, закрыв, отложила в сторону. Мне было необходимо все его внимание.

- Рис, – сказала я, глядя ему в глаза. – Мне нужно поговорить с тобой о том, как ты только что трогал Полу. Это было ужасно, и маленьким мальчикам так делать нельзя.

Он поднял на меня глаза и пожал плечами.

- Я просто хотел потрогать ее п...у. Ничего такого в этом нет.

Я посмотрела на него, и меня начало подташнивать. Что же творилось у него дома, раз он так изъясняется? Он сказал это так просто и так непринужденно, как будто искренне верил, что в этом действительно нет ничего плохого. Патронатные семьи часто сталкиваются с матерными словами в речи своих подопечных, но я еще ни разу не слышала таких вульгаризмов от маленького ребенка.

- Рис, – сказала я как можно строже. – То, что ты сделал с Полой, ужасно. Ты коснулся ее интимных мест, ин-тим-ных. Мы так никого и никогда не трогаем. У тебя тоже есть интимные места. Не такие, как у девочек. Но тоже интимные. Интимные – это значит только твои. Только ты можешь трогать и разглядывать свои интимные места. Понятно?

Он снова пожал плечами. Это трудный разговор даже для обычного семилетки со средним IQ, а уж для ребенка с проблемами и подавно. Поэтому я продолжила.

- Рис, ты знаешь, где твои интимные места? То, что только ты можешь трогать?

- Да, – ответил он, ухмыляясь.

- Хорошо, покажи пальцем.

Он ткнул пальцем себе в пах.

- Правильно. Но не только здесь, и вокруг – тоже.

Не касаясь его, я обвела в воздухе над его телом круг.

- Это и твоя пиписька, и попа. Это интимные места мальчиков. У девочек интимные места тоже тут, – я провела ладонью вдоль низа живота. – И тут, – я потрогала себя за ягодицы. – Но у них есть еще одно интимное место, вот здесь, – я провела ладонью в воздухе вокруг груди. – Это все интимные места, и здесь трогать девочек ни в коем случае нельзя. Понятно?

- Да, – ответил он, улыбаясь.

Хотелось бы мне знать, что из сказанного мною он действительно понял и насколько эта моя лекция может изменить то, чему его научили дома?

Немного помолчав, я спросила:

- Зачем ты так сделал, Рис? Зачем ты потрогал Полу там?

- Не знаю, – пожал он плечами. – Просто захотелось ее потрогать.

- А нельзя! – сказала я твердо. – И больше никогда так не делай. Понял?

Его слова и все его поведение свидетельствовали о том, что он считал свой поступок абсолютно приемлемым и естественным, и он уверен, что я раздуваю из мухи слона. От мыслей о том, что могло твориться в их доме, чего он там посмотрелся и наслушался, меня передернуло. Еще я дико злилась, что соцслужба вовремя не предоставила мне подробную информацию. Эта семья давно на учете, и кто-то из сотрудников просто обязан быть в курсе происходящего.

Патронатные родители постоянно сталкиваются с недостатком информации, которая при этом известна или доступна социальным работникам. Они передают опекунам лишь «необходимые» данные о ребенке (или детях), но зачастую соцработники и родители по-разному понимают слово «необходимые». Это не просто мешает опекунам удовлетворять потребности ребенка, но и, в самом худшем случае, ставит под удар их семьи и родных детей. И все это только потому, что какая-то важная информация не была доведена до их сведения. Уже есть прецеденты, когда патронатные родители в таких случаях подавали на службу опеки в суд и получали возмещение ущерба. Это явно говорит о том, что ситуацию пора менять.

Не нужно далеко ходить за примерами: у моей подруги под опекой сейчас находится двухлетний мальчик, родители которого – героиновые наркоманы с ВИЧ-инфекцией. Ребенок проходил тест на ВИЧ за год до того, как попал в семью моей подруги, но сотрудники службы опеки отказались сообщить результат. Дескать, если в семье хорошо следят за гигиеной, никакого риска нет, и результаты теста знать не нужно.

Я еще раз повторила Рису свою речь о том, что интимные места так называются именно потому, что они очень личные. Затем, так и не дочитав ему книгу, которую они начали с Полой, я отвела его наверх и стала готовить ко сну. Он по-прежнему ничуть не раскаивался, поскольку был уверен, что ничего плохого не сделал. Нам всем предстоит помочь ему разобраться и с этим, и со всеми другими недопустимыми особенностями его поведения. Изменить все, к чему он успел привыкнуть, иначе его ожидало крайне мрачное будущее.

Уложив Риса спать и пожелав ему спокойной ночи, я зашла к Поле. Годы опыта дочери патронатного опекуна сыграли свою роль, она отнеслась к ситуации спокойно и с пониманием.

- Все нормально, – сказала она, улыбнувшись. – Я просто не ожидала, вот и испугалась, не более того.

- Хорошо, милая, – сказала я, целуя ее в щеку. – Но, пожалуйста, постарайся следующие несколько дней выдержать дистанцию между собой и Рисом. Если он почувствует твое отторжение, это поможет ему понять, что допустимо, а что нет.

В понедельник утром я первым делом позвонила Джилл и сообщила последние новости, пока Рис смотрел диснеевского «Алладина» на DVD. Она приняла всю серьезность ситуации и сказала, что позвонит в опеку и попытается добыть больше информации, а затем перезвонит мне.

Через полчаса Джилл действительно перезвонила, предварительно переговорив с Карен, замещающей Джейми Хогга, пока тот был в отпуске. К сожалению, Карен не смогла добавить ничего к тому, что уже сообщила мне, и лишь снова повторила, что, когда приходила в семью, заставляла Риса за просмотром порнографии, а также что у опеки были подозрения, что Сюзи, сводная сестра Риса, подвергалась сексуальному насилию со стороны его отца. Это, а также полное отсутствие ухода за детьми, и стало причиной для изъятия Риса и Сюзи из семьи. Карен сказала, что Джейми Хогг перезвонит, как только вернется из отпуска.

Я поблагодарила Джилл и попросила ее разузнать, как обстоят дела с записью в школу и договоренностью по встрече с родителями Риса. Ни о том, ни о другом я пока не имела ни малейшего представления. Она согласилась и сказала, что на следующее утро навестит нас. Остаток дня я провела, занимаясь с мальчиком, мы успешно работали дальше над улучшением его поведения, и я хвалила его при каждой возможности. К моменту возвращения девочек из школы я выбилась из сил и опоздала с ужином, но чувствовала, что все не напрасно и у нас есть прогресс

Следующим утром Джилл, приехавшая к нам, получила прекрасную возможность лично пронаблюдать все ключевые моменты поведения Риса: от полетов по дому в образе доисторической птицы или акулы до спокойного сидения за книгой, которую она ему читала, пока я варила кофе. Ей удалось оценить и то, как он закрывается, едва речь заходит о доме.

- Отличная толстовка, – похвалила она его. – Тебе мама купила?

- Не знаю.

- Сюзи передает тебе привет. Скоро увидите.

- Не знаю.

- Секретики, – шепнула мне Джилл, когда мы вышли из комнаты. – Видимо, обещал ничего не рассказывать.

Так-то оно так, но меня страшно беспокоило, о чем именно он обещал не рассказывать?

В среду у нас на обед были суп и роллы. Рис и я сидели за столом, когда вдруг зазвонил телефон. Я взяла трубку на кухне, чтобы не оставлять Риса без присмотра, хоть он и был полностью поглощен едой. Звонила сотрудница социальной службы, Мелисса. Она сообщила, что пытается организовать встречу Риса с матерью, братьями и сестрами. По ее словам, Трейси, мать Риса, была у них в офисе и угрожала им судом, поскольку она не видела Риса уже неделю - с тех пор, как его перевезли ко мне. А распоряжение суда гласит, что ей дозволено видеть его дважды в неделю. Что бы ни натворила Трейси со своими детьми, таково было предписание. И теперь Мелисса в панике пыталась подготовить встречу, подчиняясь решению суда.

- Встреча сегодня с 6 до 7:30, – сказала она. – Вы сможете привезти и забрать Риса?

- Да, – ответила я. Вozить детей на встречи с родителями – одна из обязанностей патронажного опекуна. – Куда нам приехать?

- Сюда, к нам в офис. Трейси запрещено появляться в семейных центрах. Они уже шли ей на уступки, но теперь вряд ли. Я сейчас договариваюсь так, чтобы на встрече были два соцработника и охранник. Не волнуйтесь: вам не придется встречаться с Трейси. Просто позвоните, когда будете на парковке, и кто-нибудь спустится за Рисом.

Сказать, что условия были странными, – значит не сказать ничего. Я никогда не слышала, чтобы семейные встречи проходили в офисе опеки, не говоря уже о присутствии охранника, да еще и это успокаивающее: «Вам не придется встречаться с Трейси», которое только добавило мне нервозности. Обычно я не только присутствовала в начале и конце встречи, но и старалась найти контакт с родителями, выстроить с ними взаимопонимание – для ребенка лучше, если все работает в одной команде. А сейчас все звучало так, словно меня от этого ограждают, причем ради моей же собственной безопасности.

- Я продиктую вам номер соцработника, ответственного за встречу, – сказала Мелисса. Я потянулась за ручкой, записала номер и повторила его вслух.

- Да, спасибо, – сказала Мелисса. – Эта встреча... Это просто какой-то кошмар. Все дети Трейси у разных опекунов, некоторые живут в другом графстве. Надеюсь, на следующей неделе будет проще. Удачи!

Пока Рис доедал, я пошла и взяла из стола информационные формы, чтобы посмотреть имена и возраст всех его братьев и сестер. Хотя я и не встречусь ни с кем, хотелось хоть что-нибудь о них узнать, чтобы понять, о ком он будет рассказывать после встречи. Я уже просматривала эту информацию мельком, когда он только приехал, но теперь хотела изучить все внимательно. У Риса были два сводных брата – Брэд и Шон, 16-и и 14-и лет соответственно, и три сестры. Помимо десятилетней Сюзи, которую опека забрала одновременно с Рисом, еще были Шэрон 18-и лет и Лиза 12-и. У всех были разные фамилии, и ни у кого не было фамилии Трейси. У одного только Риса была фамилия ее мужа, поэтому я решила, что он – единственный ребенок Трейси и Скотта.

В файлах также содержалась контактная информация всех братьев и сестер и других родственников, поскольку очень важно, чтобы ребенок мог поддерживать связь со всеми членами семьи. Посмотрев на адреса патронатных родителей, я поняла, почему Мелиссе было так сложно их всех собрать. Практически все они жили не в нашем графстве. Сюзи была в семье в соседнем графстве, в 40 километрах от нас, Брэд и Шон жили вместе, в 30 километрах в другую сторону. Старшая, восемнадцатилетняя Шэрон, находилась в интернате для подростков в пределах графства, а Лиза, которую с двухлетнего возраста воспитывала ее тетя, жила в городке примерно в 160 километрах отсюда.

Когда детей забирают в систему опеки, социальные службы пытаются пристроить их в «свои» семьи в пределах графства. Однако если такой возможности нет, то дети отправляются к патронатным родителям из агентства, тоже живущим либо в этом же графстве, либо как можно ближе к нему. Тем не менее, иногда детей специально отправляют подальше, например, если у подростка были проблемы с полицией в этом графстве и ему нужно начать все с чистого листа.

Я также обратила внимание на то, что все дети, кроме Сюзи и Риса, были под опекой уже много лет и находились на попечении постоянных патронатных родителей. Я предположила, что их так разбросали именно потому, что социальная служба хотела для всех найти постоянных опекунов, а такие нашлись только за пределами графства. Еще я

заметила, что детей забирали в опеку в разное время, – Шэрон, к примеру, 15 лет назад, когда ей было всего 3. Сюзи и Рис были последними.

Прежде чем положить документы в стол, я выписала дни рождения всех родственников Риса, чтобы можно было отправить им от его имени открытку или подарок. Так поступают все патронатные опекуны. Судя по звукам из гостиной, Рис доел обед и теперь скачет по дивану в гостиной. Я убрала бумаги и пошла к нему.

- Ну-ка кыш с дивана, – шутливо сказала я. – Мы сидим на диванах, а не прыгаем на них. Хочешь пойти в парк?

По тому, как он подскочил и понесся натягивать штаны, сопровождая все действия отличной имитацией криков подстреленного попугая «Парк! Парк!», было ясно, что он хочет. Я догнала его в коридоре, надела пальто и ботинки и помогла застегнуть молнию на куртке.

- Сегодня увидишь маму, – сказала я, когда мы вышли из дома. – И своих братьев и сестричек.

И только в этот момент я поняла, что за все это время Рис ни разу не спросил, когда он увидит родителей, что было очень странно. Рис прожил с ними больше семи лет, и у него должна была сформироваться достаточно сильная привязанность. Он должен был сильно скучать, особенно учитывая то, что под опекой он всего около шести недель. Судя по моему опыту, даже дети, подвергавшиеся насилию в семье, сильно скучали по маме (и папе, если они его знали) месяцами. Они с нетерпением ждали встречи и постоянно спрашивали, когда же увидят мамочку снова. На моей памяти, только дети, пережившие самые тяжелые случаи насилия, как, например, Джоди (в книге «Разбитая» («Будь моей мамой», в переводе на русский язык)), демонстрировали отсутствие привязанности к родителям и полный отказ от их упоминания. Тем не менее, я подумала, что Рис столько раз за это время переезжал, что ему было с чем справляться и помимо тоски по семье.

- Ты хочешь увидеть маму? – спросила я, пока мы, взявшись за руку, шли в сторону парка.

- Не знаю, – ответил он.

- Ты помнишь, когда последний раз видел ее?

Я вдруг поняла, что не знаю ничего об этом, и я даже не подумала спросить Мелиссу. Она сказала, что по решению судьи им положены встречи дважды в неделю, и я почему-то предположила, что так оно и было, пока Рис не переехал ко мне.

- Не знаю, – снова ответил Рис, грохнувшись на четвереньки и

зашипел на проходившую мимо кошку.

- Ты видел маму, пока жил в других семьях?

- Да.

- А братьев и сестричек?

- Наверное.

- Ну, хорошо, я просто спросила.

Не то чтобы информация была особенно полезной, но теперь я имела хоть какое-то представление о происходящем.

Примерно час мы провели в парке, чтобы Рис мог потратить немного энергии, и приехали домой прямо перед возвращением девочек из школы. Я объяснила им, что сегодня повезу Риса на встречу, но ужин приготовлю заранее, так что они смогут поесть, когда захотят. Рис им ничего про встречу с родителями рассказывать не стал.

В пять часов я дала ему легкий ужин и уговорила переодеться, чтобы он выглядел на встрече ухоженным и опрятным, заманила его в ванную и умыла. Встреча с родителями – особый случай, и я всегда стараюсь, чтобы дети выглядели как можно лучше. Кроме прочего, это лишает родителей повода лишний раз пожаловаться на что-то. Очень часто родители, у которых забрали детей под опеку, бывают раздражены и озлоблены, и все свои эмоции направляют на патронатных родителей, придираются к чему только можно – от малюсенького пятнышка на чистой футболке до незначительных покраснений на коже ребенка. Конечно, так делают не все, но подавляющее большинство. Я, конечно, прекрасно понимаю причины такого поведения, но от этого не становится легче. Когда у родителей забирают ребенка, они не только полностью теряют контроль над его воспитанием, им еще и постоянно напоминают о том, какими плохими они были. А человеческая натура устроена так, что вынуждает их вернуть себе хоть малую долю контроля, критикуя методы воспитания патронатного родителя. Кроме того, пытаюсь обратить внимание на то, что и опекун не идеален, они в некотором смысле частично снимают с себя чувство вины за свои неудачи.

Однако мне приходилось работать и с родителями, которые понимали, что по каким-то причинам они действительно не могут сами вырастить своих детей, и стремились наладить со мной контакт. Так, конечно, намного проще для всех, и в первую очередь для ребенка, поскольку ему не приходится разрываться между родителями и опекунами. Учитывая, что все дети Трейси находились под опекой и началось это еще 15 лет назад, я подумала, что, скорее всего, она уже с этим смирилась и ради

Риса будет видеть во мне не врага, а союзника.

Наконец, усадив Риса на заднем сиденье с парой книжек в дорогу, я села в машину, и мы поехали в офис социальной службы, находившийся на другом конце города. На поездку я заложила полчаса, этого должно было хватить. Встреча начиналась в шесть, но нужно было ещё 10 минут на парковку, вызов и ожидание соцработника. Я заранее вписала нужный номер в свой сотовый и положила телефон в сумку на переднем сиденье.

Рис вел себя достаточно спокойно, он не тронул книжки, но смотрел в окно на сияющие неонов вывески готовящихся к закрытию магазинов. Он тихонько жужжал, это слегка раздражало, но уже не шло ни в какое сравнение с грохотом взрывающихся самолетов и машин, которые сопровождали наши предыдущие поездки. Я объяснила Рису, что припаркуюсь, и за ним спустится соцработник, который отведет его на встречу с мамой.

- А почему ты не отведешь? – спросил Рис.

- Я не знаю, в каком кабинете будет встреча, – слукавила я.
– Поэтому они решили, что так будет проще.

Я не могла сказать мальчику, что его мать считают для меня опасной.

На часах было 5:50, и я стояла на повороте к парковке службы, ожидая, что кто-нибудь в потоке автомобилей меня пропустит. Издалека было видно, что парковка, окружающая здание с двух сторон, практически пуста. К этому времени большинство соцработников уже уходят домой, поэтому я предположила, что, за исключением нескольких сотрудников, охранников и уборщиков, в здании почти никого не будет, как и машин на парковке. Здание закрывали и гасили везде свет примерно часов в 7, я пару раз проезжала мимо в это время и видела темные окна, но, видимо, ради встречи Риса с родственниками, которая продлится до 7:30, часть здания закроют позже.

Я повернула направо и медленно въехала на парковку, собираясь припарковаться под единственным горящим фонарем. Аккуратно запарковалась у бетонного ограждения и чуть не подпрыгнула, когда Рис вдруг громко заорал сзади: «Мама!».

Я оглянулась и увидела, как из тени здания кто-то вышел и двинулся в нашу сторону. У меня бешено заколотилось сердце. Поставив машину на ручник, я заглушила мотор

- Мама! – снова закричал Рис, пытаясь отстегнуться.

- Сиди на месте, пока я тебя не отстегну, – сказала я твердо. И посмотрела на женщину – та была уже метрах в семи от нас. Что же мне делать? Я с трудом представляла, как звонить соцработнику, пока Трейси стоит рядом... Это было бы очень грубо. Рис тем временем начал биться в окно и верещать «Мам! Мам!».

Я вытасила ключи из замка зажигания, достала телефон из сумки и вышла из машины. Обошла машину сзади, открыла дверь и взяла Риса за руку.

- Акула! – раздался зычный женский голос за моей спиной. – Мой пацан!

Держа Риса за руку, чтобы он не вырвался и не понесся через парковку, я заперла машину и повернулась, чтобы поздороваться с Трейси. Ростом она была под метр семьдесят, очень полная, одетая в обтягивающие спортивные штаны и майку с логотипом Ливерпульского футбольного клуба с коротким рукавом, несмотря на то, что вечер был весьма прохладным. Волосы были зализаны назад и перетянуты резинкой в конский хвост, который едва доставал до широких плеч. Она шла к нам, засунув одну руку в карман штанов, а в другой руке держа пачку сигарет и зажигалку. И внешностью, и походкой она напоминала персонаж из боев без правил.

- Эй, Акула, пацан, – крикнула она снова, подходя к нам и давая ему подзатыльник. – Рада тебя видеть.

- Здравствуйте, Трейси, – сказала я, улыбаясь, – Я Кэти, опекун Риса.

Возможно, Трейси и так поняла, кто я, но иногда детей на встречу привозят не их опекуны. Представившись, я разглядела ее лицо, которое теперь освещал фонарь, и удивилась, до чего же Рис похож на нее. Он был практически копией матери – от бледной кожи и темных волос и глаз до крупных, торчащих передних зубов. Правда, у Трейси это было не так заметно, но все же он был буквально ее клоном.

- Постричь его надо, – сказала Трейси и снова попыталась дать ему подзатыльник, но Рис уже ловко увернулся. Она стояла и вопросительно смотрела на меня.

Несмотря на то, что у Риса на голове только короткая щетина, я обязана выполнить желание Трейси, поскольку Рис находится на так называемой временной опеке. В таком случае у родителей остается право голоса в воспитании их ребенка, и так продолжается до тех пор, пока суд не лишит их родительских прав полностью. Прическа, как правило, является достаточно спорным моментом в таком случае, и опекуны вынуждены

делать так, как желают родители.

- Может, вы расскажете подробнее, как вы его обычно стрижете? – спросила я в надежде, что это поможет нам завязать хорошие отношения. Мне хотелось максимально продуктивно использовать время до начала встречи.

- Побрей его, – сказала она. – Двочка на машинке по всей голове. Папка его каждую неделю так брил.

Мне стало ясно, почему у Риса были проблемы с громкостью голоса: Трейси разговаривала очень громко, почти кричала.

- Хорошо, – сказала я. – Так и сделаю, но мне придется водить его к парикмахеру, так что каждую неделю не получится.

- Он хорошо себя вел? – гаркнула она, меняя тему.

Не дожидаясь ответа, она повернулась к Рису и попыталась отвесить ему еще один подзатыльник, от которого он снова увернулся.

- Хорошо себя вел, Акула? Маленький поганец, наверняка нет!

Она громко рассмеялась, в груди у нее хрипело. Видимо, много курит. Я как раз собиралась сказать, что Рису у нас хорошо, но она не дала мне такой возможности.

- Четыре раза его перевозили, и все из-за поведения, – завизжала она. – На следующей неделе суд, я судье все расскажу про этого тупого соцработника. Я не позволю своего ребенка просто так мотать туда-сюда!

Я хотела как-то ее успокоить, но она не давала мне вставить ни слова.

- Ну, теперь-то он останется? – рявкнула она. – Уж лучше бы остался! А то если еще раз его переведут... Чертово позорище. А те – вообще уроды.

- Нет, его уже никуда не переведут, – заверила я Трейси.

Рис тянул меня за рукав и громко шипел.

- Стой спокойно, малыш, – сказала я.

- А ну делай, как тебе говорят! – взвизгнула Трейси и отвесила мальчику очередной подзатыльник, от которого тот не успел увернуться. Рис моментально замолчал и встал ровно и спокойно. Надо признать, ее методы воспитания эффективны, хоть я их и не одобряю.

- Видела его соцработника? – спросила Трейси.

- Нет, пока не видела. Он вроде бы в отпуске.

- Гребаные суки, вечно они по отпускам разъезжают. Неплохо живут! А должен быть тут, помогать моим детям, а не по отпускам мотаться. Знаешь, у меня ведь все дети на опеке! –

последняя ремарка звучала так, словно это ее личная заслуга и предмет гордости. – Все, кроме Лизы, она не в системе, а с сеструхой моей. Годами ее не вижу, но ниче, я с этим разберусь, я судье пожалуюсь. Лиза-то у меня хорошая, знаешь.

Я кивнула и подумала, что надо бы уже позвонить соцработнику, как мы и договаривались, а то этот разговор с Трейси мог продолжаться до бесконечности. У Трейси явно было много проблем и забот, и она отчаянно нуждалась в паре свободных ушей.

- Может, подержите Риса за руку, пока я звоню соцработнику? Не хочу, чтобы он начал носиться по парковке.

- Да, давай, вполне умно.

Я вздохнула с облегчением и передала его руку ей.

- Я на других патронажных жалобы подавала, что они плохо за моим Акулой смотрят, – сказала она и вдруг посмотрела на меня, слегка прищурившись, как это иногда делает Рис. – И на тебя пожалуюсь, если придется. Ниче личного, понимаешь, я просто за детей переживаю, хочу для них лучшего.

- Я надеюсь, у вас не будет на это причин, – ответила я, нажав кнопку вызова.

- Я отведу его наверх, – сказала она. – Я знаю, где они там. Другие мои детки там уже, рано приехали.

О боже. Встреча проходила под наблюдением, и я не могла отпустить Риса с ней в отсутствие соцработника, но и конфликтовать с ней на полупустой и полутемной парковке мне тоже не хотелось. Рис начал подпрыгивать на месте, приговаривая:

- Сюзи, Сюзи, хочу видеть Сюзи!

- Заткнись, Акула, – гаркнула Трейси, дергая его за ухо. Он тут же успокоился.

- Трейси, – начала я с заискивающей улыбкой на лице. – Вы не против подождать соцработника? Мне сказали позвонить и ждать на парковке, у меня будут неприятности, если что-то пойдет не так, – я слышала как в телефоне, прижатом к моему уху, идут гудки.

- Да, валяй. Знаю я их. Не хочу тебя подставлять.

Еще несколько гудков и трубку наконец-то взяли.

- Алло! Это Кэти Гласс, опекун Риса, привезла его на встречу. Я тут на парковке, с его мамой, Трейси.

- Ясно, сейчас буду – ответил соцработник, понимая всю сложность ситуации.

- Он идет, – сказала я Трейси, опустив телефон в карман.

- Ты тоже идешь? – спросил Рис, а точнее, проорал,

поскольку встреча с мамой и ее крики уничтожили всю мою кропотливую работу по корректировке громкости его голоса.

- Нет, – сказала я. – Но я вернусь и заберу тебя после встречи.

- Покурю-ка, пока стоим ждем, – сказала Трейси. Выпустив руку Риса, она открыла пачку, закурила сигарету и предложила пачку мне.

- Нет, спасибо.

- Отлично. Не хочу, чтобы Акула в дыму жил. Плохо для его астмы.

- У него астма? – спросила я. – Я не знала.

- Ага, не все тебе рассказали. Сраные работнички, бесполезные твари. Я их засужу, вот увидишь, – она глубоко затынулась, а я взяла Риса за руку.

- Рис у нас был совсем не кашлял. Но я буду за этим следить.

- Дома ему хреновато было, – сказала она. – Соцработники все талдычили, что это от того, что мы с папкой дома курим. Тупые уроды!

Я ничего не ответила. Вероятнее всего соцработники были правы, и Трейси сама это понимала, судя по ее комментарию касательно курения. Она снова глубоко затынулась, а Рис опять начал подпрыгивать и визжать:

- Сюзи, Сюзи! Рис увидит Сюзи!

Очевидно, он очень скучал по сестре, хоть и не говорил об этом.

- Тихо, мелкий паскудник, – сказала Трейси, выхватывая его руку из моей. Сделав очередную затыжку, она с подозрением уставилась на меня. Я молилась, чтобы соцработник пришел как можно скорее, поскольку у меня было чувство, что скоро разговор может обостриться.

- Жопу ему вытираешь? – спросила Трейси.

- Нет, он теперь сам умеет, – сказала я гордо и с улыбкой посмотрела на Риса.

- Умеет? – спросила она удивленно, – А писюн? Он не умеет. Писюн ему моешь?

Конечно, родители часто задают вопросы о воспитании своих детей опекунам, но еще ни разу за мою двадцатилетнюю практику мне не задавали вопросы такого характера при первой встрече и в такой манере. Я была в шоке, хоть и старалась не показывать это.

- Нет, – ответила я, – Я набираю ему ванну, и он моется сам. Я тру ему спину и мою голову, но он сам моет интимные места.

- Интимные места! – выкрикнула она и захохотала, хрипя грудью. – Ну, ты сказанула. Ниче интимного в Акулином писюне нету, уж я-то знаю. Он раньше повсюду им размахивал, даже соцработнику показывал как-то раз, видела бы ты его лицо.

Боже мой, подумала я. И Рис все это слушает.

- Тебе надо мыть его писюн. Сам он не умеет, – настаивала Трейси. – Я сама ему всегда мыла.

- Боюсь, я не могу этого делать, – сказала я. – Но я буду следить за тем, чтобы он тщательно все промывал. Я как его опекун должна быть очень осторожна с такими вещами. Вы его мать, это совсем другое дело. Я надеюсь, вы меня поймете.

То ли мой спокойный тон, то ли признание того, что я всего лишь опекун, а у нее как у матери статус выше, немного смягчили ее.

- Ну да, понятно, – ответила она и посмотрела на Риса. – Смотри, мой писюн как следует, а то опять инфекция попадет.

Наконец я была спасена появлением соцработника, высокого худощавого мужчины лет тридцати, который спешил к нам через парковку

- Извините, – сказал он, глядя на меня. – У вас все в порядке?

Я кивнула. Рис тянул мать за руку ко входу, счастливый от того, что наконец увидит Сюзи.

- Я заберу его в 7:30, верно?

- Да, у вас сейчас все нормально прошло?

- В целом, нормально.

- Извините, такое больше не повторится. Мы не знали, что она уже здесь.

Он поспешил за Рисом и Трейси, которые уже заходили в здание. Я открыла машину, села и выдохнула, пытаюсь собраться с мыслями после первой встречи с Трейси.

Глава 7: Хаос

По дороге домой я все думала о Трейси и о том, что она сказала на парковке. Конечно, я была шокирована ее манерами, но надо признать, что характер в ней был, да еще какой. Я поражалась тому, как Рис был на нее похож, и теперь мне стало понятно, откуда взялись все его дурные манеры. Я вернулась домой к 6:30, поздоровалась с девочками, поужинала и выпила чаю, а в ушах все еще настойчиво звенел громкий голос Трейси.

Я старалась не осуждать ее, хоть мне и казалось, что она совсем не уважает своего ребенка. Все эти затрещины, разговоры об его интимных местах при нем же, это дурацкое прозвище – вряд ли это могло способствовать хорошему поведению и высокой самооценке. Кроме того, она явно видела в соцработниках и опекунах врагов, что очень сильно будет затруднять работу с ней. Пока все отчеты не будут составлены и представлены суду на финальное слушание, когда будет, наконец, решено, где ему предстоит жить, Рис проведет в моей семье как минимум год.

Я не сомневалась, что мне еще не раз предстоит столкнуться с Трейси до или после встречи, и что, вероятно, будут и совместные встречи, где будем и я, и она, и соцработники, и другие специалисты. Она упомянула, что подавала в полицию заявление на всех предыдущих опекунов Риса, но вот за что? Я даже думать об этом не хотела. Вряд ли хоть один из них, не говоря уж обо всех, мог проявить по отношению к Рису халатность или жестокость, так что мне начало казаться, что Трейси просто хотела меня запугать. Что у нее, по сути, получилось, поскольку мне было довольно страшно стоять с ней вечером на парковке и ждать соцработника. Она была очень крупной женщиной, и еще до того, как заговорила, выглядела очень агрессивной.

В семь часов с не проходящей тревогой в душе я поехала за Рисом. Мне сказали ждать на парковке, пока его не приведут, поэтому я остановилась под фонарем и заглушила мотор. В здании было темно, горели лишь лампы на входе и свет в нескольких кабинетах на втором этаже, где, вероятно, и проходила встреча. Я включила радио и откинулась в кресле.

Через несколько минут на парковку въехала другая машина и остановилась в противоположном углу. За рулем была женщина, она не выходила из машины, поэтому я решила, что это еще одна опекунша приехал за кем-то из братьев и сестер Риса. Еще через пять минут на парковку вырулил огромный

Рендж Ровер и встал почти рядом со мной. За рулем был мужчина, он тоже остался в машине.

В 7:35, несмотря на то, что в машине были закрыты окна и громко играло радио, я услышала голос Трейси, раздающийся из здания. Он становился все громче, приближался и смешивался с голосами мужчин, женщин и детей, которые старались перекричать друг друга.

Я выключила радио и посмотрела в сторону главного входа. Никого не было видно, но голоса приближались и становились все отчетливее. Вероятно, все уже спускались по лестнице к ресепшн. Теперь я могла выделить голос не только Трейси, но и Риса. Дверь Рендж Ровера открылась, мужчина вышел и встал рядом с машиной. Я и та другая женщина тоже вышли. Мужчина посмотрел в мою сторону и приветственно кивнул, я улыбнулась в ответ. Женщина из другой машины тоже смотрела в нашу сторону, но она была слишком далеко, чтобы я могла что-то разглядеть. Очевидно, мы все ждали своих патронатных детей. Приближающиеся голоса стали громче и, наконец, из здания начали выходить люди, а на втором этаже погас свет.

Первой появилась Трейси – спина колесом, она гордо спускалась по лестнице к парковке. Оборачивалась и кричала что-то оставшимся позади. Несмотря на полтора часа, проведенных с детьми, она казалось очень рассерженной, но из-за общего галдежа я не могла разобрать, что она говорит.

Два крупных парня, которых я опознала как Брэда и Шона (16 и 14 лет), шли напрямик за ней и устроили шуточную потасовку, отведывая друг друга подзатыльники и уворачиваясь от них. За ними шел охранник в форме, следом – женщина, по конституции похожая на Трейси, но я ее не знала. Затем вышагивали две элегантно одетые дамы, я предположила, что это соцработники. Одна из них держала за руку маленькую девочку, вероятно, сестру Риса, Сюзи (10 лет). Прямо за ней шел Рис, который бесконтрольно прыгал, дергался, визжал и орал, в полном состоянии гиперактивности и потери контроля. Всего 9 человек, Трейси во главе. Она продолжала орать на них и быстро оглядывала парковку, решая, к кому из опекунов подойти сначала. Шума стало больше, так как потасовка между Брэдом и Шоном переросла в настоящую драку, они валялись на парковке, ойкая, постанывая и матерно ругая друг друга.

- А ну слезь с него! – заорала Трейси на Брэда. Он был старше, крупнее и, повалив Шона, уселся на него сверху.

- Я, б...ь, дышать не могу! – орал из-под него Шон.

- Я тебе, б...дь, сказала: слезай! – завопила Трейси и

отвесила Брэду затрещину.

Рис скакал без остановки, крича: «Драка, драка!»

- Ниче не драка, – закричала Трейси. – Щас оба у меня отхватят.

Она снова ударила Брэда и попыталась вытащить его младшего брата.

Я увидела, как мужчина из Рендж Ровера шагнул в их сторону, вероятно, это опекун мальчиков. Но, сделав шаг, он остановился, словно сомневаясь, стоит ли ему вмешиваться. Одна из соцработниц что-то сказала мальчикам, но, естественно, разнимать их не полезла. Вторая, держа за руку Сюзи, обратилась к охраннику, тот быстро подошел и отодрал Брэда от брата.

Трейси тут же накинулась на него.

- А ну руки прочь от него! – заорала она. – Я тебя за нападение засужу!

Я, как и другие опекуны, так и стояла у машины, а сцена перед нашими глазами все больше накалялась. Освобожденный Шон тут же в отместку зарядил кулаком в спину Брэда. Тот взвыл и, повернувшись, толкнул его в грудь. Потасовка опять переросла в драку. Трейси продолжала орать на охранника и соцработниц, угрожая «засудить всех нахрен за нападение». Мне хотелось как можно быстрее посадить Риса в машину, поскольку я видела, что он так и скакал на месте и орал, подражая матери: «Засадить нахрен за нападение!». Я опасалась, что он вступит в драку с братьями. С учетом присутствия двух соцработников и охранника, мне вмешиваться было нельзя.

Хаотичная толпа медленно двигалась к центру парковки. Трейси опять оглядела всех опекунов, так и не решив, к кому подойти в первую очередь. Я трусила и надеялась, что не ко мне. Соцработники шли за ней, а охранник все пытался разнять мальчишек. Шум еще больше усилился, вся семья орала друг на друга. Даже маленькая Сюзи теперь подражала маме: «Засудить нахрен, засудить!».

Когда они подошли ближе к фонарю, я, наконец, смогла разглядеть их лица. Что меня поразило, так это то, что они все выглядели одинаково. Брэд и Шон, которые, все еще обмениваясь тумаками, шли к Рейндж Роверу, выглядели как Рис, но с поправкой на возраст. А та женщина, которую я сначала не смогла опознать, была более молодой версией Трейси. Это, должно быть, Шэрон, ее 18-летняя дочь.

Красное, заплывшее лицо Шэрон и тяжелые бедра сильно

ее старили, она скорее походила на женщину средних лет. На ней были нейлоновые леггинсы и майка с логотипом команды Ливерпуля, волосы стянуты в тугий хвост на затылке, все точь-в-точь как у матери. И это касалось не только внешности – когда Шэрон заорала на Рису, чтобы тот «заткнулся», из ее груди вырвался голос Трейси. Я посмотрела на Сюзи – та отпустила руку соцработника и теперь плясала позади Риса, передразнивая его вопли. У нее были те же черты – бледная кожа, темные волосы, карие глаза, сильно выпирающие вперед зубы. Было так странно, что все дети похожи друг на друга, как две капли воды, особенно если учесть, что у всех были разные отцы. Очевидно, Трейси обладала доминантным геном, и мне даже стало жалко, что природа не была добрее к этим детям, потому как, положила руку на сердце, семейка была еще та.

Соцработники попытались в первую очередь передать опеку двух старших мальчиков, Брэда и Шона. Они теснили их по направлению к Рендж Роверу, а мальчики в это время с поднятыми кулаками кружили вокруг в боксерском поединке. Их опекун сделал шаг навстречу приближающейся толпе и строго сказал:

- Брэд, Шон, садитесь в машину, пожалуйста.

Мальчики посмотрели на него, но продолжили дурачиться, теперь отвешивая друг другу оплеухи.

- Брэд, Шон, – повторил он. – Прощайтесь с мамой и садитесь в машину, нам пора.

Одна из соцработниц тоже повторила его просьбу, но все так же безрезультатно. Мальчики продолжали драться, медленно приближаясь к машине. Опекун открыл заднюю дверь и терпеливо ждал, пока они не доберутся до нее. Он был так же не вправе сказать или сделать что-либо, как и я. Когда опекаемые дети находятся рядом с родителями, опекуны должны отступить и давать родителям возможность принимать участие в воспитании. К тому же было очевидно, что Трейси не одобрила бы никакого вмешательства.

Я посмотрела на Рису и попыталась поймать его взгляд, надеясь, что он, может быть, сам подойдет к машине. Я даже открыла заранее заднюю дверь, но напрасно. Рис отлично проводил время, скакал и визжал, вероятно, понимая, что сейчас у меня нет над ним никакой власти. Сюзи тем временем вырвалась из толпы и начала бегать по парковке.

- Нет, Сюзи, вернись, пожалуйста, – позвала ее одна из соцработниц.

- А ну сюда! – гаркнула Трейси, и Сюзи тут же вернулась.

- Мальчики, садитесь в машину, пожалуйста, – взмолился их опекун.

Шон и Брэд были уже совсем рядом, но так и продолжали драться. Интересно, в доме опекунов они так же себя ведут? Скорее всего, нет.

- А че эта Брэд в школу не ходит? – заорала Трейси, поравнявшись с мальчиками и тыча пальцем в сторону опекуна. – Он сказал, уже неделю там не был!

- Его исключили, – спокойно ответил опекун, делая шаг назад. – Мы уже уведомили соцслужбу и подыскиваем для него новую школу.

- Хера с два соцслужба чё поможет, – взвыла Трейси. – Мой пацан должен ходить в школу. Я пойду к судье на следующей неделе, если он к тому времени еще не будет в школе, всех засужу вас!

- Мы очень стараемся, – мягко ответил опекун, все еще придерживая заднюю дверь для мальчиков. То, что она разговаривает с ним в таком тоне, явно расшатывает его репутацию в глазах мальчиков, а ему и так не сладко приходится, подумала я.

- Ну, вот и старайся как следует, – подытожила Трейси, тыча пальцем в его плечо. – Моим детям нужно образование. А то какой смысл их на опеке держать?

Пять минут спустя с помощью уговоров, повторений и упоминаний об остывающем ужине, мальчиков удалось усадить в Рендж Ровер, и они уехали. Как только они скрылись из виду, Трейси и ее зеркальная копия Шэрон направили свое внимание на меня.

- Почему Акула не в школе? – спросила Трейси.

- Почему Акула не в школе? – повторила Шэрон.

- Когда жил дома, то ходил в школу! – добавила Трейси.

- Насколько я знаю, департамент образования уже ищет школу, – сказала я Трейси. – Я позвоню им на следующей неделе и уточню, могу ли я как-то ускорить процесс.

- Вот, правильно. В понедельник чтоб в школе был, – сказала Трейси.

Это вряд ли, подумала я, потому что сегодня среда. Но сообщать об этом Трейси не стоит. Мне просто нужно скорее увезти Риса. Он уже в совершенно диком состоянии, и позже ему станет от этого очень плохо.

Другая опекунша, стоявшая все это время у своей машины, теперь подошла, и Шэрон взглянула на нее.

- Шэрон, нам пора, – сказала она, и я решила, что это

сотрудница интерната, в котором жила Шэрон. Ей было всего лет 25, и с Трейси она тягаться не могла.

- Она пойдет, когда я скажу! – гавкнула на нее Трейси. – И с тобой мне тоже нужно побалакать, я недовольна тем, как вы за Шэрон смотрите.

В этот момент на парковку въехала еще одна машина и остановилась в нескольких метрах от нас. Все посмотрели в ее сторону.

- Это Мэри! – закричала Сюзи, и я только сейчас поняла, что до этого не было никого, кто мог бы забрать её после встречи.

- Подождет! Я еще не закончила, – прорычала Трейси.

Мэри вышла из машины и подошла к нам.

- Извините, я опоздала, – сказала она. – На трассе была авария.

Трейси проигнорировала ее и снова устремила свое внимание на меня.

- А че на Акуле нет жилета? Он так заболает и сдохнет.

На самом деле Рис был нормально одет, на нем была футболка, флисовая кофта и зимняя куртка, но спорить мне не хотелось.

- Хорошо, я буду надевать на него жилет, – сказала я. – Не вопрос.

- Ну сделай одолжение, – ответила Трейси. – Он когда не в жилете, для его грудины плохо. Когда со мной жил – всегда носил.

Я кивнула и не ответила, думая о том, что отсутствие жилета явно не так вредно, как присутствие сигаретного дыма.

- Нам пора, – подала голос опекунша Шэрон. – Уже девятый час.

- Пора будет, когда я скажу, – прошипела Трейси, и опекунша сделала шаг назад.

Я посмотрела на соцработниц. Судя по их лицам, они были в таком же шоке, как и все мы, но не могли ничего поделать, кроме как пытаться утихомирить Трейси и надеяться, что в скором времени все дети уедут с опекунами. Ситуация была невозможной: царил полный хаос. Я поморщилась от мысли, что встречи будут проводиться дважды в неделю.

- Рис, иди сюда и попросайся с мамой, – позвала я, но Рис сам так шумел, что вряд ли меня слышал.

- Нам пора, Сюзи, – позвала Мари, пока Трейси была занята облаиванием соцработниц.

- Акула месяцами не был в школе! – кричала она на них, начав размахивать кулаком. – И че вы сделали? Нихера не

сделали! – охранник сделал шаг в ее сторону. – А ты вообще на хрен иди! – закричала она на него.

- Трейси, уже очень поздно, – сказала соцработница. – Рису и Сюзи уже пора ложиться спать. Может, вы придете завтра к нам в офис, и мы все обсудим?

Похоже, это немного успокоило Трейси, и она пошла на контакт.

- Акула, а ну давай в тачку, живо! – крикнула она.

- Акула, а ну давай в тачку, живо! – точь-в-точь скопировала её Шэрон.

- Да заткнись ты уже, – заорала Трейси на Шэрон. – Тебя никто не спрашивал.

Рис не обратил на все это никакого внимания. Он визжал, орал и прыгал, не замечая никого вокруг, включая мать.

- Акула! А ну - живо в машину! – снова закричала Трейси. Потом она подошла, грубо схватила его за руку и подтащила к машине.

- Залезай, Рис, – спокойно сказала я. – Я застегну тебе ремень.

Рис залез машину, и Трейси засунула голову в салон.

- У тебя и ремень тут есть, – закричала она через плечо.

- Да, я всегда слежу за безопасностью в автомобиле, – заверила я ее.

- Хорошо, потому что иначе я бы тебя засудила. Я не дам драным опекунам рисковать жизнью моих детей.

Трейси засунула руку в салон и застегнула ремень.

- Мам! Мам! – закричал Рис.

- Че такое, пацан? – она снова засунула голову в салон. Я посмотрела на соцработников – они ответили мне совершенно растерянными взглядами.

- Принеси мне приставку в следующий раз! – крикнул он матери в лицо. – И игры все!

- Хорошо, Акула, не переживай, принесу, – Трейси повернулась ко мне. – А у тебя что, приставки нету?

- Нет, зато у нас много других игрушек, – сказала я нервно, потому что уже теряла терпение. – Но будет здорово, если вы принесете ему его приставку.

- Акула, я принесу! – крикнула она в открытое оно. – Не переживай, мамочка о тебе позаботится.

Я держала руку на двери машины, готовая захлопнуть ее при первой возможности.

- Попрощайся с мамой, – сказала я, и стала закрывать дверь.

- Пока, мам! – крикнул Рис, но Трейси уже не слышала, так как повернулась к нему спиной и орала на Мэри из-за прически Сюзи.

Я быстренько закрыла дверь, обошла машину, села в нее и вставила ключ в замок зажигания.

- Мам, – завизжал Рис. – Мам, и все игры! Все! – он начал барабанить по оконному стеклу. – Мааам! Мам!

Но Трейси его не замечала, размахивая руками вокруг Сюзи. Остаться было уже незачем, поэтому я быстренько повернула ключ и надавила на педаль газа.

- Мам, игры не забудь! – Рис закричал опять, еще сильнее молотя по стеклу.

Я выехала с парковки, но пришлось остановиться у обочины, выйти и успокоить Риса. Он был просто вне себя, кричал, что мама забудет игры и просто визжал. Я села на заднее сиденье рядом с ним и обняла его, глядя его по голове и мягко разговаривая. Я потратила 15 минут на то, чтобы успокоить мальчика.

Когда мы приехали домой, было уже 9. Люси и Пола встретили нас у двери, выглядели они очень взволнованными.

- Что случилось? - спросила Люси.

- Даже не спрашивай.

- Мы думали, тебе надо только Риса со встречи забрать, – сказала Пола.

- Так и есть. Я расскажу позже.

Я сразу отвела Риса в ванную и помогла ему умыться, почистить зубы и переодеться в пижаму, а затем уложила его. Он был абсолютно вымотан, как и я. Он заснул, как только голова коснулась подушки. Я вышла из комнаты и спустилась. А потом я сделала то, что делаю обычно только на Рождество, Новый год и день рождения – налила себе выпить.

Я села в гостиной с бокалом белого вина и откинула голову на спинку дивана. В глазах все еще рябило, от всего этого шума разболелась голова. Это просто кошмар, а главное – все это вредно для детей. Рис впал в полную истерику, и другим опекунам потом наверняка пришлось успокаивать детей. Встречи проводятся для того, чтобы дети могли спокойно побыть со своими родными и близкими, а не для всех этих криков и драк. Если и на самой встрече такое творилось – я думаю, сотрудникам предстояло многое описать в своих отчетах.

И все-таки, несмотря на хаос и агрессию Трейси, мне было ее жаль. У нее самой явно были трудности с обучением и, что ни говори, она родила семерых детей, но не воспитывала ни

одного. Я подумала, что все ее крики и угрозы – лишь отчаянная попытка хоть как-то контролировать своих детей и влиять на их судьбы. Но только время покажет, так ли это.

Глава 8: «Школа»

Все улучшения в поведении Риса на время исчезли, и следующие несколько дней он снова вел себя, как в первые дни. Я подозревала, что это может быть связано с его общением с матерью. Он проснулся в пять утра, и мне еле удалось его успокоить. Большую часть дня он носился по дому, кидался вещами, издавал громкие звуки, матерился, а если кто-то из нас пытался его утихомирить, – просто говорил «отье..сь». Он успокаивался, только если я или Люси садились с ним почитать. Пола все еще старалась выдерживать дистанцию в общении с Рисом. Разумеется, она могла с ним поболтать, но вместе они не играли, поскольку тогда она оказалась бы слишком близко к нему.

Помимо словесной агрессии и гиперактивности Риса, мы также столкнулись с огромным количеством попыток боднуть головой меня или Люси. Дважды он даже кусался, и на руке Люси остался четкий отпечаток зубов. Я отчитала его и сократила дозволенное время просмотра телевизора, что вызвало полномасштабную истерику. Он пинал все, что оказывалось у него на виду, и на весь дом кричал о том, как сильно меня ненавидит, за что потерял еще больше времени на телевизор.

То, что после встречи Рис сделал шаг назад в своем прогрессе, меня, в общем-то, не особо удивило. Помимо того, что семья поощряла то, как он вел себя раньше, теперь на него нахлынули воспоминания о родном доме. Практически все дети после встреч с родителями становятся беспокойными, а если у ребенка в принципе наблюдаются сложности с поведением, то после встречи они усугубляются, поскольку ребенок пытается выразить свои чувства и переживания единственным способом, который у него есть. Вскоре Рис успокоится, и тогда мы продолжим, но после следующей встречи вновь вернемся назад. Я надеялась, что пройдет какое-то время, и он привыкнет к регулярным встречам, и постепенно эти срывы сойдут на нет. Но, тем не менее, какая-то реакция у него все равно останется, так как после этих встреч ему приходится собирать две части своей жизни в одно целое и как-то все упорядочивать у себя в голове.

Сейчас политика социальной службы такова, что ребенок должен видиться с родителями в любом случае, исключений очень мало. Однако многие опекуны готовы поспорить насчет того, хорошо ли для детей постоянно видеть родителей и знать,

что они никогда не вернуться к ним. Но, как и во многих других вопросах опекунов, мы вынуждены делать так, как велит, а потом заново собирать ребенка по кусочкам, обнимая и уверяя, что все будет хорошо.

К понедельнику Рис успокоился, а поскольку в школу он так и не пошел, я решила, что мы заранее будем к ней готовиться. Я собиралась в следующем разговоре с Джилл уточнить, как там продвигаются дела с поиском школы. Но я и так по опыту знала, что этот процесс может занять недели или даже месяцы, поскольку трудно найти школу, готовую принять ребенка, которого уже несколько раз исключали. Поэтому после завтрака я объяснила Рису, что мы с ним будем немного заниматься чтением и письмом – как будто мы на занятиях в школе, затем сделаем переменку, перекусим и позанимаемся математикой. А остаток дня будем просто играть. Идея поиграть в школу ему понравилась. Кроме того, я планировала, что теперь мы будем каждый день выбираться из дома не только по каким-то делам типа покупки продуктов, но и просто так, чтобы прогуляться по парку, поскольку Рису было необходимо избавляться от переполняющей его энергии.

Я понятия не имела, на какой стадии обучения находился Рис, поэтому достала из стола материалы для начинающих – книги для чтения первого и второго уровня и прописи. Я когда-то откопировала эти прописи у репетитора, которого нанимала для другого опекаемого ребенка, у которого тоже были проблемы со школой. И книжки, и прописи были рассчитаны на самый базовый школьный уровень, очень яркие и привлекающие внимание, с большими буквами и раскрасками.

Но прежде чем начать занятия, мне необходимо было уточнить, с чего же, собственно, начать, поскольку если бы я выбрала слишком легкие задания, Рис мог воспринять наше обучение как что-то подходящее больше «для малышни» и отказаться заниматься в принципе. Мне бы очень помогла выписка о его особых образовательных потребностях, в которой содержится основная информация о его прогрессе и трудностях, но мне до сих пор ее не предоставили. Поэтому, чтобы разобраться в его уровне, я решила показать ему карточки со словами, которые я также скопировала у репетитора и приклеила на цветные картонки. На карточках были сначала простые слова, из тех, что дети, как правило, выучивают первыми: «он», «она», «мы», «пес», «кот», а потом слова посложнее – «когда», «потому что».

Я стала показывать Рису слова и спрашивать, знает ли он,

как читается это слово.

- Ммм, не знаю, – говорил он, задумчиво касаясь подбородка.

- Хорошо, тогда отложим их вот в эту кучку, – говорила я, откладывая карточку на стол. – Эти слова мы будем учить в первую очередь.

К концу первой пачки базовых слов я остановилась. Рис смог прочитать только одно слово – «и». Ему семь с половиной лет, а он знает одно-единственное слово, состоящее только из одной буквы. Обычный ребенок в этом возрасте знает написание примерно 150 слов, а более одаренные дети могут даже сами читать Гарри Поттера.

- Теперь будем читать? – спросил Рис с энтузиазмом.

Я открыла самую простую книжку, и мы начали. Это была книжка из набора, который я купила много лет назад для одного из детей, который только пошел в школу и не справлялся с программой. На каждой странице была большая картинка с одним-единственным словом, описывающим эту картинку – например, «кот» или «пес». Учítывая, что Рис ни одного слова не знал, я их читала, а он радостно за мной повторял. Мы прошли по всей книжке дважды.

Затем я открыла вторую книгу из серии, в ней повторялись слова из первой книги, чтобы ребенок мог повторить пройденный материал. И хотя слова остались те же, картинки изменились, и у Риса не получалось их узнавать, поскольку он запоминал звучание слова в паре с картинкой, а не словом, которое я ему зачитывала. Я снова взяла первую книгу и стала заново читать слова, прикрывая картинку рукой. То же самое я сделала и со второй книгой, повторяя одни и те же слова снова и снова.

И хотя Рису было скучновато и он с трудом мог усидеть на месте, ему нравилось то, чем мы занимались, и я видела у него желание учиться. Минут через пятнадцать я отложила книгу и сказала, что сейчас мы займемся письмом, а потом сделаем небольшой перерыв. Я дала ему бумагу и карандаш и спросила, может ли он написать свое имя.

- Да! – воскликнул он, – Конечно, я же не дурак!

- Конечно, нет. У тебя очень хорошо все получается, – сказала я и улынулась. Он поцеловал меня в щеку.

- Мне здесь нравится. И ты мне нравишься!

- Это здорово, – сказала я. – Мне очень приятно. Мы рады, что ты живешь с нами.

Он выглядел очень удивленным.

- Правда?

- Да, Рис, нам очень приятно, что ты живешь с нами.

Он покраснел до ушей.

- Хорошо, а то если меня опять переведут... Будет чертово позорище.

Я улыбнулась. Хоть у Риса и была задержка в развитии, он дословно запомнил фразу, сказанную его матерью на парковке в прошлую среду. Значит, с восприятием у него не было никаких проблем.

Рис мог написать только имя, без фамилии. Буквы были большими и кривыми, как будто их рисовал трехлетний ребенок, впервые взявший в руки карандаш. Я написала его фамилию большими буквами, а ниже сделала контуры букв точками, чтобы Рис мог их соединить. То же самое я сделала и с другими «базовыми» словами, ему очень понравилось это занятие.

- Я пишу! – с восторгом кричал он мне прямо в ухо.

- Да, молодец, только постарайся говорить чуть-чуть потише, – успокаивала его я, как мы постоянно делали это с девочками. Но я прекрасно знала, откуда все это взялось, и понимала, что семь лет криков нельзя исправить за пару недель и даже месяцев.

После письма мы сделали перерыв, я выпила кофе, а Рис съел банан и выпил стакан молока. Затем мы продолжили наши «школьные» занятия, позанимавшись немного с цифрами. Затем пошли в магазин через парк. Я купила хлеба, фруктов и овощей, и Рис помог мне нести покупки.

Войдя в прихожую, я увидела, что на автоответчике мигает сообщение.

- Это Мэри Смит, начальник отдела Джейми. Я буду в офисе до двух, пожалуйста, перезвоните мне.

Ну наконец-то! – подумала я. У начальника отдела может быть больше информации, и она сможет ответить на мои вопросы. Зная, что разговор может занять какое-то время, а уже почти обед, я сделала Рису бутерброд, выдала пачку чипсов, а сама пошла поговорить в коридор, чтобы он не слышал разговора. Я набрала номер, и Мэри сразу же взяла трубку.

- Это Кэти Гласс, опекун Риса.

- Хорошо, спасибо, что перезвонили. Как у вас дела? – по голосу слышалось, что у нее есть что-то срочное, что она собирается мне сообщить.

- Все в порядке.

- Я насчет встречи, – начала она. – Насколько я поняла, на прошлой неделе все прошло не очень, поэтому я решила

проводить встречи немного по-другому. У вас есть чем записать?

- Да, – я потянулась за ручкой и блокнотом. Голос Мэри звучал очень уверенно, поэтому я немного расслабилась.

- Я прочитала отчеты о встрече от опекунов, – продолжила она. – Не хочу, чтобы такое повторилось. Думаю, вы не станете возражать.

- Нет, – рассмеялась я. – Мы потом еле успокоили Риса.

- Могу себе представить. То же самое сказали и другие опекуны, поэтому я разделяю встречи. Рис сможет увидеться с родителями во вторник и в пятницу, время и место те же. Вы сможете его привезти и потом забрать?

- Да, – сказала я, записывая. – Так значит, Рис и с отцом увидится?

- Да. Нам нельзя было допустить Скотта на встречу в среду, поскольку там была Сюзи. В данный момент полиция ведет расследование по подозрению Скотта в сексуальном домогательстве к Сюзи. Но Трейси настаивала, что хочет видеть всех своих детей вместе. Она свои права знает, я думаю, вы в этом убедились при встрече, но в данный момент я ставлю права Риса выше, а он имеет право на встречу с отцом.

- Да, – согласилась я. – Я тоже так думаю.

- Я устрою встречи для остальных детей в другие дни, поскольку Скотт приходится отцом только Рису.

- Хорошо.

- Рис ни с кем из родных не общается, кроме Сюзи. Многих он годами не видел до встречи в среду. На следующей неделе я опять буду выступать в суде и сообщу, что мы пытались собрать детей вместе, но регулярные встречи, в первую очередь, не в их интересах. Я думаю, встречаться всей семьей они могут раз в год, а вот встречи Риса и Сюзи можно сделать более частыми. У них хорошие отношения.

- Да, это так.

- Кэти, может, я дам вам номер опекуна Сюзи, и вы сами созвонитесь и договоритесь, как вам лучше устраивать встречи?

- Конечно. А как часто?

- Раз в три недели, может быть?

- Да, думаю, так будет здорово. Мы договоримся.

- Хорошо. Опекуна Сюзи зовут Мари. Я думаю, вы мельком виделись на парковке в среду.

- Виделись, но и только. Там такое творилось, что не было возможности пообщаться.

- Да, я понимаю. Извините, это больше не повторится. Если на последующих встречах возникнут какие-то проблемы, мы

пересмотрим условия их организации, может, усилим охрану.

- Хорошо.

Я была под впечатлением, Мэри – действительно толковый специалист. Я записала номер Мари, и мы его сверили.

- Как там Рис? – спросила Мэри.

Я рассказала о его успехах, о том, что он стал спокойнее и уже нормально воспринимает ограничения.

- Но мне бы очень помогло, если бы вы дали больше информации. У нас уже был один инцидент... Проявление сексуализированного поведения. И мне бы не хотелось, чтобы такое повторилось. Кроме того, я так и не получила никакой информации по поводу его школы.

Мэри тихо вздохнула.

- Да, я знаю. Трейси сегодня была у нас, я обещала разобраться, как только выдастся время. Ситуация такая: Джеймс занимался этим вопросом, но сейчас он в отпуске. Я не могу добраться до его документов. Похоже, он или унес их домой, или вообще забрал с собой в поездку. Его компьютер запаролен, поэтому я даже не знаю, на какой стадии вопрос со школой. Департамент образования точно знает, что Рис сейчас у вас, и они ищут школу в вашем районе. Могу я попросить вас подождать с этим, пока не вернется Джеймс? Осталось всего десять дней, мы свяжемся с вами, как только он вернется. Он сможет дать вам полную информацию и сдвинуть вопрос со школой с мертвой точки.

- Хорошо, – сказала я, понимая, что двигать дело нужно прямо сейчас, но мое нытье ничего не меняет и никому не поможет. – Вы не знаете, как долго Рис не ходил в школу? Трейси сказала, что несколько месяцев.

- Думаю, это возможно. Едва ли он ходил в школу, даже когда жил с ней. Несмотря на то, что она сейчас так педалирует эту тему, сама она за его учебой не очень-то следила. Я знаю, что из двух школ его исключили. Когда Джейми вернется, он сможет дать более подробную информацию. Еще я знаю, что сексуализированное поведение уже проявлялось в одной из патронатных семей и в школе. Думаю, в вашем случае следует прибегнуть к «мерам безопасной опеки».

- Да, мы так и сделали, – сказала я.

- У вас остались еще вопросы?

- Джейми точно свяжется с нами, когда приедет?

- Да, Кэти. Спасибо Вам за все.

Мы попрощались.

Я, конечно, рассчитывала получить больше информации, но

понимала, что даже начальнику отдела сложно до нее добраться. К тому же оставшиеся десять дней погоды не сделают. У социальных работников огромная нагрузка, каждый курирует минимум пятнадцать семей, и с каждой полно работы – посещения, встречи, судебные заседания, заполнение бумаг. Могу себе представить нагрузку начальника отдела, которому необходимо быть в курсе всех дел своих подчиненных.

Я была очень рада, что Мэри решила одну из самых серьезных проблем со встречами. Если бы то, что произошло в среду, повторялось дважды в неделю, не только Рис, но и я сама съехала бы с катушек. Встречи наедине с родителями казались мне наилучшим вариантом. Он сможет спокойно пообщаться и с мамой, и с папой, и конец встречи не будет таким кошмаром. Ну, по крайней мере, мне пока так казалось. Единственное, что меня все еще волновало – встреча с отцом Риса, Скоттом. Я, конечно, не знала всех деталей, но из-за подозрений в сексуальном домогательстве к десятилетней падчерице, которые сейчас проверяла полиция, у меня вызывала отвращение сама мысль о встрече с ним. И это несмотря на то, что я уже бывала в подобных ситуациях. Я старалась думать, что это только расследование и его вина не доказана.

Я проверила, как там Рис, и, поскольку он все еще обедал, улучила минутку, чтобы созвониться с Мари, опекуном Сюзи. Она ждала моего звонка, поскольку начальница отдела уже позвонила ей и сообщила новые условия встреч.

Сюзи ходила в школу, поэтому мы решили, что лучше всего будет встречаться по воскресеньям. В следующее воскресенье Мари была занята, поэтому мы договорились о встрече через неделю, в последнее воскресенье февраля. Мари жила в соседнем графстве, примерно в 40 километрах от нас, поэтому мы решили встретиться в детском парке, расположенном между нами. Договорились еще раз созвониться ближе к делу и попрощались. Я сделала себе в ежедневнике пометку, чтобы не забыть позвонить.

Когда Рис закончил обед, я рассказала ему о новых условиях встреч с родителями и сестрой. Он очень обрадовался, что сможет погулять с Сюзи.

Обычно, когда ребенок впервые попадает под опеку, опекун отводит его к стоматологу, окулисту и терапевту. Но без доступа к его документам я не знала, показывали ли его врачам предыдущие опекуны. Спросила у Риса, был ли он недавно у стоматолога и проверяли ли ему глазки, но он ничего такого не вспомнил. Пришлось оставить и этот вопрос до возвращения

Джейми, поскольку мне также нужно было получить согласие от родителей на лечение, а такой документ может выдать только социальный работник.

Рис не вспоминал о родителях, пока мы не стали собираться на встречу во вторник. Я приготовила ужин пораньше, покормила Риса в пять и оставила ужин для девочек. Этот распорядок на какое-то время плотно войдет в нашу жизнь, ведь опекуны должны подстраиваться под встречи с родителями.

- Я увижу папу? – спросил Рис, получив от меня чистые штаны.

- Да, в этот раз и маму, и папу.

- Мне нравится папа.

- Хорошо, значит, вы отлично проведете время.

Он засунул ногу в одну штанину и все никак не мог попасть во вторую.

- Попробуй надеть сидя, – предложила я.

Он не послушался, но ногу все-таки впихнул.

- Мне папа больше нравится, чем мама.

- Правда? А почему?

- Не знаю, – ответил он, на секунду задумался и добавил. –

Наверное, потому, что он добрее.

- Ясно. А в каком смысле добрее?

Он никак не мог надеть жилетку, и я помогла ему просунуть наконец-то голову в горловину, а не в рукав.

- Не знаю, – снова ответил он. – Я не люблю жилеты.

- Но твоя мама велела тебе надевать его на улицу, поскольку переживает, что ты можешь простудиться.

- Ну ладно, но тогда я буду носить только на встречи, по вторникам и пятницам.

- Хорошо, – улыбнулась я, оценив то, что, несмотря на трудности с обучением, Рис не только запомнил дни недели встреч, но и знал, как задобрить маму. Я стала понимать, что в те моменты, когда Рис не в гиперактивной стадии и его мозг не разрывается, он запоминает удивительно много, даже услышав что-то всего один раз. Я подумала, что нужно постараться развить это качество. Может быть, ему было легче запоминать на слух, чем визуально. Все дети обучаются по-разному, главное – понять, какой способ подходит Рису

Подъехав к зданию соцопеки в 5:50 вечера, я постаралась запарковаться как можно ближе к фонарю и заглушила мотор. В этот раз на парковке было больше автомобилей, а в некоторых окнах горел свет, возможно, кто-то из сотрудников задерживался

на работе. Я набрала номер дежурного соцработника.

Мне ответил незнакомый мужской голос.

- Я скажу сотруднице, которая будет присутствовать на встрече, она спустится за Рисом.

- Спасибо, – я повернулась к Рису, сидящему на заднем сиденье. – Сейчас за тобой придут.

Он смотрел по сторонам, выглядывая родителей на парковке. Но их не было. Через пять минут за ним спустилась соцработник. Улыбаясь, она подошла к нашей машине. Я вышла и открыла дверь Риса.

- Привет, Кэти, привет, Рис! Мама с папой уже тебя ждут.

Все было спланировано и организовано намного лучше, чем в первый раз – я смогла спокойно попрощаться с Рисом и пожелать ему хорошо провести время. Я махала им рукой, пока они не скрылись за дверью, и вернулась домой, где поужинала и выпила чашку чая. К 7:30 я поехала за Рисом. Я надеялась, что в этот раз он попрощается с родителями еще в здании, как это принято на таких встречах. Ребенок спокойно прощается, его тут же забирает опекун, все тихо и спокойно. Но сегодня мне снова не повезло.

В 7:40 я услышала, как Трейси что-то кричит, еще до того, как ее фигура показалась в дверях. Потом она вышла из здания. За ней шел Рис с высоким худощавым мужчиной, видимо, отцом. Они шутливо дрались между собой. Периодически Скотт хватал Риса за ноги, переворачивал вниз головой и встряхивал, а потом ставил на место. Радостные боевые вопли разносились по округе. За Рисом и Скоттом шли две соцработницы и охранник. Я вышла из машины и подождала, пока все приблизятся.

Трейси двинулась прямо на меня, и хотя она не успела сказать ни слова, я поняла, что она очень зла и будет ругаться. Но явно не по поводу жилета, ведь Рис его надел.

- Когда ты ему долбанную стрижку уже сделаешь? Я тебе на прошлой неделе еще сказала!

У Риса на голове и так был коротенький ежик, но в споре с Трейси это явно не аргумент.

- Мы были очень заняты. Но я могу отвести его к парикмахеру завтра же.

На самом деле я так была занята проблемами с поведением, что про стрижку вообще забыла.

- Ага. И кофта у него воняет и грязная. Мои дети должны ходить в чистом. Я на тебя жалобу подам, поняла?

- Трейси, когда мы выходили из дома, свитер был чистым, – я расстроилась. Столько сил было вложено, чтобы Рис выглядел

на встрече аккуратно!

- Ну, а щас не чистый. Весь колой залит.

Я не могла понять логики ее претензий, поскольку колой его явно поила не я, но спорить не хотелось. Мне оставалось только надеяться, что если ему действительно давали колу, то хотя бы без кофеина.

Соцработники тоже подошли поближе и стояли в сторонке, слушали и наблюдали, как я надеялась, готовые вмешаться, если потребуется. Рис продолжал бороться с отцом, визжа каждый раз, когда отказывался вверх тормашками. Конечно, мне бы хотелось, чтобы они играли в более мирные игры, но, по-видимому, так вот они обычно общались, а значит, соцработники не будут вмешиваться, если только игра не станет опасной.

- Ты че, била Акулу? – вдруг спросила Трейси, тыкая в меня пальцем.

- Конечно, нет! Я...

- А откуда у него синяк на ноге? На отпечаток пальца похож! Твоя работа?

Соцработники уставились на меня. И хотя обвинения Трейси были просто нелепыми, я почувствовала себя крайне неловко из-за того, что приходится оправдываться.

- Трейси, я бы никогда в жизни не ударила ребенка, – сказала я твердо. – Ваши предположения оскорбительны.

Я посмотрела ей прямо в глаза и хотела еще кое-что добавить, но сдержалась. Я ведь даже не знала, что у Риса синяк, должно быть, где-то в парке ушибся. И вряд ли синяк большой – я бы заметила, когда помогала ему переодеваться.

- Ну, смотри мне, – гаркнула она мне в лицо. – Я буду его тщательно осматривать, и если хоть что-нибудь найду – заявлю на тебя в полицию. Надеюсь, ты не такая, как остальные опекуны. Те-то его лупили.

Эта женщина была просто невыносима.

- Трейси, я бы никогда не ударила ребенка. И сильно сомневаюсь, что кто-то из других опекунов это делал.

Я посмотрела на соцработниц.

- Думаю, нам уже пора.

Они покивали и позвали Риса:

- Рис, пора домой!

Рис и Скотт не обратили на это никакого внимания, продолжая прыгать вокруг и драться.

- Пора домой!

- А че насчет школы? – продолжила допрос Трейси. – Вы в че там играете? Я же сказала: он должен ходить в школу!

- Трейси, я не знаю, – сказала я раздраженно, хотя в этом вопросе Трейси была права. – Тебе стоит поговорить об этом с начальником отдела.

- О, не бойсь, уж я-то поговорю. Завтра первым делом сюда приду и поставлю на место эту засранку.

Как я поняла, последнее относилось к Мэри.

- Рис! – позвала я. – Рис!

Наслушавшись претензий, я не хотела повторения ситуации прошлой встречи, поэтому оставила Трейси и пошла напрямиком к Рису и его отцу.

- Здравствуйте, мистер Уильямс, – я протянула руку. – Я Кэти, опекун Риса. Приятно познакомиться.

Он остановился и пожал мою руку. Я улыбнулась.

- Вы не могли бы отвести Риса к машине? Ему скоро пора спать.

- Конечно, – сказал он дружелюбно. – Парнишка, пойдем, уже пора.

- Спасибо, – сказала я.

Я обрадовалась не только тому, что Скотт пошел мне навстречу, но и тому, что он не называл сына Акулой.

Он провел Риса мимо Трейси к моей машине. Я открыла заднюю дверь, мальчик уселся.

- Спасибо, – поблагодарила я. – Похоже, он отлично провел время!

- Да, – ответил Скотт. – Я тоже.

Я не знала, насколько обоснованы обвинения в домогательстве к Сюзи, но Скотт явно любит сына, и он куда спокойнее и рассудительнее Трейси. Мне было очень трудно справляться с ее абсурдной агрессией. Еще меня очень удивило, что сын вообще не похож на Скотта, просто ни одной общей черты. Рис был низким, крепким мальчиком, с бледной кожей, карими глазами и темными волосами, и у него, как и всех братьев и сестер, очень крупные передние зубы. Скотт же – рослый худощавый блондин с голубыми глазами, высокими скулами и абсолютно ровными зубами. Если бы меня спросили, приходится ли Рис и Скотт друг другу родственниками, я бы не задумываясь ответила – нет.

Я застегнула ремень Риса. Скотт стоял рядом, а Трейси пошла к соцработницам.

- Скажи всем до свидания, – сказала я мальчику.

- Пап, пап! – закричал он. Скотт нагнулся к нему. – Можно мне поцелуйчик?

Скотт поцеловал сына в щеку.

- Пока, сынок. До пятницы. Я постараюсь не забыть твою приставку.

Видимо, Трейси про нее и не вспомнила. Отец слегка похлопал Риса по плечу.

- Веди себя хорошо, – сказал он и отошел.

Я замешкалась. Мы уже были готовы ехать, но Рис все еще не попрощался с матерью. Я посмотрела в ее сторону – она продолжала орать на соцработниц, что-то про опекунов Сюзи, поэтому я закрыла дверцу машины.

- Пока, – сказала я Скотту. – Увидимся в пятницу.

Пока мы выезжали с парковки, Рис отчаянно махал маме, но та не замечала его, увлеченная своей тирадой.

Рис был не в таком взбудораженном состоянии, как в прошлый раз, но все равно немного на взводе. Отчасти это была радость от встречи с отцом, отчасти - очередной приступ гиперактивности, поскольку периодически он издавал совершенно невнятные звуки и крики.

Но по дороге я думала совсем не об этом, а об обвинениях Трейси. Мне было очень неприятно, что она могла такое подумать, ведь я вкладывала столько сил в уход за ее сыном. Но мои чувства – это еще не самое страшное, страшно было то, к чему могли привести такие заявления в дальнейшем. Соцработницы отметят это в своих отчетах, и Джейми Хогг или Мэри могут принять решение о начале расследования ситуации. Как минимум 40% всех патронажных опекунов получали подобные обвинения, а расследования по таким делам – очень долгий и тяжелый процесс. В некоторых случаях ребенка забирают от опекуна до окончания расследования. Очень редко бывает, что в ходе расследования доказывается, что ребенок подвергся насилию, но самого процесса никак не избежать. И хотя я прекрасно понимала, что подобные расследования необходимы для обеспечения безопасности ребенка, было также очевидно, что в большинстве случаев, как, например, сегодня, подобные обвинения – это лишь отчаянная попытка матери победить систему, которая, как ей кажется, от нее отвернулась.

К тому времени, как мы вернулись домой, Рис немного успокоился, но мне все равно пришлось очень долго его укладывать. Пока он переодевался в пижаму, я мельком глянула на его ноги – ни синяков, ни царапин, ничего подобного. У него была очень светлая кожа, поэтому кое-где виднелись веснушки, но и только.

В 9:30 Рис наконец-то заснул. Я спустилась в гостиную и записала события дня в отчет, подробно описав детали

обвинений Трейси и указав, что сама я никаких синяков не обнаружила. Вероятно, соцработники тоже ничего такого не заметили, когда Трейси осматривала Риса.

Поскольку до возвращения Джейми я была почти беспомощна, я просто продолжала делать то же, что и раньше. Часть дня мы «играли в школу», затем гуляли в парке или ходили в магазин, иногда - в кино или на каток.

В последнее воскресенье февраля мы встретились с Мари и Сюзи. Тепло одетые дети с час поиграли на улице, а потом мы пошли обедать в кафе. Мари была очень милой и приятной собеседницей. Она моложе меня и занималась опекой всего пять лет. Своих детей у нее не было, но она решила взяться за эту работу, так как сама какое-то время жила в патронатной семье, когда ее отец погиб в автокатастрофе, а у матери началась депрессия. Как и я, она с нетерпением ждала возвращения Джейми Хогга. Хоть Сюзи и ходила в школу, у них накопилось много вопросов, которые было необходимо срочно решать. Например, насчет того, что Сюзи говорила про отчима. Мари не рассказывала мне подробностей, поскольку тоже знала, что это сугубо конфиденциальная информация и опекуны не могут ее обсуждать.

Тем не менее, мы немного обсудили встречу – я пожаловалась на то, как Трейси нападает на меня с претензиями и обвинениями. Сюзи встречалась с ней и с другими братьями и сестрами по понедельникам и четвергам. Мари было страшно ходить туда, и теперь ее сопровождает муж. Мари тоже отметила невероятное сходство братьев и сестер и тот факт, что у всех были проблемы с обучением, хотя у Сюзи и не было таких приступов гиперактивности, как у Риса.

Джейми Хогг должен был вернуться на следующий день, и мы обе с нетерпением ждали от него звонка. Мы попрощались, договорившись о следующей встрече через три недели. Дети помахали друг другу из машин, и мы разъехались в разные стороны.

- Было здорово, – сказал Рис.

Его улыбка до ушей показывала, что это действительно так.

- Отлично! Я очень рада. Мне тоже было интересно поболтать с Мари.

- Спасибо, что отвезла меня, – сказал он, что стало прекрасным дополнением этого славного дня.

Глава 9: Это начинает раздражать

Мы с Мари очень ждали в понедельник звонка от Джейми Хогга, но он так и не позвонил. По крайней мере, мне. И к вечеру вторника со мной тоже никто не связался, поэтому я позвонила Джилл. Она сказала, что позвонит в соцслужбу и узнает, вышел ли Джейми на работу. Через пятнадцать минут перезвонила и сообщила, что он сейчас разгребает накопившиеся дела и обещал, что перезвонит мне в ближайшее время. Джилл предложила мне написать ему по электронной почте и дала адрес. Во многих компаниях сотрудники быстрее отвечают на электронные письма, чем даже на звонки. Пока Рис сидел рядом на полу и пытался собрать паззл, я написала Джейми письмо.

Я представилась и сообщила, что мы с Рисом очень ждем встречи с ним в ближайшее время. Напомнила, что вопрос со школой Риса по-прежнему остается нерешенным. Очень мягко и дипломатично намекнула, что есть еще много вопросов, которые нам необходимо обсудить при встрече. Отправила. Позже проверила почту - ответа не было.

В среду утром, по-прежнему не получив отклика от Джейми, я переслала это письмо Джилл и попросила проверить, правильно ли я указала адрес. Она подтвердила, что адрес правильный, и сказала, что сейчас еще сама ему напишет и напомнит обо мне. В четверг я снова написала Джейми, прикрепив предыдущее письмо. Я написала, что я, как и Треиси, когда я видела её на последней встрече, очень переживаю насчет школы для Риса.

На самом деле, последняя встреча была просто ужасной, самой ужасной из всех. Охраннику пришлось вмешаться и разнимать Треиси и Скотта, который попытался отвлечь ее от меня, когда мы собирались уезжать. Мы были в шоке, Риса удалось уложить только к десяти.

Джейми ответил на мое письмо час спустя. Написал, что сейчас занят более приоритетными делами и свяжется со мной при первой же возможности. Я ответила, что считаю дело Риса как раз приоритетным, добавив, что мальчик не ходил в школу почти целую четверть и что у нас не было ни одной проверки. Проверка ухода за ребенком – это, по сути, встреча, на которой все заинтересованные лица обсуждают текущие проблемы и успехи в воспитании ребенка. Первая проверка проводится через месяц после того, как ребенок попадает в семью, затем они повторяются каждые три месяца в течение года, затем проходят раз в полгода.

Мое письмо было достаточно резким, но меня ужасно разозлило то, как Джейми пренебрегал делами Риса. Кто-то должен защищать интересы ребенка, и кто это будет делать, если не его опекун?

Через час раздался звонок. Это была Мари, начальник Джейми.

- Кэти, – сказала она, – завтра специально назначенный человек приедет за Рисом, отвезет его на встречу, а затем вернет обратно к тебе. Я в курсе, что ситуация на встречах не улучшилась, и принимаю соответствующие меры.

- Большое спасибо, – ответила я. – Я пыталась наладить отношения с Трейси, но это невозможно.

- Да, я знаю, я читала отчеты своих сотрудников. Не принимайте это на свой счет. Трейси очень зла и вымещает весь свой гнев на соцработниках и опекунах. Я назначаю ответственных за сопровождение на встречи для всех ее детей. Я не позволю ей оскорблять опекунов, тем более при детях.

Решение о назначении сопровождающих явно было очень нелегко принять, поскольку это требовало больших затрат. Все остальные дети жили далеко от места встречи. Мэри проделала отличную работу, не только разобравшись в ситуации, но и побеспокоившись о том, какой стресс испытывают опекуны от постоянной ругани и претензий.

- Риса заберут в пять тридцать, – сказала она. – Сотрудника зовут Сабрина.

- Спасибо, – повторила я и, немного помедлив, добавила: – Мэри, а Джейми на месте?

Я знала, что они все работают в одном офисе, и я предположила, что, возможно, Мэри даже может видеть его со своего рабочего стола.

- Да, он здесь.

- А можно мне его ненадолго?

- Он сейчас говорит по телефону. Я попрошу его перезвонить, когда он освободится.

- Спасибо! И еще раз спасибо за организацию сопровождения!

Я повесила трубку. Слово камень с души свалился. На самом деле, постоянные нападения Трейси волновали меня даже больше, чем я могла себе признаться. В последнее время я начала тихо ненавидеть вторники и пятницы. Осталось только дожждаться звонка от Джейми, и все пойдет как по маслу.

Джейми действительно перезвонил к вечеру четверга, но как по маслу все не пошло. Он не имел понятия, как там обстоят

дела со школой, и, похоже, вовсе не собирался поторапливать департамент образования. Но зато он сказал, что приедет и навестит нас с Рисом завтра.

- Отлично, – сказала я. – А вы можете дать мне номер отдела, я бы сама позвонила и узнала, как там идут дела?

- Да, но у меня сейчас его нет под рукой, я постараюсь найти и дам вам его завтра.

Я поблагодарила и, пытаясь как-то наладить контакт, спросила:

– Как прошел отпуск? Хорошо отдохнули?

- Я брал отпуск, чтобы закончить с разводом.

- Ой, извините...

Лучше бы не спрашивала.

Я объяснила Рису, что теперь его будет возить на встречи специальный сотрудник, и что завтра мы ждем в гости соцработника. Но у него эти новости не вызвали никакой реакции, поскольку он был занят изготовлением поделок из нового набора и сидел весь по уши в красках, клее и блестках. Рис постепенно привыкал к таким спокойным занятиям, требующим усидчивости. Я была очень довольна. В целом его поведение было достаточно приемлемым, если только он не волновался и не перевозбуждался. Тогда он мог начать кричать и носиться, как раньше. Но теперь в его действиях не чувствовалось никакой агрессии, и мне за него было намного спокойнее.

На самом деле, мы с ним добились такого прогресса, что я с нетерпением ждала, когда же он пойдёт в школу. Да, у него были трудности с обучением, но он абсолютно обучаем, а в школе его успехи могут быть еще более значительными. Всего за пару недель мы расширили его навыки в чтении с одного «и» до пятнадцати слов. Рис действительно знал их и мог прочитать без картинки. В письме тоже наблюдались улучшения. Когда мы ходили по магазинам, я просила его подсчитать стоимость наших покупок. Ему это ужасно нравилось, особенно если я давала ему деньги и разрешала рассчитаться на кассе.

За последнее время у нас не было ни одного инцидента с кусанием или боданием и ни одного инцидента сексуального характера, как тогда с Полой. Тем не менее, я все равно оставалась начеку, понимая, что Рис испытывает к девочкам скорее влечение, нежели братскую любовь. Он часто комментировал их внешний вид и пытался обниматься и целоваться с ними (иногда даже со мной), и это все не очень походило на невинную детскую привязанность.

Все это я собиралась обсудить с Джейми на следующий день. Я полагала, что он даст мне больше информации о Рисе, о его жизни в семье, а также принесет выписку об особых образовательных потребностях, чтобы я знала, в каком направлении двигаться дальше и как лучше заниматься с Рисом, пока он не пойдет в школу.

На следующее утро в нашу дверь постучал очень импозантный мужчина лет сорока, волосы его были аккуратно зачесаны назад и собраны в хвостик. Одет он был просто, но со вкусом. На круглом, открытом лице светилась мягкая улыбка.

- Здравствуйте, Кэти. Я Джейми. Приятно познакомиться.

Мы вошли в дом. Я пригласила его в гостиную и предложила кофе.

- Буду очень благодарен!

Ростом примерно метр восемьдесят, он был очень элегантен и говорил мягким, спокойным голосом, которым, как мне показалось, можно утихомирить кого угодно. Рис сидел на полу в гостиной, как раз перед приходом Джейми я учила его играть в настольную игру «Змеи и лестницы».

- Привет, Рис, – сказал Джейми. – Я Джейми, твой новый сотрудник.

Он тут же сел на пол рядом с Рисом и спросил, кто выигрывает.

- Кэти, – Рис скорчил жалобную рожицу.

Я улыбнулась.

- Джейми, я играю красными фишками, подменишь меня, пока я делаю кофе?

Он согласился с большим энтузиазмом, и я оставила их наедине, дав возможность познакомиться. С кухни я слышала, как Рис пытается объяснить Джейми правила игры, которые тот, без сомнения, и так знал. Рис в точности повторял фразы и выражения, которые я использовала в своих объяснениях. В его исполнении они казались странными и каким-то старомодными.

Когда я принесла в гостиную кофе и печенье, красная фишка Джейми была на самом верху игрового поля, а Рис скатился вниз на очередной «змее».

- Вот б...дь! – воскликнул он.

- Рис, – тихонько одернула я его.

Джейми поднял глаза и улыбнулся.

- Похоже, он много спокойнее, чем я ожидал.

- Да, на самом деле он большой молодец, рецидивы теперь у нас не часто. Он действительно милый мальчик.

Хвалить Риса можно было и в его присутствии, но нужно

обсудить и его прошлое, и текущие сложности, и мне бы не хотелось делать это при ребенке.

- Когда закончите игру, – обратилась я к Джейми, – я, наверное, включу Рису мультик у него в комнате, а мы пообщаемся?

Джейми кивнул. Рис тут же бросил игру, не веря в свою удачу, поскольку обычно я не позволяю ему смотреть телевизор днём. Разве что когда мне нужно сделать важный звонок.

- Хочу прям щас мультик! – потребовал Рис.

- Нет, сначала закончи игру.

- Я проигрываю, хочу мультик!

На секунду мне показалось, что у Риса сейчас начнется истерика и он поставит под сомнение все те хорошие вещи, которые я только что о нем рассказывала.

- Хорошо, – сказал Джейми, приходя мне на подмогу. – Можем и не доигрывать, но мне нужно с тобой поговорить прежде, чем ты убежишь.

Рис посмотрел на него с подозрением.

- О чем?

- Да ни о чем конкретном. Просто хочу получше тебя узнать.

Я передала Джейми его кофе и пододвинула тарелку с печеньем и спросила:

- Мне лучше выйти?

Это обычное дело – дать ребенку поговорить наедине с соцработником, поскольку у ребенка могут быть проблемы, которые ему неловко обсуждать при опекуне.

- Я не против, если Кэти останется, а ты? – спросил Джейми у Риса.

Рис яростно закивал головой. Я взяла свой кофе и, стараясь держаться подальше от печенья, села на диван, пока Джейми, сидя с Рисом на полу, спросил, чем тому нравится заниматься.

- Не знаю...

- Ну, я вижу, тебе нравится смотреть мультики, да? А ролики? Ты любишь кататься на роликах?

- Не знаю, – ответил Рис.

- А какие твои любимые мультики? – Джейми продолжал задавать вопросы мягким, успокаивающим голосом.

- Не знаю, – ответил Рис.

- А любимая еда? Что тебе нравится кушать?

- Не знаю, – ответил Рис. Но вдруг добавил:

– Бургеры! И то, что Кэти готовит.

Храни тебя господь, дитя, подумала я.

- Можно мне теперь мультик?

Джейми улыбнулся.

- Да, а можно я перед уходом зайду и проведаю тебя?

- Ага!

Рис подскочил, подбежал к шкафу с дисками и сразу выбрал «Короля льва».

Я оставила Джейми устраиваться поудобнее на диване, а сама пошла наверх с Рисом, усадила его в кресло-мешок и включила мультик.

- Если что, мы в гостиной, – сказала я, но он меня уже не слышал. Началась первая сцена мультика – на небе всходило большое оранжевое солнце, и все животные африканской саванны собирались вокруг скалы.

- Он мог бы смотреть телевизор целыми днями, – сказала я Джейми, вернувшись в комнату. – И, кстати, «не знаю» - это ответ Риса почти на любой вопрос, особенно если речь идет о его семье.

Джейми кивнул, отпил кофе и взял еще печенья.

- Я думаю, – начал он, – что ему велели ничего не рассказывать. Пожалуй, я в этом даже уверен.

Я посмотрела на Джейми в надежде, что сейчас он наконец-то расскажет мне побольше о семье и доме Риса, что очень помогло бы мне в его воспитании. Но он и не собирался. Просто с довольным видом сидел на диване, попивал кофе и закусывал печеньем. Впечатление о Джейми у меня сложилось такое: заботливый, дружелюбный, мягкий человек, который легко находит общий язык с детьми, но в то же время слишком расслабленный. Такой расслабленный, что еще чуть-чуть - и заснет прямо на моем диване.

Я взяла папку, которую заранее достала из стола, и положила себе на колени.

- Я не очень много знаю о прошлом Риса, – сказала я. – Вы не могли бы рассказать поподробнее о его семье и доме?

Джейми допил кофе и поставил пустую чашку на стол.

- Говоря по правде, Кэти, мне известно не намного больше. Меня определили к этой семье прямо перед отпуском. Документов по его делу целая гора, и они разбросаны по разным отделам. Я пытаюсь собрать все это и хоть как-то упорядочить. Я не так давно в этой профессии и еще не до конца разобрался со всеми порядками. Я знаю, что все остальные дети Трейси давным-давно в опеке, и я не совсем понимаю, почему Рис и Сюзи оставались у нее так долго. Поведение Риса в предыдущих семьях и в школе явно говорит о том, что у него довольно много психологических проблем. То, что сейчас Сюзи

рассказывает про отчима, вызывает еще больше опасений. Кроме того, известно, что в семье такие случаи происходили постоянно: мне рассказали, что отец Трейси пятнадцать лет назад подозревался в домогательстве по отношению к ее старшей дочери, Шэрон. Тогда-то она и попала в систему опеки. Но я все еще продолжаю собирать разрозненные кусочки информации в общую картину.

Я кивнула. Конечно, я рассчитывала на большее, но понимала и то, с какими трудностями сейчас сталкивается Джейми.

- У него ведь есть еще одна сестра, – сказала я, глядя в документы Риса. – Лиза, ей сейчас двенадцать. Трейси один раз упоминала о ней на встрече.

- Да, но подробностей я не знаю. Я планирую встретиться с ней, как и со всеми остальными детьми. Насколько я знаю, Трейси сама отдала еще совсем маленькую Лизу на воспитание сестре.

- А почему? – спросила я из чистого любопытства, поскольку не могла представить, как Трейси добровольно могла отдать ребенка.

- Понятия не имею, – ответил Джейми. – Судя по всему, у Лизы нет никаких проблем с учебой, хотя это бич всей семьи.

Я подумала о том, удалось ли Лизе избежать других семейных проблем, например, слишком крупных передних зубов, но спрашивать такие вещи было незачем.

- Все остальные братья и сестры очень похожи, да? – сказала я.

- По слухам – да. Я пока что видел только Брэда и Шона, с Сюзи и Шэрон увижусь только на следующей неделе, а с Лизой – через неделю. Поскольку дети живут так далеко, поездки занимают очень много времени, почти целый рабочий день уходит.

Я с сочувствием кивнула и подумала, что не хочу отнимать у него много времени, поэтому сразу продолжила.

- Я еще не водила Риса ни к окулисту, ни к стоматологу, – сказала я. – Потому что не знаю, водили ли его предыдущие опекуны.

- Не думаю. Он слишком мало времени провел с ними. Отведите его, пожалуйста, на осмотр, и сообщите потом нам о результатах.

- А что насчет документов?

- Я вышлю вам все необходимое.

- Хорошо. Мне отвести его к своему доктору? Пока что он

прикреплен к предыдущей поликлинике, и я не стала ничего менять, ждала вашего возвращения.

- Да, прикрепите его к своему семейному врачу. Трейси часто бывает в той поликлинике.

Я посмотрела на Джейми.

- А вы знали, что она так близко живет?

- Нет, пока не посмотрел документы. Видимо, и отдел по размещению ничего не заметил. Остается лишь надеяться, что все обойдется. Никто не скажет Трейси, где вы живете.

Я снова задумалась о том, насколько велики шансы, что мы однажды просто столкнемся на улице, хотя этого не случилось.

- А как со школой? Есть шансы, что Рис в ближайшее время пойдет в школу?

- Я наяду на департамент образования, как только вернусь, – сказал Джейми.

- Может, и мне стоит их потеревить?

- Конечно, это ваше право. Извините, я, правда, забыл принести вам их номер.

- Вы знаете, кто конкретно занимается этим вопросом?

- Нет, просто скажите, что вы по поводу Риса, и я думаю, что вас соединят с нужным человеком.

- А у вас случайно нет копии выписки о его особых образовательных потребностях? – спросила я с прежним оптимизмом, и тут сообразила, что Джейми еще ни разу не открывал портфель, с которым пришел.

- Я сам еще ее не видел, – сказал он. – Может, вы попросите департамент образования выслать вам копию, когда будете с ними разговаривать? У меня, конечно, где-то должна быть копия, но в этих бумагах сам черт ногу сломит.

Учитывая то, что Джейми работает не так давно и дело ему поручили тоже недавно, а также что бумаг, вероятно, было действительно много, я почти спокойно отнеслась к такому повороту разговора.

- Насколько я знаю, существует положение, согласно которому детей должны направить в школу в течение 28 дней после размещения в патронатной семье.

Он задумчиво кивнул, поглаживая хвостик на голове.

- Ну, вообще-то 24 дня.

- И, насколько знаю, Рис не был в школе почти всю четверть. Вы знаете, что он умеет только свое имя писать?

- Да, это ужасно, – посочувствовал Джейми.

Джейми был из того типа людей, которых хочется сначала обнять, а потом хорошенько поддать, чтобы хоть немного

расшевелить.

- Я позвоню в департамент образования, попробую что-нибудь узнать, – добавил он.

- Спасибо. Это ужасно несправедливо по отношению к Рису. Ему нужно не только образование, но и социализация, я и так делаю все, что в моих силах.

Он снова сочувственно покивал, а затем вздохнул.

- На следующей неделе иду в суд по этому делу.

- Опять? – спросила я удивленно. – Я думала, Мэри ходила на прошлой неделе, пока вас не было.

- Именно. Но, видимо, Трейси нравится ходить по судам. В этот раз она требует сделать встречи на полчаса дольше. Ничего, конечно, не получит – это не в интересах детей. Четыре часа в неделю слишком много. Но каждый раз социальная служба оплачивает все судебные расходы, а это 15 тысяч фунтов за одно заседание. Хотя мы могли бы потратить эти деньги на детей. Если сложить деньги, потраченные на суды за годы работы с Трейси, мы могли бы каждого ребенка нашего графства свозить в Диснейленд на две недели...

Я была полностью согласна с Джейми. Активность Трейси в суде пробивала огромную брешь в и без того скудном бюджете социальной службы, и этим деньгам можно было бы найти куда лучшее применение. Но, тем не менее, у нее было на это юридическое (а может кто-то сказал бы, что и моральное) право, и соцслужбе ничего не оставалось, кроме как защищать себя и своих сотрудников.

- Когда последнее слушание? – спросила я.

- Четырнадцатого сентября. Суд отвел на него 6 дней. Я соберу все данные и напишу заключение. Если хотите, можете его прочитать.

- Хорошо, спасибо. Может быть, я смогу там найти информацию о жизни Риса до опеки.

Джейми старался помочь, но явно был очень загружен работой, к тому же, подумала я, развод не слишком помогает ему сосредоточиться на работе. Но, несмотря на все это, он казался очень расслабленным и уверенным в себе. В целом, я испытывала к нему симпатию, хотя мне и хотелось бы от него больше усердия в работе по делу Риса.

Я рассказала Джейми о сексуальном поведении Риса. Он ответил, что не слишком удивлен, так как из материалов, которые ему уже удалось изучить, такое поведение было обычным в этом доме. Но основная часть подобных случаев описана в документах, до которых он еще не успел добраться.

Пока он лишь знал, что Скотт сидел в тюрьме за пьяную драку, где познакомился с педофилом, и этот человек впоследствии стал частым гостем в их доме и мог контактировать с Рисом и Сюзи.

- Как вы думаете, Рис мог дома подвергаться сексуальным домогательствам?

- Не знаю. Он был в таком окружении, где все возможно. А вы что думаете?

- Я тоже не знаю. Он намного больше знает о сексе, чем обычный ребенок в его возрасте, но это может быть просто влиянием телевизора. Ему у нас хорошо, но он все еще очень замкнут, ничего не рассказывает о доме, как вы могли убедиться. И не думаю, что он заговорит в ближайшее время.

Джейми кивнул.

- У его матери довольно крутой характер. Вчера мне опять пришлось просить охрану вывести ее из офиса. Потребовалось двое охранников, одного из них она крепко боднула. Вполне возможно, что Рис боится ее, если она запретила ему что-либо рассказывать.

- Да, – согласилась я. – Похоже, с отцом у него отношения намного лучше, несмотря на ни что.

- Правда? Это довольно интересно, особенно с учетом того, что про него говорит Сюзи...

Джейми задумался, но больше ничего не сказал.

Перед тем как уйти, он побывал в комнате Риса и немного поиграл с ним. Когда он спустился в прихожую, то снова пообещал, что постарается раздобыть больше информации и надавить на департамент образования, как только вернется в офис. Провожая его до двери, я вспомнила, что у нас так и не было ни одной проверки.

- Джейми, а что насчет проверки ухода? Не было ни одной.

- Да, похоже на то. Ну что ж, давайте считать сегодняшнюю встречу проверкой.

- Хорошо, – сказала я с сомнением.

Я никогда не слышала о том, что обычный визит на дом может заменить проверку. Обычно это довольно официальное мероприятие, на него назначается председатель и ведется протокол, но раз уж Джейми так решил, так тому и быть.

Когда Джейми ушел, а Рис еще досматривал «Короля льва», я записала мальчика к окулисту и стоматологу на следующую неделю, и наша жизнь вернулась в свой обычный ритм.

В таком режиме прошел весь март. По утрам мы занимались уроками и учили слова, Рис знал их уже 35. Ещё он научился

писать все буквы и считать до ста. Каждый день мы ходили гулять, а по вечерам Рис в течение часа смотрел мультики. Потом мы встретились с Мари и Сюзи в том же парке, что и в первый раз. Люси и Пола научили Риса играть в шашки и поддавки, один раз он даже выиграл у Люси. Я познакомилась с Сабриной, которая теперь возила Риса на встречи. Когда я спрашивала у Риса, как он провел время или как дела у его мамы и папы, он отвечал «не знаю».

Стоматолог по поводу зубов Риса сказал, что это наследственное, и когда Рис станет постарше, ему, возможно, потребуется проконсультироваться с ортодонтом. Окулист отметил, что зрение у мальчика в порядке.

В марте я много звонила и писала писем по электронке. В департамент образования – они уверяли меня, что работа идет, Джейми – он все еще был завален работой, и Джилл – я регулярно отчитывалась ей о наших делах. Патронатные опекуны каждый месяц ходят на специальные тренинги, посвященные разбору важных тем: гиперактивность, первая помощь, привязанность, агрессивное поведение и сексуальные домогательства. Но поскольку Рис не ходил в школу, я никак не могла выбираться на эти занятия. Джилл вошла в мое положение и уверяла меня, что это не отразится на оценке моей работы.

Приближалась Пасха, а школа нам по-прежнему не светила. Все больше расстраиваясь и переживая за Риса, я усиленно пыталась достучаться до департамента образования и Джейми.

- Прости, Кэти, – мягко и спокойно, как всегда, сказал Джейми. – Я делаю все, что в моих силах. Честно – я не понимаю, отчего такая задержка.

- Джейми, постарайтесь, пожалуйста, узнать? Это совсем не смешно. Ребенок не ходит в школу уже полгода. И я так и не получила выписку об образовательных потребностях. Все говорят, что она у вас.

- Да, я нашел выписку, – ответил Джейми. – Но еще не прочел. Мне послать ее факсом?

- У меня нет факса, – устало ответила я.

- Хорошо, не вопрос. Отправлю почтой.

Но не отправил...

Прошла еще неделя. Ситуация начала меня дико раздражать.

Как ни странно, но проблему со школой Риса решила Трейси. Она применила свой любимый метод и затащила службу опеки в очередной суд, потратив еще немного денег

налогоплательщиков. Судья постановил отправить Рису в школу в течение пяти дней. Но я об этом не знала, пока мне не позвонили в последний понедельник марта.

Звонок раздался в семь вечера. Это был не соцработник, не сотрудник департамента образования, а сам директор школы!

Глава 10: Вызов в школу

- Я от всего этого не в восторге, – начал директор. – Меня попросту заставили взять мальчика. Но у нас нет возможностей для его обучения. Ему нужна специальная школа.

Директора звали Том Фитцджеральд, это единственное, что он мне сообщил, прежде чем начать свою гневную речь.

- Я уже сообщил начальнику департамента образования, что моя школа не подходит. Честно говоря, я кучу времени потратил на подробный отчет, но его просто проигнорировали. Я так понимаю, что таково решение судьи, и у меня нет права голоса.

- Правда? – спросила я. Он застал меня врасплох, и моя первоначальная радость от того, что мне звонит сам директор, сменилась шоком. Мы так сильно ждали этого звонка, этого нового шанса для Риса, а директор говорит, что не хотел его принимать, что его заставили. Я никогда не сталкивалась ни с чем подобным, все директора школ, с которыми мне приходилось общаться ранее, были очень приветливы и старались принять опекаемого ребенка как можно лучше.

- А почему тогда Риса отправили именно к вам? – спросила я, пытаюсь собраться с мыслями.

- Потому что вы живете рядом и у нас есть свободные места.

Как будто я виновата в том, что живу здесь! Хотя эта школа и была рядом, все остальные опекаемые мною дети ходили в другую, на другом конце города, и я не знала ни номера школы, ни имени директора.

- Наша школа действительно не отвечает его потребностям, – повторил мужчина. – Почему он не в спецшколе?

- Я не знаю. Я думала, сейчас дети с трудностями в обучении учатся в обычных школах и им просто помогают ассистенты преподавателя.

- Да, так обычно и бывает, – заявил директор. – Но не в том случае, когда у ребенка еще и проблемы с поведением. Риса исключили из двух школ, и я не буду мешкать, если мне потребуются сделать то же самое.

Я была ужасно зла и расстроена, изо всех сил пыталась совладать с эмоциями и старалась держать язык за зубами. Директор говорил так, будто Рис обречен на исключение еще до начала учебы.

- Не так уж у него и плохо с поведением, – проблеяла я. – Дома он сейчас ведет себя достаточно спокойно.

- У вас есть выписка об его образовательных потребностях?

- Нет, – призналась я.

- Ясно. Я приготовлю для вас копию утром. Я бы хотел встретиться с вами до среды.

- Рис должен прийти в среду? – спросила я.

- Да. Меня заставляли принять его со вторника, но я объяснил начальнику департамента образования, что это невозможно, поскольку мне необходимо сначала встретиться с вами.

Я чувствовала себя ребенком, которого вызывают к директору на серьезный разговор.

- Хорошо, – согласилась я.

Без копии выписки об образовательных потребностях я действительно не могла доказать директору, что у Риса наблюдается прогресс и что его поведение улучшилось. Я была ужасно зла на Джейми за то, что он так и не выслал ее, и теперь я не могу защитить Риса. Без доказательств я была вынуждена смириться с тем, что говорит директор. Вероятно, он просто преувеличивал, раздраженный, что его заставили принять ребенка с особыми потребностями, который будет требовать больше времени и внимания. Однако его школа будет получать дополнительное финансирование за все специальные условия, созданные для Риса.

- В последнее время поведение Риса намного улучшилось, – повторила я. – Он действительно хочет учиться. Теперь, когда он находится в спокойной домашней обстановке, я уверена, что его поведение в школе тоже будет лучше.

- То же самое мне сказала и начальник департамента образования, – сказал он, не особо впечатлившись. – Но я буду судить по фактам. Я бы хотел с вами встретиться завтра в 10. Мне каким-то образом нужно подогнать образовательный план до утра среды. Мне бы также хотелось, чтобы в первый день вы присутствовали на занятиях, на случай проблем.

Было такое ощущение, что если вдруг действительно возникнут «проблемы», то мне придется забрать Риса домой в ту же секунду.

- Хорошо, – согласилась я. – Я постараюсь подготовить Риса.

- Отлично, увидимся завтра в 10. До свидания.

Я повесила трубку и осталась сидеть на стуле. Я была в шоке. Все мои надежды на то, что школа поможет Рису добиться настоящего прогресса и завести новых друзей, рассыпались. Из услышанного только что складывалось впечатление, что бедный

ребенок будет проводить большую часть времени в месте, где его никто не ждал, да еще и за любой проступок его тут же исключают и отправят домой с позором. Я начала думать, могу ли я что-нибудь сделать, чтобы быстро найти Рису другую школу, но тут же поняла, что нет. Система распределения детей по школам в последнее время очень изменилась, а ситуация Риса осложнялась еще и тем, что он был под опекой. Если бы он был моим ребенком, все было бы проще, я бы просто нашла школу, где есть свободные места, и подала туда заявку. Но сейчас я, как и директор Фитцджеральд, зависела от решения департамента образования, основанного на указании судьи.

Рис принял ванну, переоделся в пижаму, и Люси читала ему книжку перед сном. Рассказывая ему, что он скоро пойдёт в школу, нельзя подавать виду, насколько я расстроена. Надо как-то настроиться на позитивный разговор, хоть это и непросто. Кроме того, мне нужно было срочно найти кого-то, кто посидит с Рисом завтра утром, когда я пойду на встречу с директором. К счастью, у меня было много друзей, которые также были патронатными родителями, а значит, могли недолго за ним присмотреть. Люси все еще читала Рису в гостиной, и я решила быстренько позвонить подруге Николе. И едва удержалась от того, чтобы не выплеснуть на нее всю свою обиду и злость на мистера Фитцджеральда и его отношение к ситуации... Я объяснила ей, что директор новой школы хочет встретиться со мной завтра утром, и кто-то должен присмотреть за Рисом пару часов. Никола уже была немного знакома с Рисом, так как один раз мы вместе ходили за покупками.

- Конечно, – ответила она. – С радостью. Привози его, как сможешь.

- Спасибо. Я твоя должница.

- Да ну, что ты!

Мы часто выручали друг друга. Никола брала на опеку очень маленьких детей, и когда ей надо было к врачу или парикмахеру, я за ними часто присматривала. Мы всегда были рады помочь друг дружке.

- Спасибо, – сказала я еще раз. – Можно, я завезу Риса к 9:30? Я как раз успею добраться до школы к 10.

- Конечно, не вопрос. Передай Рису, что я буду очень рада его видеть и что у меня есть куча игрушек для него.

Я пошла в гостиную и дождалась, пока Люси дочитает сказку. Оба посмотрели на меня, так как знали, что Рису уже пора укладываться.

- Рис, – сказала я, присаживаясь рядом с ним на корточки. –

У меня для тебя хорошие новости.

- Правда? – его глаза загорелись от любопытства.

- Да, слушай внимательно.

Люси тоже прислушалась.

- Помнишь, как мы сильно ждали, что тебя распределят в школу?

Рис кивнул.

- Ну так вот, школа наконец-то нашлась. Мне только что позвонил директор и сказал, что мы можем начать со среды.

- Ура! – закричал он. – Новая школа!

- Да, именно так. Ты ведь у нас хороший мальчик, и будешь себя хорошо вести в школе, да?

Он яростно закивал.

- Сегодня у нас понедельник.

- Я знаю, – вставил он.

- А завтра у нас?

- Вторник!

- А послезавтра?

- Среда! – закричал он.

- Правильно, молодец, только кричать необязательно, – улыбнулась я. – Завтра утром я еду в твою школу и встречаюсь с директором. Я ему расскажу, какой ты хороший мальчик и как хорошо себя ведешь. Пока я буду на встрече, с тобой посидит Никола, моя подруга.

- Какая Никола?

- Она моя хорошая подруга, мы один раз ходили по магазинам, не помнишь?

Он покачал головой.

- Никола очень хорошо ладит с ребятами и сказала, что у нее для тебя куча игрушек, – могло показаться, что я добавляю слишком много деталей, но когда дети меняют так много семей, как Рис, они часто начинают нервничать в новой обстановке.

Рис скорчил недовольную рожицу.

- Я хочу в школу с тобой.

- Мы вместе пойдем в среду, но завтра мне нужно, чтобы ты побыл с Николой, всего пару часов. Ты можешь с ней поиграть, она делает тебе чай с печеньем, а там уже и я вернусь.

Чай с печеньем оказался достаточно убедительным, потому что Рис сказал:

- Ну ладно, попью чай с печеньем.

- Ну и отлично, милый.

- Мы поедем на машине?

- Да, я довезу тебя до Николы и поеду в школу.

Он снова кивнул, и я растрогалась. Он казался таким маленьким, беззащитным, мечтал поскорее пойти в новую школу. Я надеялась, что к концу беседы с директором смогу убедить его дать Рису шанс. Я расскажу мистеру Фитцджеральду, как сильно улучшилось поведение Риса и каких успехов мы добились за это время. Вероятно, убеждала я сама себя, он просто очень злится, что его мнение не учли, когда принимали такое решение. Я очень надеялась, что Рис покажет, на что он способен. Он все никак не мог остановиться и болтал про новую школу, даже когда я уже уложила его и пожелала спокойной ночи.

- А форму там носят? – спросил он.

- Да, кажется, синюю, завтра уточню.

- Хорошо, люблю синий. А игровая площадка там есть?

- Есть.

- Здорово, я люблю площадки. А как зовут учителя?

- Пока не знаю, но завтра спрошу.

- Наверное, мисс Смит, – сказал он. – Прощую тоже так звали.

Я улыбнулась.

- Может быть. Ладно, давай укладывайся. У нас с тобой завтра куча дел.

- Хорошо, Кэти. Я сплю, – сказал он, изо всех сил зажмуриваясь. – Мне нравится школа и мне нравится мой дом. Мне здесь хорошо, Кэти. Ты мне очень нравишься.

- Хорошо, милый. Мне очень приятно это слышать. Ты мне тоже очень-очень нравишься.

Я поцеловала его в лоб, вышла и закрыла за собой дверь.

В ту ночь я так толком и не поспала, потому что слова директора крутились в моей голове, я очень волновалась перед встречей. Я пыталась подобрать слова и выражения, которые смогли бы убедить его, что Рис не какая-то паршивая овца. Его трудности с обучением обуславливают необходимость присутствия ассистента учителя, но его поведение вполне можно контролировать, а иногда он и вовсе милашка. «Четкие и постоянные границы» – это некая норма, распространенная среди опекунов. Как только ребенок понимает, какое поведение приемлемо и даже поощряется, он адаптируется, и на выходе получается чистый ангелочек, ну, или почти ангелочек. Такие же меры должны приниматься и в школе, и, предполагая, что ассистент учителя свое дело знает, я думала, что Рис не может вызвать больше проблем, чем любой другой семилетний мальчик.

Рис был в хорошем настроении, когда мы на следующий день приехали к Николе, и сразу ей сообщил, что завтра пойдет в школу.

- Я знаю, – ответила она. – Вот повезло, да?

Я проводила Риса в ее гостиную, поцеловала его на прощание, поблагодарила Николу и поехала. В 9:50 припарковалась рядом со зданием школы и вышла из машины. Поправив юбку и пиджак, я подошла к воротам школы и нажала на звонок. Живот крутило при мысли о встрече с директором, но я была готова биться за Риса до последнего, если придется. Он заслуживал шанса на нормальное отношение.

- Здравствуйте, – раздался женский голос из громкоговорителя.

- Это Кэти Гласс. У меня встреча с директором в 10 по поводу Риса Уильямса.

- Да, толкните дверцу, открываем.

Услышав щелчок звонка, я открыла тяжелую железную калитку и зашла на территорию школы. Калитка клацнула за моей спиной, и я прошла через игровую площадку к главному входу. Я дернула ручку, но было заперто, поэтому я позвонила в звонок интеркома. Дверь тут же открылась. Маленький холл был пуст, но казался довольно уютным: на двух стенах были развешены детские рисунки и фотографии сотрудников с именами. На двери напротив висела разноцветная табличка - «Добро пожаловать» на разных языках. Эта дверь открылась, и из нее выглянул мужчина лет шестидесяти в сером, немного потертом костюме.

- Миссис Гласс?

- Да.

- Том Фитцджеральд, директор. Прошу прощения, мой секретарь на больничном.

Я кивнула, мы пожали друг другу руки. Несмотря на крайнюю неулыбчивость, он оказался вовсе не огромен, как я себе представляла. И вообще он был невысок. Сейчас он был явно взволнован, поэтому выглядел совсем не грозно, а, скорее, испуганно.

- Проходите в мой кабинет. Хотите кофе?

- Нет, спасибо.

Мы пошли по небольшому коридору, повернули направо и оказались в его кабинете. Там было очень уютно – на полу яркосиний ковер, стены выкрашены светло-голубой краской, посередине большой стол с компьютером, а перед ним четыре кресла.

- Присаживайтесь, – сказал он. – Я вас на пару минут оставлю, нужно решить одну проблему с другим учеником. У меня тут есть копия выписки об образовательных потребностях Риса, можете пока почитать.

- Хорошо, спасибо, – сказала я и села в кресло. Мистер Фитцджеральд взял со своего стола папку и предал ее мне.

- Я скоро вернусь, – сказал он.

Я кивнула и улыбнулась ему. Сняла пиджак и посмотрела на первую страницу выписки - на ней были указаны имя, дата рождения, вероисповедание и родной язык. Выписка, как и многие документы теперь, была распечатана на принтере. Под данными Риса была информация о его семье – имена родителей и их адреса. Все это было зачеркнуто ручкой, а рядом были подписаны мои данные. Я подумала о том, что нужно будет напомнить директору: мой адрес - строго конфиденциальная информация, которая ни в коем случае не подлежит разглашению. Это на случай, если Трейси узнает, в какой школе будет учиться Рис.

Все подобные выписки составляются по определенному стандарту: сначала информация о поведении ребенка. К своему ужасу, я обнаружила, что Риса характеризуют как импульсивного, агрессивного, грубого и жесткого ребенка, который может ударить других детей и даже взрослых и нанести им серьезные травмы. Также отмечалось, что он не способен играть или работать в группе со своими одноклассниками и категорически отказывается принимать участие в какой-либо совместной деятельности, проявляя при этом агрессию и невоспитанность. Он стучал по столам, кричал, визжал и делал многое другое, что пугало детей и сотрудников школы. Кроме того, выписка гласила, что он может выполнять задание только под постоянным контролем, а также часто срывается на крик ради привлечения внимания.

Я не могла поверить своим глазам. Все оказалось намного, намного хуже, чем я ожидала. Из всех выписок, что я когда-либо читала, эта была самой ужасной. Я сидела и тарасилась вокруг, пытаюсь соотнести то, что я только что прочла, с ребенком, которого я утром оставила у Николы поиграть с ее маленькими детьми. Единственное, с чем я могла согласиться, так это с проблемой громкого голоса. Ничего удивительного, что мистер Фитцджеральд отреагировал именно так. Имея под рукой одну только эту выписку, легко сделать вывод, что Рис действительно агрессивный, жестокий и совершенно неуправляемый ребенок. Если бы я была директором, мне бы тоже не захотелось видеть

такого ребенка в своей школе. Я отметила, что в выписке ничего не упоминается о кусании и боданиях, с которыми мне пришлось бороться в первые недели, поэтому решила, что он вел так себя только дома, и поблагодарила за это судьбу.

Я продолжила чтение. Вторая часть отводилась под учебные навыки. Она начиналась с упоминания, что у Риса в целом серьезное отставание в развитии. Далее шла уже известная мне информация, что он не может ни читать, ни писать. Но была и пометка, гласящая, что «у Риса очень плохая кратковременная память и он не проявляет желания улучшить свои навыки». «Не проявляет желания» означало, что он просто отказывается делать что-либо из того, что ему предлагают. Я же, наоборот, обнаружила, что у Риса большая тяга к учебе. В выписке не говорилось, что он способен учиться при условии должной поддержки. Я вернулась к первой странице, чтобы проверить дату: может, эта выписка просто устарела? Но нет, она была составлена всего 8 месяцев назад, вероятно, прямо перед тем, как его исключили из второй школы, и всего за пару месяцев до того, как его забрала служба опеки.

Я перешла к следующей части, посвященной языковым навыкам. Она начиналась так: «У Риса большие трудности с пониманием речи и выражением собственных мыслей», далее говорилось, что, если задать Рису вопрос, он отвечает одним-двумя словами, в целом его речь «невразумительна» и он «не способен понимать сложные концепты». «Он отказывается разговаривать о своих достижениях, взглядах и не может выполнять простейшие инструкции». Я опять не могла поверить, что это все - про моего Риса, а не про какого-то другого ребенка.

Я перешла к разделу общих навыков. Оказывается, у Риса очень короткая продолжительность концентрации внимания, он не может работать в группе или вместе со всем классом и легко отвлекается. В разделе социальных навыков я прочла, что Рис «не может выстроить общение с одноклассниками ни в одном ключе». На этом открылась дверь, и в кабинет зашел директор.

- Я глазам своим не верю, – начала я, едва он сел. – Я знаю настолько другого ребенка, что могла бы подумать, что это чья-то чужая выписка.

- Выписка верная, причем свежая.

- Я знаю, да.

Мистер Фитцджеральд сидел в кресле напротив меня и ждал моей дальнейшей реакции. Я успела прочитать все разделы, которые касались Риса лично, остальные части содержали информацию о том, какие меры принимались к нему в

предыдущих школах.

Я посмотрела в глаза директору.

- Все, что я могу сказать, это то, что Рис добился огромного прогресса за последние три месяца, пока жил у меня. Я могу предположить, что его поведение, отмеченное в выписке, могло быть вызвано нездоровой атмосферой дома. Его мать очень агрессивна, Рис мог просто копировать ее поведение, пока находился под ее влиянием.

- Да, так и начальник департамента образования говорил, но ведь перед тем, как попасть к вам, Рис побывал в нескольких патронатных семьях.

- Но с тех пор, как он у меня, мы не наблюдали ничего подобного в его поведении. Да, он был немного агрессивен, когда только приехал, – сказала я, опуская эпизоды кусания и боданий, – но быстро успокоился. Он хочет поступать правильно, он ищет одобрения, и это очень важно. У меня под опекой бывали дети, которым не требовалось одобрение взрослых, их поведение было очень сложно контролировать, но с Рисом совсем другая история. Он хочет поступать правильно, и очень хочет учиться.

Мистер Фитцджеральд внимательно на меня смотрел. Казалось, что он начинает верить мне, но еще не совсем убежден. Я подумала, что его вчерашний тон по телефону был лишь ответной реакцией на то, что он прочитал в этой выписке, изображающей совершенно ужасного ребенка, на которого невозможно влиять.

- Так вы не замечали за Рисом агрессии дома?

- Только в самом начале, но это очень быстро прошло. Да, у него есть особые потребности, но его поведение - уже не проблема, сейчас самое главное – учеба. У него есть способности. Когда он только приехал, он мог прочитать лишь одно слово, а сейчас уже целых сорок пять. Ему сложно писать – у него действительно плохо развита мелкая моторика, но постепенно она развивается. Он может спокойно сидеть достаточно длительное время, да, я, конечно, все время сижу с ним рядом, но ведь в школе для этого есть ассистенты учителя, верно?

Он кивнул.

- Да, у нас на полную ставку работает ассистент, в работу даже включено наблюдение за игрой на детской площадке.

- Правда? Это хорошо.

На самом деле, такая опека могла иметь и отрицательные стороны, обычно на полную ставку берут ассистента для детей,

которых ни на минуту нельзя оставить. Таким образом, за Рисом будут приглядывать и во время обеда и на игровой площадке.

- Ладно, – сказал он задумчиво. – Посмотрим. Я хочу познакомить вас с ассистентом учителя, и хочу, чтобы вы завтра были в школе, на всякий случай.

- Хорошо, я согласна.

- Подождите здесь, я найду миссис Моррисон, и вы, возможно, развеете часть ее переживаний. Я все еще не решил, в какой класс отправить Риса. У нас два первых класса, но в обоих совсем молодые учителя, первый год после университета. Они, конечно, полны энтузиазма, но у них совсем нет опыта работы с подобными детьми. Однако, судя по тому, что вы рассказываете, особых проблем не возникнет.

- Да, – нервно рассмеялась я. Прочитав выписку и понимая теперь волнение директора, я начала сомневаться. Поймав себя на этом, я осеклась и подумала: «Рис справится».

- Хорошо, – ответил мистер Фитцджеральд и впервые улыбнулся мне.

Пока он искал ассистента, я все думала о Рисе. Когда я вернусь домой, нам предстоит долгий разговор, в котором я постараюсь объяснить ему, что эта школа для него – шанс начать с чистого листа. Ему нужно забыть обо всех прошлых неудачах и просто вести себя, как дома. Но я тут же подумала, что напоминать ему о прошлом не такая уж хорошая идея и что я должна просто верить в Риса и в то, что он сможет хорошо вести себя в школе.

Директор вернулся с ассистентом учителя, кругленькой женщиной лет пятидесяти, и мы поговорили втроем. Я продолжала делать акцент на том, каких успехов уже добился Рис и какой он чудесный ребенок. Миссис Моррисон слушала очень внимательно, и мне показалось, что я немного успокоила ее. Минут через пятнадцать директор попросил миссис Моррисон помочь мне со школьной формой. Обычно этим занимается его секретарь, но она была на больничном. Я поблагодарила директора, и мы вышли.

Вернулись по коридору и оказались у встроенного шкафа, в котором лежали пакеты с формой. Я правильно угадала цвет – темно-синий. Миссис Моррисон помогла мне подобрать нужный размер, и мы немного поболтали.

- У вас с Рисом все будет в порядке, – уверяла ее я. – Он правда очень хороший мальчик. Просто у него раньше перед глазами были лишь плохие примеры. Но у вас ведь должно быть немало опыта в качестве ассистента учителя, правда?

Она нервно улыбнулась.

- На самом деле, я новичок в этом деле. До этой четверти я помогала детям с чтением в библиотеке. А прежде работала в школьной столовой.

- Ясно, – сказала я, – Ну, я думаю, вы с Рисом подружитесь.

Она была очень приятной женщиной, теплой и дружелюбной, легко шла на контакт. Но у меня были сомнения насчет того, насколько правильным было решение назначать ее на должность ассистента учителя для работы с Рисом, учитывая его проблемы в прежних школах. На месте директора, я бы сперва назначила профессионального ассистента, имеющего опыт работы с трудными детьми, а затем, когда Рис пообвыкнется, постепенно познакомить его с миссис Моррисон. Но таково было решение директора, причем оно было наиболее экономным. Ведь остаток от дотаций на Риса можно потратить на другие нужды школы... Я довольно цинична по отношению к таким делам.

Поблагодарив миссис Моррисон за помощь, я взяла форму Риса и поехала. Мы договорились встретиться в приемной завтра в 8:30. Директор предложил нам подъехать чуть-чуть пораньше, чтобы Рис успел осмотреться до звонка на урок в 8:50, когда запустят всех остальных детей. Мне эта идея понравилась.

Я подъехала к Николе к 12:20, меня не было почти три часа.

- Прости, – сказала я, как только она открыла дверь. – Ушло больше времени, чем я рассчитывала.

- Не вопрос, – улыбнулась она, – Рис всю дорогу развлекал Мэйси. Я тут дала ему перекусить, это ничего?

- О, спасибо большое, так мило с твоей стороны, – сказала я, проходя за Николой на кухню, где сидел Рис, жевал бутерброд и закусывал чипсами. Рядом с ним на детском стульчике сидела десятимесячная Мэйси и пыталась есть банан.

- Привет! – поздоровалась я.

Рис широко улыбнулся с набитым ртом.

- Я приглядываю за Мэйси! – сказал он с гордостью.

- Молодец, отличная работа!

Улыбнувшись, я подошла и поцеловала его в лоб.

- Он мне все утро помогал, правда, Рис? – сказала Никола.

Рис покивал, а затем, повернувшись к Мэйси, сказал:

- Давай, кушай как следует, и вырастешь большая, как я!

Мэйси засмеялась.

- На кофе есть минутка? – спросила Никола.

- С удовольствием, – ответила я.

Я приглядывала за Мэйси, пока Никола возилась с туркой.

- Все правда было хорошо? – тихонько спросила я, перегнувшись к ней через столик, когда мы сели пить кофе. Мы сидели в дальнем углу кухни, вне зоны слышимости Риса.

- Да, а что? – удивилась Никола. – Ты как будто чего-то другого ожидала.

- Да нет. Просто я видела выписку Риса, и она кошмарна. Похоже, в предыдущих школах он вел себя агрессивно. Если честно, то я просто в шоке от того, что там прочитала.

Никола пожала плечами.

- Он отлично себя вел со мной, – мы обе посмотрели в сторону детей. – Возможно, все проблемы с поведением были вызваны лишь домашней обстановкой.

- Да, я то же самое сказала директору. Надеюсь, Рис докажет, что я была права.

- Докажет. Посмотри, он в полном порядке.

Я кивнула.

- Похоже на то.

Мы побыли там еще с полчаса. Мы с Николой допивали кофе, Рис и Мэйси доедали. Затем Никола сняла Мэйси с ее стульчика, и они с Рисом поиграли мягкими игрушками. Поблагодарив Николу еще раз, мы попрощались и ушли.

- Можно, я потом еще поиграю с Мэйси? – спросил Рис в машине.

- Наверное. Но завтра сможешь поиграть с детишками своего возраста, в школе.

- Урааа! – закричал он с заднего сиденья.

- Еще я забрала твою форму, угадай, какого она цвета?

- Синяя! – закричал он.

- Правильно, Рис, только старайся не кричать. Завтра ведь идем в школу, а там кричать нельзя.

- Почему? Я раньше кричал.

- Я знаю, но ведь это принесло тебе кучу проблем. В новой школе надо стараться говорить потише и делать так, как говорят взрослые.

- Хорошо, Кэти.

- Умничка. Я уверена, что ты справишься.

Глава 11: Неуверенный старт

Я сфотографировала Риса утром перед школой. Он стоял в гостиной, гордо улыбался и позировал в новой форме, с сумкой на плече. Поскольку мы собирались подъехать пораньше, девочки выходили позже. Они стояли позади меня, пока я щелкала фотоаппаратом, говорили, как Рису идет форма, и желали ему удачи. Для всех нас это было важным событием, и Рис знал, что весь день мы будем за него переживать.

Я тоже надела строгий костюм, так как ожидала, что встречу с учителем и другими сотрудниками школы. Рис все не замолкал, рассказывая, как он с нетерпением ждет физкультуры, обеда, новых друзей и даже немножко учебы. Мы попрощались с девочками и сели в машину. Люси и Пола помахали нам на прощание, и мы поехали, объезжая утренние пробки. Рис начал рассказывать мне о том, что он ожидает на обед: говяжьи бургеры и спагетти из банок. Я, конечно, сократила количество таких продуктов в рационе Риса, но не исключала их полностью. В основном он ел здоровую пищу, но раз в неделю получал свои любимые полуфабрикаты.

Я запарковалась недалеко от школы и, взяв Риса за руку, повела его к главному входу. Ворота не были закрыты, поскольку скоро начнут подъезжать дети и собираться до звонка на игровой площадке. Рис очень крепко держал меня за руку и был необыкновенно молчалив. Я чувствовала, как он нервничает, да и сама переживала не меньше. Для нас обоих это был очень важный день.

Миссис Моррисон, как и обещала, ждала нас в приемной директора.

- Привет, – улыбнулась она сначала Рису, затем мне. – Очень рада тебя видеть, Рис!

- Здравствуйте, – сказала я, – Рис, это миссис Моррисон, она будет за тобой присматривать.

Рис застенчиво улыбнулся, но ничего не сказал. Я еще раз про себя отметила, какого прогресса мы достигли – три месяца назад он бы давно вырвал у меня руку и стал бы носиться вкруг и орать.

Миссис Моррисон наклонилась вперед, так, чтобы посмотреть Рису в глаза.

- Сначала я покажу тебе школу, – сказала она. – Потом мы пойдем в твой класс. Твою учительницу зовут мисс Брум. Она у нас в школе новенькая, как и ты.

Рис кивнул. Я подумала, что хоть у миссис Моррисон и нет

опыта работы, она справляется просто отлично и явно хорошо ладит с детьми от природы. Рис с радостью взял и ее за руку, и мы все втроем вошли в дверь с надписями «добро пожаловать».

- Сначала отведем твою маму в комнату для сотрудников, – сказала миссис Моррисон. – А потом я покажу тебе школу.

Рис посмотрел на меня вопросительно, и я знала, почему.

- Рис зовет меня Кэти, – сказала я миссис Моррисон, – так всем проще.

Она кивнула. На самом деле, многие совершают подобную ошибку и называют опекунов «мамой» или «папой». Дети зовут нас по именам, поскольку матери у них уже есть или были. Исключением может стать ситуация, когда ребенок находится под опекой с раннего возраста и длительное время, тогда он может называть опекунов так, как ему комфортно.

Мы поднялись по лестнице и подошли к двери с надписью «служебное помещение». Мисс Моррисон открыла дверь и отошла, впуская меня.

- Угощайтесь чаем или кофе, – сказала она. – Скоро начнут подходить сотрудники. Бетти, наш секретарь, хотела подписать у вас какие-то формы и насчет обеденных денег поговорить. Она вчера, когда вы приходили, больничный брала.

- Спасибо, – сказала я. Перед тем, как они ушли, я крепко обняла Риса и поцеловала его в лоб.

– Хорошего тебе дня, дорогой, увидимся в 3:20!

Директор попросил меня не подходить к Рису на занятиях или переменах, а просто присутствовать в здании на случай, если возникнут какие-то проблемы.

Рис тоже меня обнял и очень серьезно спросил:

- А что делать с курткой и формой для физры?

- О, мы сейчас все сделаем, – сказала миссис Моррисон, – я покажу тебе твой шкафчик.

Я опять его обняла, затем они повернулись и пошли назад к лестнице. Я осталась одна. Я не хотела пить, поскольку мы только что позавтракали, поэтому просто села в кресло и осмотрелась. На полу лежал ковролин песочного цвета, стены были выкрашены бежевой краской – эта комната для персонала была точь-в-точь как в других школах, в которых я бывала. Вокруг двух длинных кофейных столиков стоял десяток разноместных стульев. Тут стояло много столов, на двух были компьютеры, какие-то были завалены книгами и бумагами. В углу комнаты висела раковина, рядом стояла тумбочка с чайником, кофейником и коробкой чая. Над тумбочкой висела сушилка с чашками. Комната была светлая и просторная, на

окнах были шторы с узорами. Вероятно, учителя приходили сюда на переменах и в обед, здесь же проводились планерки и собрания. Только сейчас до меня дошло, что стоило, наверное, взять книгу, поскольку мне придется пробыть здесь все утро. Я огляделась в поисках какой-нибудь книги, но вокруг были только методические пособия, учебники и сборники упражнений.

Открылась дверь, вошла девушка в черных брюках и серой блузке.

- Миссис Гласс? Я Аннет Брум, учитель Риса. Приятно познакомиться!

- Мне тоже, – ответила я.

Высокая, с блестящими черными волосами, на вид ей было около 25 лет. Она показалась мне очень приятной и серьезной

- Я только что мельком видела Риса, – сказала она, усаживаясь в кресло напротив меня, – позже встретимся в классе. Миссис Моррисон показывает ему школу. Он повесил куртку в свой шкафчик. Вроде пока все в порядке. Я прочитала выписку об его особых образовательных потребностях. С нами пока не связалась его соцработник, но директор рассказал мне, что за время проживания у вас поведение Риса изменилось, и выписка уже не отражает реальную ситуацию.

- Да, это так, – подтвердила я. – Сейчас главная проблема - не поведение, а обучение. Я пыталась заниматься с ним дома, но он все равно сильно отстает.

- Да, я понимаю. Наверное, после того, как он немного освоится, попробую дать ему тест, чтобы узнать уровень. У меня в классе есть мальчик, Трой, тоже со сложностями в обучении. У него все в порядке с поведением, но, я думаю, в плане академических успехов они на одном уровне. Я посажу их рядом, чтобы им было комфортнее.

- Это очень мило с вашей стороны, – сказала я. – У Риса пока не очень много друзей.

Она улыбнулась.

- Трой это тоже пойдет на пользу. Их задания будут немного отличаться от той работы, что делают остальные, но все будет в рамках учебной программы.

Меня действительно впечатлило, что, несмотря на то, что информация о Рисе поступила в школу совсем недавно, мисс Брум успела тщательно продумать, как все устроить так, чтобы Рис мог комфортно вернуться в учебный процесс.

- Скажите, пожалуйста, что я могу делать дома, чтобы помочь ему? – спросила я. – Уверена, что сейчас дело пойдет. Он очень хочет учиться и с большим нетерпением ждал школы.

Она кивнула.

- Да, директор говорил мне. Я начну заниматься с ним по базовой методике чтения. Слышали про оксфордскую методику? – я кивнула. – Мы начнем с первого уровня, чтобы Рис мог почувствовать себя уверенно, а затем пойдем в удобном ему темпе.

- Потрясающе, – сказала я. – Спасибо огромное за все!

- Не за что, – улыбнулась она. – Мне пора идти, я сегодня дежурю на игровой площадке, но я еще подойду к вам позже. Угощайтесь чаем или кофе.

- Хорошо, спасибо.

Только Аннет Брум вышла, как в комнату зашла другая женщина.

- Здравствуйте, я Бетти Смит, школьный секретарь и местный мальчик на побегушках, – сказала она, улыбаясь. – У меня для вас документы.

Она села в кресло, где только что сидела мисс Брум, и стала перебирать бумаги на коленях. Первый документ – регистрационная форма, в которую нужно было внести данные Риса и поставить подпись родителя, а также подписать разрешения на уроки физкультуры и школьные поездки.

- Я передам эти формы соцработнику Риса. Как опекун, я не могу подписывать такой документ, у меня нет родительских прав.

Так было практически со всеми важными документами – все они требовали подписи родителей, в качестве которых может выступить социальная служба, но на деле – курирующий сотрудник.

- Можно взять их с собой?

- Да, конечно, – сказала она.

Я положила регистрационную форму на колени, а Бетти передала мне еще несколько документов.

- Это расписание на четверть, – сказала она, – и школьные правила.

- Спасибо, – сказала я и посмотрела на первый листок, – Так, значит, со следующей среды будут пасхальные каникулы?

- Да, Пасха в этом году ранняя, так что четверть получается короткой.

- Для Риса так даже лучше, будет время прийти в себя и отдохнуть перед длинной летней четвертью.

Она кивнула и передала мне очередной документ.

- Рис будет обедать в столовой?

- Да, давайте оформим.

- Заполните, пожалуйста, вот это заявление. Один обед

стоит два фунта, то есть до конца четверти это составит 14 фунтов.

Документы такого плана я могла заполнять сама, поэтому взяла предложенную Бетти ручку и подписала заявление, из которого следовало, что я соглашаюсь оплачивать школьные обеды вперед. Я отдала его секретарю, затем взяла сумочку и дала ей 14 фунтов.

- Спасибо, – сказала она и дала мне еще один бланк. – А это на обеды на следующую четверть. Можно платить еженедельно, за половину четверти или сразу за четверть, смотрите, как вам удобнее.

Я посмотрела на доступные варианты. Летняя четверть длинная, поэтому выходило дорого.

- Я заплачу за половину четверти, – сказала я. – Можно прямо сейчас выписать чек?

- Да, пожалуйста.

Я достала чековую книжку, выписала чек на 70 фунтов и передала его мисс Смит.

- Спасибо. Вот, возьмите еще буклет о нашей школе, сомневаюсь, что директор про него вчера вспомнил.

- Да, так и есть. Большое спасибо.

- Пожалуйста, – она встала и добавила. – Надеюсь, Рис сможет у нас прижиться.

Я улыбнулась.

- Обязательно.

Похоже, молва о Рисе шла впереди нас. Даже школьный секретарь, только вышедшая с больничного, знала о возможных трудностях.

Когда Бетти ушла, постепенно стали подходить учителя, все здоровались со мной и представлялись, перед тем как уйти с чашкой кофе. В 8:50 прозвенел звонок, и я снова осталась одна. Теперь мне хоть было что почитать – я открыла буклет, который дала мне Бетти, чтобы побольше узнать о школе.

Я успела прочесть его от корки до корки, когда в 9:45 опять открылась дверь, и вошел директор, мистер Фитцджеральд.

- Пока все идет неплохо, – сказал он, не заходя в комнату. – Рис сейчас в классе с миссис Моррисон. Если до обеда не возникнет никаких проблем, то вы можете быть свободны.

- Хорошо, – сказала я.

Хоть я и убеждала себя, что отношение мистера Фитцджеральда во многом определено той выпиской, мне все равно казалось, что он как-то чересчур холоден.

- Налейте себе кофе, – сказал он, прежде чем уйти.

На этот раз я так и поступила. Вернувшись в кресло, я начала заполнять регистрационную форму для Риса, пропуская места, где Джейми Хогг должен поставить свои подписи.

Я подумала, что если меня отпустят к 12, то я могла бы позвонить Джейми и сразу привезти ему документы. Кроме того, я хотела обсудить с ним возможность поехать куда-нибудь с Рисом на пасхальные каникулы. Я еще ничего не бронировала, но было бы здорово, если бы я, Рис и девочки могли съездить отдохнуть на побережье. Мой сын, Эдриан, уже сообщил, что не приедет на каникулы домой, так как отправляется с одноклассниками в Испанию. Он впервые не приедет домой на праздники, но я отдавала себе отчет, что ему уже 20 лет и он начинает жить своей собственной жизнью, хоть и очень скучала по нему.

В 10:45 прозвенел еще один звонок, и комната снова наполнилась учителями, они болтали и готовили себе кофе. Аннет Брум улучила момент, чтобы рассказать мне, как дела у Риса: они немного позанимались счетом и естествознанием, ему выдали такое же задание, как и Трою. Миссис Моррисон села между ними и помогала обоим.

- Все в порядке? – спросила я.

- Да, только постоянно приходится напоминать ему говорить потише. Он явно давно не был в школе и очень взволнован. Потом у нас будет физкультура, у него есть с собой форма?

- Да, утром была.

- Наверное, миссис Моррисон положила ее в шкафчик. Хорошо, увидимся ближе к обеду.

Аннет Брум улыбнулась и ушла.

Десять минут спустя прозвенел звонок, и комната снова опустела. На часах было 11. Я пролистала бумаги, которые мне еще вчера дала миссис Моррисон, и, посмотрев в расписание, поняла, что утренние занятия заканчиваются в 12. Я достала мобильник, в котором заранее отключила звук, и проверила сообщения. Там было смс от Николы: «Удачи! Он справится!» - очень мило с ее стороны. Я ответила: «Спасибо, да, он справляется!»

Я откинулась на спинку кресла. Комната была такая теплая, что я чуть не задремала. Рис очень волновался по поводу первого дня в школе, и я – не меньше. Но теперь он был здесь, все шло гладко, и я могла немного расслабиться. Я почувствовала, как глаза закрываются, но вовремя поймала себя на этом и села ровно. Нельзя, чтобы кто-нибудь застал меня тут спящей. Я сделала себе еще кофе, нашла туалет, а затем просто

бродила туда-сюда по комнате, периодически выглядывая в окно на игровую площадку.

Класс был на уроке физкультуры, дети бегали и кидали друг другу маленькие мячики. Я увидела Аннет Брум, а потом, приглядевшись, заметила и Риса с миссис Моррисон. Они стояли в стороне от класса и кидали друг другу большой пластмассовый мячик. Рис чаще ронял, чем ловил, и даже издалека было видно, что с координацией у него большие трудности. Причина, по которой он играл отдельно, была очевидна. Он бы ни за что не справился с таким маленьким мячиком, да еще и на бегу. Меня поразило то, как Рис выглядит в сравнении со своими одноклассниками. Контраст между ними подчеркивал, как много Рису еще предстоит нагнать в развитии. Мне стало очень грустно, ведь я бы очень хотела видеть, как он вольется в класс без всяких проблем. Я пообещала себе, что приложу все усилия, чтобы он смог полностью реализовать свой потенциал.

В полдень прозвенел звонок, и комната снова наполнилась людьми. Снова зашел мистер Фитцджеральд и сразу сел ко мне.

- Я полагаю, вы хотите уехать?

- Да, если Рис в порядке.

Он помешкал.

- Да, но после физкультуры он очень перевозбудился. Однако, как говорит Аннет Брум, уже успокоился.

Я не думала, что небольшое перевозбуждение это такой уж криминал и надеялась, что директор не будет рассматривать проявления радости Риса как угрозу.

- Хорошо, ежайте, – сказал он. – Если что, у нас есть ваш мобильный.

Очевидно, мистер Фитцджеральд все еще ждал проблем, что вполне понятно, зная историю отношений Риса со школами.

- Он сейчас обедает? – спросила я.

- Да, он с миссис Моррисон.

- Хорошо. Тогда я вернусь в 3:20. Мне подождать на площадке?

Он немного подумал.

- Нет, подходите в приемную, миссис Моррисон приведет его туда. Заодно и расскажет, как он себя вел. Аннет тоже хотела вас увидеть, но у нее сейчас дел под завязку.

- Спасибо.

Я попрощалась, спустилась по лестнице и вышла по коридору в приемную. Игровая площадка была пуста, вероятно, все дети сейчас обедали в столовой. Мне бы не помешала

небольшая экскурсия по школе, чтобы я лучше понимала, о чем говорит Рис, когда будет рассказывать, как прошел его день в школе.

Я приехала домой в 12:30, перекусила бутербродом и позвонила соцработнику. Его не было на месте, поэтому я оставила через его коллегу записку с просьбой перезвонить. Он не перезвонил, поэтому в 2:30 я позвонила сама.

Джейми снял трубку.

- Привет, Джейми, это Кэти, опекун Риса.

- Привет, Кэти, – сказал он своим мягким, гипнотизирующим голосом.

- Я оставляла сообщение, вы получили его?

- Да. У вас все в порядке?

- Рис в школу пошел.

- Хорошо, как ему?

- Нормально. Вы читали его выписку об образовательных потребностях?

- Нет, еще не было возможности. Я был занят другим делом, - завел

Джейми свою шарманку. Я опять задумалась, что же это за «дело» такое, которое никак не дает ему заняться делами Риса.

- Выписка просто ужасная, – сказала я, – но я убедила всех, что Рис ведет себя намного лучше. Они очень переживали, и мне пришлось провести там все утро, пока они не удостоверились, что он ведет себя спокойно.

- Хорошо, – вальяжно протянул он.

- Мне нужно с вами обсудить пару вопросов. Во-первых, у меня тут школьные документы, которые вы должны подписать. Во-вторых, я думаю свозить Риса куда-нибудь на пасхальные каникулы, может быть, в Брайтон, можно?

- По мне, так можно, но нужно обсудить с его мамой. Он пропустит встречи?

- Ну да, – это же очевидно, подумала я. – Во вторник и пятницу нас не будет. Сомневаюсь, что смогу привезти его из Брайтона ради встречи, это же почти 800 километров в обе стороны.

- Да, прилично.

- Так я подъеду завтра утром с документами? – спросила я.

- Ага.

- Спасибо, Джейми.

Мною снова овладело жгучее желание отвесить ему пенделя.

Когда я приехала за Рисом, миссис Моррисон и мисс Брум

ждали меня с ним в приемной. Все трое улыбались, и я решила, что все прошло хорошо. Почти.

- Можно вас на минутку? – спросила Мисс Брум.

Я жутко занервничала, что естественно после слов учителя «можно вас». Как правило, это значит, что произошло что-то нехорошее. Миссис Моррисон и Рис стояли в сторонке и обсуждали детские рисунки на стенах приемной. Мисс Брум повернулась к ним спиной и начала тихонько говорить.

- Он хорошо себя вел, – сказала она, – кроме одного небольшого инцидента, о котором, я думаю, вы должны знать. На уроке музыки он опять немного перевозбудился, и миссис Моррисон вывела его из класса, решив ему немного почитать, чтобы успокоить. И тут, когда они сели, Рис внезапно схватил ее за грудь.

Она остановилась и посмотрела на меня, смущаясь и от того, что ей приходится говорить такое о Рисе в первый же день, и, вероятно, самого характера этого инцидента. Я ее прекрасно понимала.

- Мне очень жаль, – сказала я. – Миссис Моррисон в порядке?

Мисс Брум кивнула.

- Да, просто это было очень неожиданно. Она строго сказала ему, что такое поведение неприемлемо и что нельзя трогать женщин за эти места. Затем они вернулись в класс, поскольку миссис Моррисон было некомфортно оставаться с ним наедине.

- Хорошо, очень правильно.

Я сделала паузу, подбирая нужные слова, чтобы мисс Брум могла принять необходимые меры и предотвратить подобные ситуации в будущем, но при этом не сказать лишнего. В идеальном мире соцработники должны информировать школу о ситуации в семье ребенка.

- У нас был похожий инцидент с моей дочерью-подростком, – начала я, – когда Рис только переехал. Но я с ним поговорила, и такого больше не повторялось, хотя иногда Рис и пытается обнять нас в слишком интимной манере. Насколько мне известно, Рис неоднократно наблюдал неподобающее сексуальное поведение у себя дома. Я все еще жду от соцработника более подробной информации. Мне кажется, Рис пытается определить границы в новом для него окружении, и миссис Моррисон была абсолютно права, немедленно дав ему понять, что такое поведение неприемлемо. Я поговорю с ним, как только мы приедем домой. Могу ли я также попросить

миссис Моррисон не оставаться с ним наедине и постараться выдерживать небольшое расстояние, пока Рис не привыкнет к школе?

Аннет кивнула.

- Значит, не использовать тихую комнату. Мы туда обычно отводим детей, если им нужно успокоиться.

- Да, так будет лучше, пока Рис не поймет, что то, чему его учат дома, распространяется и на школу.

Она кивнула.

- Я очень четко все ему разъясню, – добавила я. – Он должен знать, что так себя вести нельзя.

- Спасибо, – сказала она. – Помимо этого все было хорошо.

- Отлично. Сейчас я не буду ничего говорить Рису, чтобы не смущать миссис Моррисон. Но, пожалуйста, объясните ей ситуацию и передайте мои искренние извинения.

- Хорошо.

Я вернулась к Рису и поблагодарила миссис Моррисон за все. Рис попрощался с ней и с мисс Брум.

- Увидимся завтра, – сказала миссис Моррисон. – В обычное время, 8:50, но приведите его опять в приемную, хорошо? Мистер Фитцджеральд считает, что лучше пока делать так.

- Хорошо, спасибо еще раз.

Я привыкла к ситуациям, когда ребенка с особыми потребностями нужно заводить прямо в школу, а не оставлять на площадке. Опекун и ассистент учителя могут обменяться важной информацией, а ребенок попадает в школу тихо и спокойно. Дети с особыми потребностями могут быть очень уязвимыми, и оставлять их одних на больших игровых площадках опасно.

Когда мы приехали домой, я сразу усадила Риса в гостиной, и мы повторили правила, касающихся наших тел и, в особенности, интимных мест. Я рассказала ему, что знаю, как он себя сегодня повел с миссис Моррисон. Он должен понимать, что вести себя нужно одинаково и дома, и в школе. Он сказал, что ничего такого не помнит, и я не стала настаивать, но закончила свою речь так:

- Рис, запомни, нельзя трогать чужие интимные места – ни дома, ни в школе, ни где бы то ни было. Нельзя трогать ни детей, ни взрослых.

Он кивнул, и мы провели вечер спокойно, Рис все вспоминал, как много всего интересного было в этот день в школе.

Он быстро уснул, уставший, да и мне показалось, что едва я

закрывает глаза, как наступило утро, и мы с Рисом уже сидели в машине, готовые ехать в школу.

На парковке было множество детей, играющих перед началом уроков. Мы вошли в приемную, где нас уже ждала миссис Моррисон.

- Доброе утро, Рис! – сказала она дружелюбно.

- Доброе, – улыбнулся Рис.

Я чувствовала, что должна что-то сказать миссис Моррисон, хоть и попросила вчера Аннет Брум все ей рассказать, просто чтобы дать понять, что я восприняла этот инцидент серьезно и приняла меры.

- Мы поговорили, – сказала я выразительно. – Такого больше не повторится, я уверена.

Она улыбнулась и кивнула.

- Спасибо, Аннет мне вчера все рассказала.

- Хорошо. И спасибо большое, я очень благодарна за все, что вы делаете для Риса.

Попрощавшись с ней и Рисом, я вернулась в машину и поехала в соцслужбу, чтобы подписать школьные документы, лежавшие у меня в сумочке.

В опеке я представилась, показала документы и сказала, что Джейми Хогг меня ждет. Мне велели идти наверх. Я поднялась по лестнице на второй этаж и зашла в офис. Джейми сидел за своим столом спиной ко мне. Подходя к нему со спины, я еле удержалась, чтобы не подергать его за хвостик.

- О, привет, – сказал он удивленно, увидев меня. – Что вы здесь делаете?

- Регистрационная форма Риса для школы, – напомнила я.

- Ах, да. Садитесь, – он подтянул стул своего коллеги, которого пока не было.

Офис постепенно наполнялся сотрудниками.

Я достала документы из сумочки, разложила их и быстро объяснила, какой для чего. Он подписал их и проставил даты, вычеркивая из каждой надписи «подпись родителей» слово «родителей» и дописывая сверху «соцработника». Это заняло лишь пару минут, я сложила документы и убрала их обратно в сумку.

- Вы уже поговорили с Трейси? – спросила я и, увидев в его глазах вопрос, уточнила. – Насчет поездки на каникулы?

- Ах, да, – вспомнил он. – Есть хорошие новости и плохие. Мать не против, что вы его куда-нибудь свозите, но категорически против пропуска встреч.

- Это все осложняет, – сказала я. – Вы не могли бы ее

переубедить? Это, в первую очередь, в интересах ее сына. Рис и не знает, что такое каникулы, кроме тех моментов, когда вдруг исчезает его папа, после того как ему выносят приговор в мировом суде.

Джейми улыбнулся.

- К сожалению, нет. Трейси очень зла, и я не хочу разозлить ее еще больше. Может быть, вам уехать не на неделю, а на пару дней между встречами? Не хочу проблем для Риса.

- Как и я. И, видимо, это действительно единственный выход. Значит, нам придется выехать рано утром в среду и вернуться до 6 часов в пятницу.

Я сомневалась, что оно того стоило, но очень хотелось устроить Рису каникулы. Я бы, конечно, могла подождать и летних каникул, но, боюсь, ситуация с Трейси не изменится. - Так значит, разрешение у меня есть и я могу уже что-то бронировать? – уточнила я.

- Да, – Джейми откинулся на спинку стула, – Скиньте мне потом мейлом детали, я включу информацию в дело.

- Хорошо, я еще отправлю копию своих ответов. Вчера в школе произошел инцидент, связанный с сексуализированным поведением. Ничего катастрофического, но я хочу, чтобы вы были в курсе.

- Ясно, но у меня скоро встреча, придется обсудить это в другой раз.

- Да, конечно, – я поднялась со стула.

- А, кстати, – добавил он, раскачиваясь на стуле. – В пятницу утром будет слушание по исключению Риса из реестра неблагополучных детей, вы сможете прийти?

Я посмотрела на него.

- То есть завтра?

- Да, Риса снимут с учета и поставят пометку о том, что он находится под опекой.

Я кивнула.

Я знала, что такое слушание должно состояться: когда ребенка забирают из семьи, он более не считается неблагополучным, и его исключают из реестра. Однако я не знала, когда оно состоится, вообще-то мне могли бы сообщить и пораньше. Я задумалась о том, как давно Джейми узнал точную дату и когда бы он мне ее назвал, если б я не зашла сегодня сама.

- Во сколько? – спросила я.

Он подъехал на стуле к столу и потянулся к компьютеру. Я отвернулась от экрана, поскольку у него на компьютере может

быть полно конфиденциальной информации по другим делам, а мне нельзя ее видеть.

- 10 утра, – сказал он.

Слава богу! Если бы слушание было вечером, мне пришлось бы срочно искать кого-то, кто забрал бы Риса из школы.

- Слушание пройдет здесь, в конференц-зале, – добавил он.

- Хорошо, увидимся завтра.

- Ага, и спасибо за документы.

- Не за что.

Не было никакого смысла злиться на Джейми – похоже, такой вот он был человек.

Остаток свободного времени я провела с пользой. Прибралась дома, испекла на ужин пирог и даже прочитала главу романа, который начала еще до приезда Риса, в январе. Я выехала за ним пораньше, чтобы успеть точно к 3:20. Когда я подъехала, на игровой площадке уже начали собираться родители, ожидая звонка и потока детей. Я поднялась по ступенькам и вошла в приемную, там и дождалась звонка. Через пару минут появился Рис с широкой улыбкой на лице, миссис Моррисон – и директор, мистер Фитцджеральд.

- Привет, Кэти! – завопил Рис и кинулся в мои объятия.

- Как прошел день? – спросила я, обнимая его.

- Хорошо, – он поднял на меня взгляд и улыбнулся.

Ко мне подошел мистер Фитцджеральд.

- Мисс Гласс, можно вас на минутку? – спросил он.

Сердце сжалось. Мы отошли в сторонку, а Рис и миссис Моррисон опять начали разглядывать детские рисунки.

- Вы в курсе вчерашнего инцидента с миссис Моррисон? – начал директор тихо и монотонно.

- Да, – кивнула я. – И уже поговорила с Рисом.

Он внимательно посмотрел на меня.

- Сегодня произошел еще один инцидент. Во время обеда, в столовой. Рис сидел за столом с другими детьми, миссис Моррисон была рядом. Он засунул руку под стол и вступил в контакт с сидящей рядом девочкой.

- Что значит «вступил в контакт»? – спросила я.

Мне было не до эвфемизмов, так как я должна была знать все детали, чтобы поговорить с Рисом, внести это в отчет и сообщить соработнику.

- Он засунул ей руку под платье.

- И что? Схватил за коленку?

- Нет, хуже. Он заснул руку ей глубоко под юбку и спросил

«можно потрогать писю?». Девочка была в шоке, можете себе представить. Мы, в общем-то, тоже.

- Ясно, – сказала я.

Я была шокирована и раздавлена. Неужели Рис вообще не слушал ничего, что я говорила ему вчера? И почему он думал, что в школе можно так поступить, если точно знал, что дома нельзя?

- Я поговорю с ним, – сказала я. – Очень строго. Я, конечно, говорила с ним и вчера, но, видимо, этого было недостаточно. Мне так жаль. Девочка в порядке?

- Сейчас да. Мне, конечно, придется поговорить с ее матерью. Аннет Брум сейчас на площадке, пытается ее найти. Мисс Гласс, пожалуйста, постарайтесь донести до Риса, что такое поведение абсолютно неприемлемо. Мы не потерпим такого в нашей школе.

- Да, конечно. Я думала, что вчера выразилась ясно, но, очевидно, он что-то пропустил.

- И мне нужно поговорить с его соцработником, нужно его проинформировать. Плюс я хочу получить больше информации о Рисе. Нам предстоит быть очень осторожными во время переодевания перед физкультурой. Наша школа – это безопасное место, и она должна оставаться таковой для всех детей.

Я была полностью с ним согласна.

- Извините. Я поговорю с Рисом. Он извинился перед девочкой?

- Нет, она не хочет его видеть, что понятно.

Я кивнула.

- Когда встретитесь с ее матерью, пожалуйста, передайте мои извинения.

- Хорошо. И если не удастся связаться с соцработником раньше, то увижу его завтра на слушании.

- Вы тоже идете?

- Да, меня пригласили. Хотя мне особо нечего сказать, Рис только начал у нас учиться. Мне нужно поговорить с матерью той девочки. Пожалуйста, поговорите с Рисом.

- Да, я очень строго с ним поговорю.

Я молчала всю дорогу до дома. Когда он начал болтать о том, как прошел день, абсолютно не догадываясь, что что-то не так, я остановила его.

- Рис, – сказала я, глядя на него в зеркало заднего вида, – я сейчас очень недовольна. Я послушаю, как ты провел день, чуть позже, но сначала мне нужно обсудить то, что случилось

сегодня. Ты понимаешь, о чем я?

- Нет, – ответил он, – День прошел очень хорошо. Я очень много сделал в классе...

И он продолжил рассказывать обо всем, что было в школе, кроме того самого инцидента.

Когда мы приехали, я усадила его в гостиной и напрямую рассказала ему, что он сделал, и почему это было совершенно неправильно и плохо. Он снова говорил, что ничего такого не помнит, затем согласился со всем, что я говорила об интимных местах. Я показывала ему части тела, которые нельзя трогать у других людей, он кивал и всё повторял «да, Кэти».

Я посмотрела на него. Даже теперь я не была уверена, что он всё достаточно хорошо усвоил. Семь лет жизни в доме, где, видимо, было нормой хватать и трогать интимные места других людей, просто так не перечеркнешь. Но я все еще не понимала, почему Рис перестал так себя вести дома, но делает это в школе. Возможно, это мое влияние, и тогда школе придется потратить кучу времени на то, чтобы внушить Рису правила поведения и такое же уважение ко всем людям, какое он сейчас испытывал ко мне, Люси и Поле. Он все еще иногда пытался поцеловать кого-нибудь в губы, а не в щечку, и иногда очень странно, слишком интимно прижимался, обнимая меня, так что мне иногда приходилось немного отстраняться. Но никаких неприемлемых касаний после первого же случая не было, и он никогда больше не говорил о сексе в той вульгарной манере, как тогда.

- Хорошо, Рис, – сказала я. – Просто запомни то, что я говорю. Наверное, тебе лучше вообще никого в школе никак не трогать. У тебя ведь нет необходимости кого-то трогать, и так ты точно не попадешь в беду.

Он кивнул, и я разрешила ему посмотреть телевизор, а сама, пока грелся пирог, поискала в интернете, куда можно поехать на Пасху.

Мы поужинали, и остаток вечера прошел хорошо. Утром я отвезу Риса к 8:50, а сама поеду напрямиком на слушание. Если оно будет похоже на те, где я бывала раньше, то Риса не только снимут с учета, но и озвучат немного информации о семье и причинах передачи под опеку.

Глава 12: Более полная семейная картина

Массивный дубовый стол конференц-зала выглядел очень официально: на нем разложили повестки слушания и для каждого участника поставили по стакану воды. Всего было приготовлено девять мест – примерно столько я и ожидала. Сев в одно из кресел, я улыбнулась двум женщинам напротив меня. Я их не знала, но они явно были знакомы, так как тихонько общались между собой, пока собирались люди. Я сняла пальто и повесила на спинку своего кресла. Затем почитала повестку по исключению из реестра неблагополучных детей. Это была довольно высокая стопка бумаги, соединённая скрепкой.

На первой странице стояла дата, была указана причина организации слушания и список присутствующих. На следующей – протокол предыдущего слушания, который я быстро просмотрела. Дальше шли отчеты – от полиции, соцработника и предыдущего лечащего врача Риса. Не было отчета из школы, чему я не удивилась, ведь он там всего пару дней, и моего. Я бы написала, но никто не выслал мне образец.

Я начала читать отчет полиции. Затем приехала Джилл. Я послала ей вчера письмо с информацией о том, где и когда пройдет слушание, но она сомневалась, что сможет приехать. Я была очень рада ее видеть.

- Как дела? – спросила она, усаживаясь рядом.

- Хорошо, – улыбнулась я. – Спасибо, что пришла.

- Да, вот решила тебя морально поддержать. Надеюсь, узнаем что-нибудь полезное.

Она начала читать повестку. Дверь открылась, и вошла еще одна незнакомая мне женщина. Села слева от меня, мы поздоровались, и она тоже стала изучать документы. Еще через несколько минут появился мистер Фитцджеральд и сел напротив меня. Джейми пришел последним. Он вошел и оглядел стол, а я удивилась, что выглядит он как-то необычно взвинченно и взъерошенно.

- Доброе утро, – сказал он, запыхавшись, и сел рядом с директором.

- Доброе утро, – раздалось со всех сторон, а мистер Фитцджеральд поймал момент, чтобы представиться и пожать Джейми руку.

Я не успела дочитать повестку, когда одна из женщин открыла слушание.

- Меня зовут Ким Стейси, – сказала она. – Я председатель этого слушания по Рису Уильямсу. Наша цель – рассмотреть

вопросы его здоровья, развития и безопасности и принять решение об исключении его из реестра неблагополучных детей. Мы получили письменные уведомления о том, что на слушание не могут явиться семейный врач, медсестра из службы опеки, социальный работник по вопросам образования, начальник соцотдела и главный юрист. Присутствие этих людей необязательно, достаточно тех, кто пришел. Многие из них перестали работать с Рисом после его передачи под опеку. Но формально мы должны пригласить всех, кто присутствовал на предыдущем слушании.

Председатель упомянула, что родители Риса не допущены к слушанию из-за агрессивного и опасного поведения по отношению к остальным участникам. Это было немного необычно, но, на мой взгляд, вполне ожидаемо.

Джейми, все еще красный и взъерошенный, обратился к председателю.

- Разрешите мне добавить? Я только что говорил с матерью Риса, Трейси. Сейчас она здесь, у здания, хотя адвокат предупреждал ее, что приходить нельзя. Она очень злится, там дежурят двое охранников, чтобы не дать ей войти. Я пытался с ней поговорить, но это невозможно. Я думаю, к концу слушания ее уже не будет, но рекомендую всем, кого она знает лично, принять дополнительные меры безопасности при выходе из здания. Она может выждать и напасть, такие случаи уже были. Охрана останется здесь до конца слушания, но они имеют право применять силу только в здании, но не на парковке.

Присутствующие обменялись выразительными взглядами.

- Я так понимаю, меня она не знает? – сухо спросил мистер Фитцджеральд.

- Нет, – сказал Джейми и, оглядев присутствующих, добавил: – Она знает Кэти, Кирсти и медсестру из больницы графства.

- Не бойся, я тебя провожу, – прошептала мне Джилл.

- Спасибо.

Я отметила, что секретарь слушаний записала все сказанное Джейми.

- Спасибо, Джейми, – поблагодарила председатель. – Ладно, мы немного забежали вперед, давайте сначала познакомимся. Я – Ким Стейси, председатель и организатор слушаний. Рядом со мной - наш секретарь, Ханна Джайлз.

Ханна оторвалась от компьютера и улыбнулась. Дальше мы все по кругу представились. Джейми, Джилл, Том Фитцджеральд и еще трое, кого я не знала – Кирсти, сотрудница отдела внешних

связей полиции, и две медсестры, из больницы графства и из школы.

Когда все представились, председатель обратилась ко мне.

- Кэти, вы не могли бы нам рассказать о том, как дела у Риса? Он у вас с января, до этого сменил несколько семей.

- Да, все верно.

Я выпрямилась и огляделась. За двадцать с лишним лет работы в опеке я была на сотнях слушаний, но всякий раз нервничала. Мне нужно было успокоиться и говорить помедленнее, поскольку иногда я от волнения начинаю чересчур тараторить.

- Рис хорошо устроился, – сказала я. – Его поведение намного улучшилось. Ему все еще нужно напоминать иногда, что приемлемо, а что нет, но он очень старается поступать хорошо и следует всем моим указаниям. Он хорошо ест и спит, участвует во всех семейных делах. Ему нравится ходить в кино, на каток и в парк. Когда Рис только приехал, он совсем не мог сам о себе позаботиться. Сейчас он сам умывается и чистит зубы, сам одевается. Конечно, у него есть особые потребности, но он хочет учиться, и понемногу у него это получается. Сейчас мы учимся завязывать шнурки. Когда мы на улице, приходится всегда держать его за руку, поскольку он совсем не чувствует опасности со стороны дороги. Он очень сильно отстает от программы и только-только пошел в школу.

Я посмотрела на мистера Фитцджеральда, он покивал, и я продолжила.

- У нас было несколько случаев сексуализированного поведения, я сообщила о них соцсотруднику. Рис очень милый мальчик, но у него бывают проблемы с гиперактивностью, поэтому я слежу за тем, чтобы он делал физические упражнения каждый день, и контролирую его питание.

Председатель кивнула и улыбнулась.

- Рис отчасти понимает, почему он под опекой, и в будущем я, конечно, буду с ним больше говорить об этом. Однако Рис воспринимает это как нечто нормальное, поскольку все его братья и сестры тоже в патронатных семьях. Каждые три недели мы встречаемся с его младшей сестрой Сюзи, хотя Рис ничего не рассказывает о ней в другое время.

- Рис когда-нибудь вспоминает родителей? – спросила председатель.

- Нет, никогда. Каждый раз, когда я спрашиваю его о доме, типа «у вас был дома сад?», он отвечает «не знаю».

Джейми кивнул.

- Да, я тоже это слышал. Когда я был у Кэти и пытался с ним поговорить, все его ответы были «не знаю». Мне кажется, мать запретила ему что-либо рассказывать.

- Да, – согласилась председатель, – похоже на то. Я видела ее, и она действительно может серьезно напугать даже взрослого. Не понимаю, почему она так держится за своих детей, у нее нет ни единого шанса получить их обратно.

Хороший вопрос, подумала я, как, наверное, и все присутствующие, но это была лишь точка зрения, не имеющая отношения к слушаниям.

- Как вы думаете, Рис боится матери? – спросила меня председатель.

Я задумалась.

- Сложно сказать. Но когда я возила Риса на встречи, я заметила, что у него отношения с отцом намного лучше, чем с матерью.

- А сейчас вы видите родителей?

- Нет, Риса отвозит и привозит специальный сотрудник.

- Мы решили, что это небезопасно для Кэти, – вставил Джейми. – Трейси не хотела прощаться с Рисом в здании и постоянно накидывалась на Кэти с угрозами на парковке.

- Ясно, – сказала председатель.

Я заметила, что на меня с большим беспокойством смотрит мистер Фитцджеральд, и у него были на то причины.

- Спасибо, Кэти, – продолжила председатель. – И спасибо за заботу о Рисе.

Я улыбнулась и выдохнула. Конечно, я еще буду что-то время от времени добавлять, но основное уже сказала. Теперь все внимание переключилось на Джейми, поскольку председатель обратилась к нему.

- Джеймс, расскажите, пожалуйста, про Риса и его семью.

Джейми к этому времени успокоился после встречи с Трейси и вернулся в свое обычное «плюшевое» состояние.

- Риса отправили под опеку на основании временного приказа. Меня назначили на это дело в начале года. До конца февраля я был в очередном отпуске, поэтому все еще собираю документы по делу. Я также работаю и по делам всех его братьев и сестер. У этой семьи богатая история, они состоят у нас на учете более пятнадцати лет. Сейчас я собираю документы, которые разбросаны по пяти разным конторам. Семья много переезжала, в том числе и за пределами графства. Это частично объясняет, почему до сих пор нет целостной картины, иначе Рис и Сюзи попали бы под опеку

гораздо раньше. В семье постоянно регистрировались случаи насилия. Скотт, отец Риса, имеет несколько судимостей за пьяные драки, и в дом был вхож как минимум один педофил, никто не знает, с какими целями он туда приходил. Трейси агрессивна и жестока, она много раз нападала на соцработников, учителей, опекунов, полицейских и даже на детей. Несколько раз ее арестовывали, но ни разу не судили.

- Почему? – изумленно спросила председатель.

- Не знаю, может, сотрудник полиции нам пояснит. Я думаю, Трейси так громко кричит и бравирует своими правами, что в полиции просто хотят поскорее избавиться от неё. Как и все мы, собственно. Я нашел уже сотню зарегистрированных случаев вызова полиции.

Кирсти, сотрудница отдела внешних связей полиции, кивнула.

- Да, я думаю, ее просто хотели поскорее выдворить из участка, – сказала она. – У нас в работе постоянно есть хотя бы одно дело, в котором Трейси обвиняет полицейского в нападении. За годы накопились сотни таких заявлений. Мы знаем, что всё это ложь, но все равно приходится тратить время и средства на формальные разбирательства. Приходилось даже отстранять сотрудников на время расследования. Эта женщина свои права знает, как и принципы работы системы. Она настоящий профессионал по части угроз и обвинений. Мы думаем, ей просто нравится внимание. Старшие дети ведут себя так же, в частности, Шэрон.

Председатель грустно кивнула. Над столом повисла пауза – все задумались над тем, что сказала Кирсти. Как же печально, подумала я, что дети идут по стопам Трейси, даже будучи помещенными под опеку и получив шанс начать все заново. Председатель попросила Джейми продолжить.

- Я нашел отчет психолога десятилетней давности. В нем говорится, что Трейси плохо различает реальность и вымысел, а ее IQ как у восьмилетнего ребенка. И у нее, и у детей – Шэрон, Брэда, Шона, Риса и Сюзи – у всех трудности с обучением. Единственная, у кого их нет, – Лиза, которая живет с тетей.

- У Лизы другой отец? – спросила председатель, вероятно, думая, что дело в генетике.

- У всех детей разные отцы.

- И кто они? Это известно?

- Нет, у всех детей, кроме Риса, стоит прочерк в графе «отец».

- Почему так?

- Вероятно, Скотт настоял на том, чтобы его вписали в свидетельство о рождении. Я не знаю, куда пропали другие отцы. Может, они и не знают о детях. У Трейси не было серьезных отношений ни с одним из них, она даже их имен не помнит.

- Ясно, – сказала председатель. – Пожалуйста, продолжайте.

- Я не бывал в доме Трейси, но прочел множество отчетов коллег. Дома постоянно грязь и беспорядок. За Сюзи и Рисом никто не присматривал, иногда их забывали кормить. В холодильнике всегда было пусто. Дома нет ковров и почти нет мебели, кроме огромного телевизора, за просмотром которого Рис проводил большую часть времени. Сюзи чаще всего сосала палец и прыгала на своем матрасе. Рис спал на каких-то тряпках. Зимой почти не работает отопление. Детей изъяли после того, как Трейси напала на Сюзи, а в дом продолжал приходить педофил, хотя опека и выносила предупреждения.

- Я полагаю, Трейси не знает, в какую школу ходит Рис? – вставил Том Фитцджеральд.

- Нет, – сказал Джейми, – Хотя может и узнать.

- Как это? – грозно спросил директор.

- Рис может рассказать ей при встрече, или еще кто сболтнет, – сказал Джейми. – У нее много знакомых в этом районе.

- Насколько это правильно - поселить Риса так близко от матери? – спросил мистер Фитцджеральд, явно очень обеспокоенный.

- Не очень, – ответил Джейми. – Но у нас уже закончились варианты. Нам нужен был опекун с достаточным опытом, и во всем графстве из таких специалистов была свободна только Кэти.

- А что произойдет, если его мать придет в школу? – продолжил мистер Фитцджеральд.

- Попробуйте поговорить с ней из-за забора, – сказал Джейми. – Только не пускайте в школу. Ей запрещено видеть Риса кроме как на встречах. Если не уйдет по своей воле, вызывайте полицию.

Кирсти подняла глаза к потолку, словно моля о пощаде.

Тома Фитцджеральда явно потрясло все услышанное, и я ему сочувствовал. Большинство случаев были не такими пугающими, и часто матери сотрудничали со школами и помогали опекунам на школьных собраниях и мероприятиях.

- Пожалуйста, постарайтесь сделать так, чтобы Рис не

рассказал про школу, – попросил он.

- Я постараюсь.

Это будет не так-то просто. Что, если он меня спросит? Мне что-то выдумать, или сказать, что я сама не знаю? Кроме того, Трейси хорошо знает район, а здесь всего три школы. Ей не составит труда вычислить, где учится Рис, достаточно просто подойти к воротам каждой к 3:20.

- Я предупрежу своих сотрудников, – сказал директор и, словно читая мои мысли, добавил: Миссис Гласс, может, вы будете забирать Риса пораньше? Скажем, в 3?

- Хорошо. Как вам будет удобнее.

Однако это станет очередным отличием Риса, выделяющим его среди других учеников. Он отдельно занимается физкультурой, и я забираю его не с площадки, как всех остальных, а из приемной директора.

- Давайте начнем сегодня, – сказал он мне, а затем обратился к судье: – Скажите, я могу выступить следующим? Мне нужно на работу.

Ким кивнула.

- Мне особо нечего сказать, Рис у нас только третий день. Но хочу отметить - то, как меня заставили его принять, абсолютно неприемлемо.

Все, кроме меня и Джейми, вопросительно на него посмотрели.

- Судья распорядился, чтобы Риса отправили в школу немедленно, – уточнил он. – Мою школу выбрали только потому, что она рядом с домом его опекуна и у нас было свободное место. И меня заставили его принять.

Все молчали. Это не входило в повестку слушания, но Ханна протоколировала все, что он говорил.

- Тем не менее, – продолжал мистер Фитцджеральд, – хоть я и считаю, что он должен ходить в специальную школу, мы делаем все, что в наших силах. Его опекун убедила нас, что поведение мальчика стало лучше. Рис сейчас на уровне дошкольника, работает с базовыми пособиями, и с ним постоянно находится ассистент учителя, в том числе и на переменах и на обеде.

Далее мистер Фитцджеральд зачитал результаты тестов, которые Рис проходил еще в прошлой школе, но подчеркнул, что больше всего их волновала проблема поведения, особенно с учётом того, что в школе уже было два инцидента сексуального характера.

Председатель остановила его, чтобы разобраться, что это

за инциденты, и мистер Фитцджеральд все подробно рассказал. Председатель посмотрела на нас с Джейми. Джейми пояснил, что Рис наблюдал нездоровое сексуальное поведение дома, как минимум, было точно установлено, что он видел фильмы для взрослых, но полной картины происходившего ни у кого не было.

- Как вы думаете, Рис подвергался домогательствам? – спросила председатель.

- Трудно сказать, – ответил Джейми. – В данный момент в отношении Скотта ведется расследование, основанное на показаниях Сюзи. Оснований полагать, что он также приставал к Рису, нет, хотя это и не исключено.

- То есть отец-то точно ни при чем? – спросил директор с отвращением.

- Точно не могу сказать, – ответил Джейми.

Мистер Фитцджеральд был в ужасе, а я, как и Джейми, знала, что в некоторых семьях бывает, что родной отец развращает своих собственных детей.

- А еще в доме бывал педофил, – добавил Джейми.

- Как вы думаете, Рис подвергался насилию? – спросила председатель меня.

Я знала не больше, чем Джейми.

- Вполне возможно. Иногда Рис может как-то слишком уж прижаться, но откровенно сексуального поведения дома не было с самого его приезда. Я думаю, пройдет немало времени, пока он что-то расскажет. Трейси, похоже, крепко его запугала.

Председатель кивнула.

- Спасибо, Кэти.

Мистер Фитцджеральд закончил свою речь, сообщив, что Рис еще слишком недавно в школе и пока нет возможности комментировать его успехи, но сотрудники школы прилагают все усилия, чтобы ему было комфортно учиться.

Председатель поблагодарила его, и он ушел. Затем обе медсестры дали краткие комментарии. Медсестра из больницы графства подтвердила, что все прививки сделаны вовремя, рост и вес в норме. Она знала семью около года и забила тревогу насчет Риса и Сюзи еще тогда. Она была очень рада, что дети теперь под присмотром. Школьная медсестра еще не видела Риса и собиралась вызвать его на осмотр после Пасхи. Она проверит его слух и зрение, как и у всех его одноклассников.

Осталось выслушать только Кирсти, которая уже немного рассказывала о работе полиции с этим делом. Кирсти попросила всех заглянуть в повестку, где приводилась таблица с датами и зарегистрированными случаями вызова полиции.

Этот отчет показывал, насколько часто полиция имела дело с этой семьей. Только за последние три месяца со дня предыдущего слушания было зарегистрировано 24 инцидента. Помимо самой Трейси, в отчете часто фигурировала Шэрон, ее старшая дочь. Полиция несколько раз задерживала ее на улице пьяной или под действием наркотиков, а также за нападения на прохожих. Каждый раз ее ненадолго оставляли в участке, а затем возвращали в интернат. Дважды во время задержания она была офицеров полиции, а затем обвиняла их же в нападении, грозясь вызвать адвоката своей матери. Однажды Шэрон нашли ночью на закрытой детской площадке, где она билась в истерике и пыталась вскрыть вены. Полиция отвезла ее в больницу, но ее почти сразу выписали, перебинтовав руки. Шэрон предлагали пойти к психотерапевту, но она отказалась. Всем старшим детям предлагали такую возможность, но никто из них ею не воспользовался.

Отдельным списком шли нападения Трейси – на доктора, на соцработника, на прохожего, на продавца, на бывшего учителя Риса, на соседей, на Скотта и Сюзи. Каждый раз сотрудникам полиции приходилось силой оттащить Трейси, что заканчивалась тем, что она обвиняла их в нападении. За три месяца Трейси шесть раз оказывалась в тюрьме. Ей делали устное предупреждение и отпускали. Дважды Трейси находили на улице вместе с Шэрон – обе были пьяны. Один из этих инцидентов был в начале февраля, как раз когда Рис попал ко мне. Когда полиция спросила их, куда они направляются, они сказали, что идут «навестить нового опекуна Риса». Кирсти сказала, что не знает, действительно ли им известен мой адрес.

Ким вздохнула и посмотрела на меня.

- Если кто-то из этой семьи явится к вам, следует немедленно вызывать полицию.

- Хорошо. Так и сделаю.

- И будьте поосторожнее на улицах, – добавила Кирсти. – Трейси и Шэрон постоянно где-то там болтаются, и днем, и ночью.

- Хорошо, – сказала я, задумавшись, куда же теперь ходить без риска столкнуться с ними.

- А разве у Шэрон нет комендантского часа в интернате?

- Есть, – ответила Кирсти. – Но она его никогда не соблюдает, и сотрудники интерната не могут ничего с ней поделать – они ведь не имеют права запирают ее.

Следующие два инцидента описывали вызов полиции в интернат, Шэрон с кем-то дралась. Конечно, слушание не

касалось Шэрон, но информация была очень важной, так как давала более широкую «семейную» картину.

В последних пяти случаях полицию вызывали после того, как охрана выгоняла Трейси из соцопеки, но она отказывалась уходить с парковки. Она просто стояла там и кидалась на каждого встречного сотрудника. Кирсти дочитала свой отчет до конца. В комнате воцарилась тишина.

- Какой ужас, – прошептала мне Джилл.

- Ага, – ответила я. – Хорошо хоть директор этого не слышит.

- Точно.

- Это кошмар, – сказала председатель и добавила, глядя на Джейми. – Какова дальнейшая судьба Риса?

- Надеюсь, в сентябре на финальном слушании суда мы полностью лишим Трейси прав и получим полную опеку. Тогда мы найдем Рису постоянного опекуна, как можно дальше отсюда. Мы надеемся уберечь от этого кошмара хотя бы Риса и Сюзи.

Председатель кивнула.

- Кто-то хочет что-то добавить?

- Жаль, Шэрон тоже нельзя увезти подальше, – сказала Кирсти, – подальше от влияния Трейси, хотя, наверное, уже поздно.

- Шэрон почти 18. Насколько я понимаю, после выпуска из интерната она собирается вернуться к матери, и мы не сможем ее остановить, – вздохнул Джейми.

- А тот педофил, он все еще ходит к ним?

- Да, – ответил Джейми, – и это одна из причин, почему Шэрон хочет туда вернуться. Она говорит, что у них любовь.

У меня заныло под ложечкой, а Джилл тяжело вздохнула. Все становится хуже и хуже...

- Также есть подозрения, – продолжил Джейми, – что у Скотта и Шэрон был половой контакт. Но это не точно.

- Да, – сказала Кирсти, – Шэрон подавала на него заявление в прошлом году, но отозвала его под давлением Трейси. Сейчас Шэрон говорит, что беременна.

Джейми кивнул.

- Возможно, это просто выдумка, она и раньше такое заявляла.

За столом опять воцарилась тишина. Казалось, нет конца ужасам, творившимся в этой семье. Хотела бы я сказать, что ничего ужаснее не слышала, но это, к сожалению, было не так. Бывают - хоть и не часто, но бывают семьи, полностью

игнорирующие все моральные нормы и живущие на уровне животных инстинктов.

Нам оставалось лишь принять решение об исключении Риса из списка неблагополучных детей. Сейчас он находился в семье, а значит, ему не требовались особый надзор и защита. Председатель спросила, все ли мы согласны на исключение, все ответили «да», это занесли в протокол. Потом председатель поблагодарила нас и еще раз выразила свою обеспокоенность судьбой этого ребенка. Затем она поблагодарила меня за заботу о Рисе, и все стали собираться.

- Кто сейчас будет выходить из здания? – спросила председатель.

- Я, – ответила я.

Кирсти, Джилл и медсестры тоже собирались уходить. Впятером мы вышли и спустились по лестнице. У главного входа стояли двое охранников, мы спросили у них, не видно ли на парковке Трейси.

- Вроде нет, – ответил один.

Мы вышли из здания плотной группкой и быстро разошлись по своим машинам. Джилл проводила меня и подождала, пока я уеду.

Я ехала домой с тяжелым сердцем и не могла думать ни о чем, кроме как о Рисе и его прежней жизни. Я слышала о подобных семьях и раньше, но легче от этого не было, даже намного хуже, – казалось, сколько бы мы ни старались, это лишь капля в море. Социальная служба годами пыталась помочь Трейси, но, судя по тому, что я сегодня услышала, тщетно. Рис и Сюзи, как самые младшие, смогли избежать столь страшной судьбы, но я думала о том, сколько же всего им пришлось пережить до этого момента и как долго будут затягиваться эти раны. Наверное, Рис уже начал понимать разницу между прежней жизнью и жизнью в нормальной семье. Но пока он не перестанет бояться и не начнет говорить, эти раны не зарастут.

Я въехала в свой двор около часа дня и все еще была погружена в эти мысли. Слушание было долгим, с самого завтрака я ничего не ела, если не считать стакан воды. Я открыла входную дверь, планируя пообедать и отдохнуть, но не тут-то было. На автоответчике мигала лампочка. Прослушав его, я совсем упала духом. Оно было от Бэтти, школьного секретаря.

- Пожалуйста, приезжайте в школу, как только прослужаете сообщение. Рис ткнул одного из наших сотрудников карандашом. Он отстранен от занятий.

Глава 13: Плохой день

Сообщение от школьного секретаря пришло в 11:37, больше часа назад. Я отперла только что закрытую дверь и вернулась в машину. Ехала я быстро, мысли путались в голове. Директор ушел с собрания в 11:15, поэтому я предположила, что инцидент произошел во время слушания, и он исключил Рису сразу по возвращении в школу.

Когда я подъехала к школе, уже заканчивался обед, и дети выстраивались перед школой, чтобы вернуться к занятиям. Я нажала на звонок, ворота тут же клацнули и открылись, у меня даже не спросили имя. Дверь в приемную также открылась просто по звонку.

- Директор хочет видеть вас немедленно, – сказала Бэтти.

Я подумала, что, вероятно, она смотрела в окно и ждала моего приезда.

- Он у себя в кабинете, по коридору налево.

- Спасибо.

Я открыла дверь с надписями «добро пожаловать» и прошла по коридору к кабинету мистера Фитцжеральда. Дверь была закрыта, так что я постучала.

- Входите, – буркнул он из-за двери.

Мистер Фитцжеральд сидел за столом и говорил по телефону. Жестом он указал мне на кресло напротив стола, я села. Он продолжил говорить по телефону и даже не смотрел на меня. Только положив трубку, он, наконец, поднял глаза, и теплоты в этом взгляде не было...

- Миссис Гласс, пока мы с вами были на слушании, тут произошел серьезный инцидент. Моя заместительница сделала все, что в ее силах, но все в шоке.

Я смотрела ему в глаза и ждала продолжения.

- Миссис Моррисон помогала Рису на уроке естествознания. Весь урок Рис приставал к своему соседу, Трою. Насколько я понимаю, он тыкал Троя под ребра и издавал громкие звуки ему прямо в ухо. Миссис Моррисон многократно просила Рису прекратить и в конце концов села между ними. В этот момент Рис закричал ей «пошла на хер отсюда» и воткнул ей в ладонь карандаш. Карандаш проткнул кожу, и мне пришлось отправить миссис Моррисон к медсестре, чтобы сделать прививку от столбняка.

Директор замолчал, глядя на меня. Я не знала, что сказать, но, думаю, мое лицо говорило о многом. Я была просто в ужасе.

- Все в шоке, – продолжил он. – Дети сильно расстроены,

они все очень любят миссис Моррисон, к тому же они напуганы криками Риса. Он полностью потерял контроль. Учителю потребовалось 10 минут, чтобы уговорить его покинуть класс.

- Где он сейчас? – спросила я тихо.

- В тихой комнате, с двумя другими ассистентами учителя. Им пришлось оставить детей, с которыми они работали, но одного сотрудника явно было бы недостаточно. Этот ребенок опасен. Он просто животное.

Услышав, как о Рисе говорят в таком духе, я захотела защитить его, но что я могла сказать? Это была недвусмысленная и жестокая атака на очень милого и доброго человека, который так старался ему помочь.

- Мне очень жаль, – сказала я наконец. – Я правда не знаю, что еще добавить. Как там миссис Моррисон?

- Я позвоню ей позже. Я велел ей идти от медсестры сразу домой. Кроме шока и боли, она очень расстроена, что Рис так на нее накинулся. Она принимает все очень близко к сердцу.

Директор уставился на меня, ожидая объяснений, которых я не могла ему дать.

- Подобные случаи происходили с вами или с предыдущими опекунами? – спросил он. – Я все еще не получил от соцработника никаких бумаг, хоть он и обещал, что пришлет все по факсу.

Я хотела по максимуму защитить Риса, но была обязана оставаться честной.

- Когда он только к нам приехал, он был очень расстроен и зол. В самом начале у нас было несколько инцидентов, связанных с агрессией, но Рис очень быстро адаптировался. С тех пор ничего такого не было, – директор не сводил с меня глаз, в его взгляде читалось сомнение. – Как я и говорила сегодня утром, Рис очень хорошо себя ведет, хотя я точно могу сказать, откуда берется такое поведение, это явно отголоски его жизни с матерью.

- Я понимаю, – сказала директор, – но не могу заниматься попустительством. Я поговорил с начальником департамента образования. Я отстраняю Риса от занятий до конца дня. Обычно после такого мы отстраняем детей минимум на три дня, но меня очень сильно попросил этого не делать. Я делаю скидку на прошлое Риса, на то, что он только начал у нас учиться и на то, что до пасхальных каникул осталось всего три дня. Таким образом, мы делаем исключение и отстраняем его неофициально. В понедельник вы можете опять привезти его, но знайте: я с него глаз не спущу.

- Спасибо, – сказала я. – Большое спасибо.

Я была действительно очень благодарна. Неофициальное отстранение от школы не будет вписано в дело Риса, а там и без этого хватает всякого.

- Вы обязаны донести до Риса, что мы не будем мириться с таким поведением в нашей школе, – продолжил директор. – Оно опасно и всех расстраивает. Когда я с ним говорил, он будто бы и не помнил, что напал на миссис Моррисон и ругался матом. Полагаю, так же ведет себя его мать.

- Да, согласилась я. – Именно так. Когда доберемся до дома, я очень строго с ним поговорю.

- Я понимаю, что ему не сладко пришлось, – сказал он. – Но если Рис хочет чего-то добиться в будущем, то ему нужно понять, что хорошо, а что плохо, и измениться. Когда он теряет контроль над собой в классе, все ученики боятся его. Мисс Брус сказала, что была всерьез обеспокоена безопасностью детей, а некоторые девочки даже заплакали от страха.

Я не могла сказать ничего нового, только еще раз извинилась.

- Вы не могли бы передать мисс Брум и миссис Моррисон мои извинения? Я четко объясню Рису, что такое поведение недопустимо и ни в коем случае не должно повторяться. Я не знаю, почему такое вообще произошло.

Директор опять посмотрел на меня с подозрением, словно я скрывала от него что-то, что могло объяснить поведение Риса.

- Хорошо, – сказал он, – я отведу вас к нему. Я уже с ним поговорил и объяснил, почему он сегодня уйдет домой пораньше, но я не знаю, все ли он понял.

- Я объясню.

Мистер Фитцджеральд встал и вышел из-за стола. Я пошла за ним. Мы прошли мимо классов, где занимались дети. Я с завистью смотрела на группы детишек и на учителей, которые ходили между столами и помогали детям. Как бы я хотела видеть Риса, с удовольствием занимающегося вместе с ними, но если это и случится, то точно не сегодня. Отчасти я боялась, что этого не произойдет никогда.

Мистер Фитцджеральд открыл дверь в тихую комнату, я вошла за ним. Рис сидел за маленьким столиком между двумя ассистентами учителя и рисовал. Он поднял на меня взгляд и заулыбался, словно и не подозревал, почему я здесь.

- Привет, Кэти, – сказал он, размахивая своим рисунком. – Смотри, я нарисовал паука, у него лохматые ножки!

Первое, о чем я подумала – почему ему разрешили

заниматься его любимым рисованием, если он должен быть наказан? Разрешив ему рисовать, школа поощряла его поведение и как бы говорила ему – пырни человека карандашом, и тогда не придется сидеть на уроках, сможешь пойти и порисовать! Уж в школе-то должны были понимать такие вещи.

- Да, я вижу, – холодно сказала я Рису. Я специально не стала его хвалить, поскольку сейчас собиралась ругать. – Рис, ты знаешь, почему я здесь? Уроки ведь еще не закончились.

- Нет, – сказал он, опять макая кисточку в краску, – Почему ты здесь, Кэти?

Директор отошел в сторону, оба ассистента смотрели на меня с ожиданием. Я очень сильно надеялась, что Риса отчитали сразу после инцидента, а не оставили все мне, ведь прошло уже слишком много времени, и теперь мои слова не будут иметь особого эффекта. Для детей причина и следствие должны находиться в непосредственной близости друг от друга, особенно для детей с проблемами поведения. За плохим поступком должно следовать наказание, лишение какой-либо привилегии, при этом необходимо подробно объяснить, почему так происходит. Я бы точно ни в коем случае не разрешила Рису рисовать.

- Рис, положи, пожалуйста, кисточку, – сказала я строго. – Мы едем домой раньше из-за того, что ты сделал с миссис Моррисон.

Он не положил кисточку, но удивленно посмотрел на меня.

- Кэти, почему мы едем домой?

- Потому что ты ударил миссис Моррисон карандашом и сказал ей кое-что очень плохое.

Рис все смотрел на меня, я буквально видела, как он пытается вспомнить, что произошло. Но два часа - это большой срок для ребенка с трудностями в обучении, тем более, что все эти два часа он радостно рисовал.

- Правда? – спросил он и улыбнулся.

Директор и ассистенты снова уставились на меня в ожидании ответа.

- Это не смешно, – сказала я строго. – Ты поранил миссис Моррисон, и ей пришлось пойти в больницу. А теперь немедленно положи кисточку. Мы возьмем твою куртку и поедем домой. Мне нужно серьезно с тобой поговорить.

Рис отложил кисточку, встал и тихонько подошел ко мне.

- Я очень недовольна, Рис, – продолжала я. – Мне про тебя говорили очень плохие вещи. Ты сейчас извинишься перед

мистером Фитцджеральдом, а в понедельник перед мисс Брум и миссис Моррисон.

- Извините, – сказал Рис директору.

С лица директора и ассистентов немного сошел испуг. Именно его я видела на их лицах, когда только вошла в комнату. И Рис тоже его видел, поскольку у него перед глазами всегда был пример его матери, вызывавшей страх у всех вокруг своими криками и агрессией. Я сомневалась, что кто-то мог контролировать Рису в классе или в тихой комнате. И я поняла, что он и дальше будет пробовать школьных сотрудников на прочность, пока ему не встретится кто-то покрепче.

Мистер Фитцджеральд отвел нас в раздевалку, где Рис надел куртку, и проводил нас до выхода из школы.

Всю дорогу я молчала, давая Рису почувствовать, как сильно я недовольна. Когда мы приехали домой, я первым делом сделала себе чашку чая, а затем усадила Рису в гостиной и начала объяснять ему, почему он поступил очень плохо. То, что специально ранить человека – неправильно, понятно каждому ребенку из нормальной семьи, но не Рису. Он провел всю свою жизнь в очень неблагополучной семье, в которой, судя по тому, что я узнала на слушании, насилие было чуть ли не нормой. Для него напасть на кого-то совсем ничего не значило, ведь он много раз видел, как это делает его мать. Рис слушал меня внимательно и согласился, что поступил неправильно, как и тогда, когда я ему рассказывала о первых двух инцидентах в школе. Я говорила, а про себя вздыхала: три инцидента за три дня – это явно не самый лучший старт. Я знала, что директор не верит мне, когда я рассказываю, что дома у нас все хорошо. Я бы себе тоже, наверное, не поверила.

- Рис, – сказала я в заключение. – Я всем в школе рассказала, какой ты хороший мальчик. Пожалуйста, не подводи меня.

- Нет, Кэти, я не подведу. Я, правда, стараюсь хорошо себя вести, – сказал он и крепко обнял меня.

Я не стала его еще как-то наказывать, посчитав, что отстранения от школы будет достаточно. Рису нравилось в школе, и он расстроился, что не может пойти на занятия после обеда. Когда вернулись Люси и Пола, он сказал им, что ему грустно, потому что его отправили домой пораньше, умалчивая, почему. Когда девочки спросили, в чем причина, он вдруг стал очень тихим и сделал жалобные глаза. Я надеялась, что это хороший знак, который говорит о том, что он понял, что вел себя плохо и что девочки осудят его. Это говорило о том, что, в

отличие от матери, у него была совесть. Когда Рис не слышал, я рассказала девочкам о том, что произошло. Они, как и я, были в шоке. Я попросила их не говорить Рису ничего, если он сам не заговорит об этом, поскольку мы с ним уже все обсудили и решили двигаться дальше.

Вечером, когда Риса забрала на встречу Сабрина, я забронировала нам четверым четырехзвездочный отель в Норфолке на три дня и две ночи. Обычно я не бронирую такие дорогие номера, но я отложила денег на целую неделю, поэтому их хватило на два отдельных номера, один для девочек и один для нас с Рисом. Я отправила Джейми письмо, указав название и адрес отеля, и ответила на письмо некоей миссис Венди Пэйн, которая представилась как опекун-представитель в судебном деле Риса.

Опекун-представитель назначается судом на время судебного процесса и отчитывается непосредственно перед судьей. Она встречается со всеми заинтересованными сторонами и подает отчет на основе своих наблюдений. Она рассказывает судье, как будет лучше в интересах ребенка. Отчет опекуна-представителя имеет наибольшую силу, и судья, в первую очередь, руководствуется именно им при вынесении окончательного решения. Должно быть, этой Венди Пейн дал мой адрес Джейми, поскольку она вышла на связь только сейчас. В своем письме она спрашивала, может ли заехать к нам в следующий четверг, когда у Риса не будет занятий в школе. Я ответила, что может.

Когда Рис вернулся со встречи, я, как обычно, спросила, как он провел время, а он, как обычно, ответил «не знаю». Я больше не спрашивала его о жизни дома. Сначала интересовалась бытовыми моментами - о его спальне и подобных вещах, но эта информация была нужна мне только для того, чтобы помочь ему устроиться. Он достаточно быстро подружился с моими дочерьми и со мной, даже слишком быстро, учитывая то, что он пробыл со своей матерью семь лет. И поскольку он совершенно не был привязан к своей семье, я в который раз думала, что же это за дом, что ребенок за семь месяцев полюбил нас больше, чем своих родных. Рис начал говорить, что любит нас, уже к концу второго месяца. Ещё он постоянно говорил о том, как ему нравится дом и его комната. Довольно часто, приезжая со встреч с родителями, он со всех ног бежал к входной двери и кричал: «Дом, милый дом!».

В субботу мы были дома, Рис почти весь день провел в игровой комнате, роль которой у нас играет кладовка. Вечером

мы заказали на дом китайской еды. В воскресенье я отвезла Риса на встречу с Сюзи. Впервые солнце начало действительно пригревать, провозглашая приход весны и близость лета. Мы провели три чудных часа в парке, который стал постоянным местом встреч. Как обычно, пообедали в местном кафе, хозяин которого уже начал узнавать нас.

В понедельник утром я гладила школьную форму и потирали Рису со сборами. Честно говоря, я побаивалась нового дня в школе после событий прошлой недели, но мы провели очень хорошие выходные, поэтому в целом я была настроена оптимистично, как и Рис.

- Мне нравится школа, – сказал он за завтраком. – И моя учительница, и миссис Моррисон, и Трой.

- Вот и отлично. Тогда постарайся к ним хорошо относиться. Мисс Брум и миссис Моррисон хотят тебе помочь, а Трой очень хочет дружить.

После событий пятницы последнее было скорее моей надеждой, чем фактом.

- Они мне нравятся, – сказал он. – И я люблю вас!

- Мы тоже любим тебя, милый.

И это не было преувеличением. Рис был очень чувствительным мальчиком и мог быть таким милым и нежным, что даже за столь короткий срок стал важной частью нашей жизни.

В машине я напомнила ему правила хорошего поведения.

- Не нужно никого трогать, – сказала я, – тогда и не придется волноваться, что ты потрогал кого-то не так. Слушайся мисс Брум и миссис Моррисон. Если сомневаешься насчет чего-то – не бойся спросить у них. Они тебе помогут – это их работа.

Я думала о том, что причиной поведения Риса в пятницу могло быть просто волнение и неуверенность в себе. Его способности к обучению требовали особого внимания, даже самые простые инструкции нужно было повторять несколько раз. Миссис Моррисон была очень добра, ей не хватало опыта, и я не знала, может ли она адекватно оценить его проблемы и потребности. Не то, чтобы я пыталась как-то оправдать поведение Риса, – это было исключено, но если он не мог справиться с заданием, вполне возможно, что он выразил свои чувства обычным для него способом – через агрессию.

- В первую очередь тебе нужно извиниться перед миссис Моррисон, – сказала я, выйдя из машины. – Нужно попросить прощения и пообещать, что такого больше не повторится. Все ясно?

- Да, Кэти, я извинюсь.

- Вот и умница.

И он действительно извинился. Миссис Моррисон ждала нас в приемной, и, увидев ее, Рис сказал:

- Простите, миссис Моррисон, я так больше не буду.

Миссис Моррисон была действительно очень доброй женщиной и уже простила его.

- Какой ты молодец, – улыбнулась она. – Хорошо провел выходные?

- Да, спасибо, очень хорошо, – ответил Рис.

Я улыбнулась миссис Моррисон.

- Мне очень жаль, – сказала я шепотом. – Рука в порядке?

На руке все еще был пластырь.

Она кивнула.

- Укол от столбняка был больнее. Все еще не присесть, – она похлопала себя по бедру и рассмеялась.

Я попрощалась с Рисом и пожелала им обоим хорошего дня. Проводив их взглядом за дверь с табличками «добро пожаловать», я вернулась к машине.

Поскольку Рис теперь ходил в школу, у меня высвободилось время на курсы, и я записалась на четырехчасовой курс первой помощи, чтобы освежить свои знания. Патронатные опекуны, как и многие другие специалисты, работающие с детьми, обязаны иметь сертификат курсов первой помощи, который необходимо подтверждать каждые три года. У моего срок действия еще не кончился, но в соцслужбе проводили удобный короткий курс. Поэтому, оставив Риса в школе, я поехала напрямик туда. Я встретила там пару знакомых и, налив себе кофе с печеньем, поболтала с ними до начала занятий.

Курсы вела весьма энергичная медсестра, которая всё очень доходчиво объясняла. Поскольку курс был для всех не первым, она, предположив, что базовые знания у нас есть, первую часть занятия посвятила искусственному дыханию и непрямому массажу сердца, а также первой помощи при порезах, ожогах, отравлении и эпилептических припадках. Затем был получасовой перерыв на обед, где нам предложили бутерброды с очень вкусными, но не всегда понятными начинками. Отличная альтернатива моим обычным бутербродам с сыром и колбасой.

После обеда было практическое занятие, на котором мы отработывали наши навыки на манекенах. Мы их бинтовали, накладывали повязки и учились делать искусственное дыхание «рот в рот». Мы, конечно, знатно повеселились, пытаюсь

оживить укоризненно глядящих на нас манекенов, но я знала, что на самом деле это очень важное занятие. Лет десять назад я увидела, как какой-то человек упал на улице прямо перед магазином. Он не дышал, и я вместе с еще одной женщиной откачивала его до приезда скорой. Медики сказали, что мы спасли ему жизнь. Год спустя я увидела этого мужчину с женой в магазине. Он меня, конечно, не узнал, ведь он находился тогда без сознания, но я была безумно рада его видеть. Я понимала, что если бы не эта техника спасения, он бы не ходил сейчас с женой за покупками.

Занятия закончились в два часа, я вышла из здания и включила мобильный. К моему облегчению, звонков из школы не было. Я проверяла мобильный на обеде и подумала, что, вероятно, все идет хорошо, а значит, так всё и было. Я захала домой, чтобы достать из морозильника мясо на ужин, на автответчике новых сообщений не было. К трем часам я подъехала к школе.

Припарковавшись на своём обычном месте, поодаль от школы, я подошла к воротам, позвонила и назвала своё имя. Ворота открылись, я прошла через пустой двор (остальные дети выйдут только через двадцать минут) и позвонила в дверь, которая сразу же открылась. Минут через пять из двери с надписями «добро пожаловать» показались миссис Моррисон и Рис. Оба широко улыбались.

- Рис сегодня молодец, – сказала миссис Моррисон, – я даже дала ему специальный значок за хорошую работу.

- Я молодец, – гордо повторил Рис, выпячивая грудь со значком на рубашке.

- Прекрасно, – сказала я. – Спасибо большое, я так рада, что у Риса все хорошо.

- У нас были небольшие трудности на площадке, – сказала она. – Рис немного перевозбудился во время игры. Но ему помогли наши работники столовой, и теперь Рис знает, что нужно вести себя более осторожно.

Я улыбнулась. Большинству обычных мальчишек постоянно нужно это напоминать.

Попрощавшись с миссис Моррисон и выйдя из школы, я как следует похвалила Риса. Я продолжала хвалить его и в машине, а он, не замолкая, рассказывал о том, как хорошо провел день.

- В этой четверти осталось всего два дня, – сказала я. – А потом будут пасхальные каникулы. Мы на пару дней поедem на приморский курорт.

- Какой приморский?

- В Норфолке, на западном побережье Англии. Мы поедem с Люси и Полой на машине, остановимся в гостинице.

- Какой приморский? – спросил он снова.

Я посмотрела в зеркало заднего вида на него.

- Море рядом с Норфолком.

- Нет, какой приморский? – сказал он громче и более требовательно.

И тут до меня дошло, что он спрашивает «какой такой приморский», поскольку, видимо, никогда не ездил никуда на каникулы и не видел моря.

- Ты имеешь в виду, что такое приморский? – спросила я.

- Да, – он резко кивнул.

Я объяснила. Это не первый ребенок у меня под опекой, ни разу не бывавший на отдыхе у моря. Мы живем на маленьком острове, окруженном морем, и очень странно осознавать, что есть дети, которые ни разу не были у моря.

Когда Люси и Пола вернулись домой, Рис без конца им рассказывал, как хорошо вёл себя в школе и как мы поедem на приморский курорт. Девочки его, конечно, похвалили, но немного устали от бесконечного описания приморья.

- Может, купить ему игрушечную чайку, чтобы он успокоился? – сказала, наконец, Люси, – а то от этих криков уже голова болит.

Я рассказала Рису, что у моря мы увидим чаек, а он вспомнил, что видел их по телевизору, и весь вечер копировал их крики.

Во вторник я отправляла Риса в школу со спокойной душой. Он всё ещё трещал про то, как хорошо вел себя в понедельник, и серьёзно планировал провести так же и вторник. Я надеялась, что предыдущая неделя была тяжёлой, потому что он привыкал. Пойти в новую школу – это большой стресс для любого ребёнка. Я помню, как сама чувствовала себя в детстве, когда шла в новую школу, когда наша семья переезжала. Я даже представить себе не могла, насколько тяжелее было Рису после того, как он полгода не ходил в школу вообще, переехал пять раз, да и вообще имел достаточно проблемное прошлое.

Около 11:00 я была в магазине, пополняя вечно тающие запасы еды, как вдруг в кармане зазвонил мой сотовый. Я достала его и нажала «принять», попутно заметив, что высветился номер школы.

- Алло?

- Миссис Гласс, это Бетти Смит, школьный секретарь. Вам нужно срочно подъехать.

Мое сердце замерло.

- Почему? Что случилось? Я сейчас в магазине.

- Это все Рис. Он накинулся на другого школьника, а теперь носится по школьным коридорам без остановки. Директор и завуч пытаются его поймать. Мистер Фитцжеральд велел вам немедленно явиться. Когда вы сможете подъехать?

- Минут через двадцать, – я поняла, что дело срочное.

- Хорошо, я передам.

Я отодвинула почти полную тележку от прохода и пулей вылетела из магазина к машине. Через пять минут телефон опять зазвонил.

Я нажала кнопку приема на гарнитуре.

- Да?

- Вы уже едете? – раздался голос секретаря, в нем чувствовались нотки паники – Директор спрашивает, скоро ли вы будете. Иначе нам придется вызвать полицию. Рис опасен для других детей и сотрудников.

- Я уже еду, буду через десять, максимум пятнадцать минут. Что происходит? Где сейчас Рис?

- Где-то в школе. Он полностью вышел из-под контроля. Мы выводим всех детей из здания на игровую площадку для их безопасности. Пожалуйста, поторопитесь.

- Я тороплюсь, – я почти кричала. – Скажите Рису, что я скоро буду!

Но Бетти уже повесила трубку.

Десять минут спустя я подъехала к школе. Ворота были открыты, со двора слышались голоса детей. Я вбежала в здание, вся в поту и на грани обморока. Директор ждал меня в приемной, на его лице читались ярость и ожесточённость.

- Я уже связался с департаментом образования, – сказал он, развернулся и повел меня за собой. – Так больше не может продолжаться. Этот ребенок ненормальный. Он представляет опасность для других детей и для сотрудников. Я напишу развернутый отчет и вышлю вам копию. Я не могу сейчас ничего обсуждать, мне нужно вернуть детей в школу.

Он быстро шел впереди меня, говоря на ходу. Коридоры, как и классы, мимо которых мы проходили, пустовали. Мы остановились у тихой комнаты, и директор немного замешкался, прежде чем войти.

- Он здесь, – сказал он так, будто за дверью было опасное животное. – Завуч загнала его в угол в раздевалке и заставила прийти сюда.

Он толкнул дверь и отошел в сторону, дав мне войти

первой. Миссис Моррисон, еще один ассистент учителя и мисс Брум стояли с напряжёнными лицами вокруг Риса, который сидел среди комнаты за маленьким столом, и, внимание: рисовал!

- Почему он рисует, если плохо себя вёл? – спросила я, не скрывая своего раздражения. – Прошло только десять минут. Последний раз, когда мне звонила мисс Смит, он еще носился по коридорам.

- Я не могу сейчас ничего обсуждать, – огрызнулся директор. – Я позже вам позвоню. Заберите куртку и увезите его отсюда. Он официально исключен до конца четверти. Насчет следующей пока не знаю. Мне нужно поговорить с начальником департамента образования. Этого не должно повториться.

Не зная, что же такого натворил Рис, я не могла начать его отчитывать, даже не знала, с чего начать, к тому же было ясно, что директор хочет, чтобы мы немедленно ушли.

- Я позвоню вам позже, – повторил он. – И вышлю копию отчета.

- Пошли, Рис, – сказала я. – Мы едем домой.

- Но я хочу дорисовать, – сказал он, глядя на меня. Четверо взрослых тоже смотрели на меня. Им было интересно, как я справлюсь с непослушанием.

- Нет, нам надо прямо сейчас домой. Ты плохо вёл себя утром.

Мне бы очень помогло, если бы я знала, насколько плохо. Но, очевидно, Рис или забыл, или вообще не понял, что сделал не так.

- Правда, Кэти? – спросил он с грустью в голосе, откладывая кисточку. – Я плохо себя вёл?

Он встал, подошел ко мне и взял меня за руку.

- Я же вчера был молодец, Кэти? А сегодня что, уже нет?

Мое сердце дрогнуло. Мне хотелось обнять и расцеловать его, что бы он там ни натворил.

Директор отвел нас в раздевалку и показательно ждал, пока Рис наденет куртку. Затем он проводил нас до главных ворот. Я чувствовала, что нам буквально указывают на дверь.

Пока мы шли к машине, я услышала свисток со стороны двора, вероятно, это возвращают детей на занятия, прерванные неистовством Риса.

- Рис, что случилось? – спросила я в отчаянии, как только мы сели в машину.

Я еще не завела мотор и повернулась к нему.

- Что ты сделал? Что пошло не так? Вчера был такой

хороший день...

- Я вчера был молодцом, Кэти, – грустно сказал он.

- Я знаю, милый, но что сегодня пошло не так?

- Кое-что произошло. У меня был плохой день, но понедельник был хороший.

- Рис, посмотри на меня, милый, – сказала я, поскольку его глаза бегали из стороны в сторону, как тогда, когда он только приехал ко мне. – Рис, ты помнишь, что случилось, что сделало этот день плохим?

Он задумался.

- Нет, Кэти, но день плохой. А понедельник был хороший.

Я повернулась, со слезами на глазах завела машину, и мы поехали домой. Рис был очень тихим и подавленным. Я смотрела на него в зеркало заднего вида каждую минуту. Я не знала, помнил ли он что-то, но он был очень грустным. Я безумно хотела все исправить, но как?

Полу и Люси встречал после занятий совсем не такой Рис, как вчера.

- Сегодня я не молодец, – сказал он тихонько, когда они вошли. – Мне завтра нельзя в школу. Я плохой.

Я отвела девочек в сторонку и рассказала им всё, что знала. Они были так же удивлены и озадачены, как и я.

- Как ты думаешь, он правда поступил плохо? – спросила Люси. – Или директор преувеличивает?

- Я не знаю. Он вывел всех из школы и собирался вызвать полицию. Наверное, достаточно плохо.

- Может, Рис как доктор Джекилл и мистер Хайд? – сказала вдруг Пола. – Приходит в школу и перевоплощается.

- Дорогая, не говори глупостей, – сказала я.

Она пожала плечами.

- Но что-то же с ним происходит. Дома он совсем другой.

- Да, но вот что?

Директор позвонил лишь около шести, и до тех пор я так и не имела ни малейшего понятия, что же натворил Рис. Я попросила девочек занять чем-нибудь Риса в гостиной, чтобы он не подслушивал и не мешал мне, а сама ушла с трубкой в свою спальню.

- Боюсь, я не могу уделить вам много времени, миссис Гласс, – начал мистер Фитцджеральд. - Я должен быть у губернатора через час. Я поговорил с начальником департамента образования. Он сказал, что Рис должен вернуться в школу 18-го апреля, в первый день новой четверти после вводного собрания. Мне посоветовали пригласить

психолога, чтобы протестировать Риса. Затем я созову собрание по результатам проверки специалиста. Я займусь всем этим сразу по возвращении с пасхальных каникул. Это единственный способ убрать его из этой школы раз и навсегда. Я вышлю вам копию отчета о сегодняшнем инциденте.

- О, я...

- Сегодня утром был самый худший из случаев, – продолжил он, сбиваясь. – Рис прижал к стене другого школьника, а когда завуч попыталась вмешаться, Рис ударил его кулаком. Затем он в ярости бегал по школе какое-то время. Он пинал и бил всех, кто встречался ему на пути. Пострадали как минимум десять учеников. Еще у нас сломана дверь и разбито окно. Миссис Гласс, этот ребенок ненормальный, и в его выписке об образовательных потребностях его поведение описано достаточно точно.

Он замолчал. Я не знала, что сказать, осознавая, что он сомневается в моих рассказах о нормальном поведении Риса дома. И я его понимала - ведь он описывал совершенно другого, неизвестного мне ребёнка.

- А не могло его что-то спровоцировать? – без особого энтузиазма поинтересовалась я.

Может, для такого поведения хотя бы была причина? Нет, я не хотела таким образом оправдывать мальчика, я хотела лишь понять, что происходит, и помочь Рису.

- Нет, ничего подобного, – твердо ответил директор. – Рис шел по коридору с миссис Моррисон, когда вдруг накинулся на идущего мимо мальчика и прижал его к стене. Мальчик старше Риса на год, а выглядит ещё крупнее, так что можете себе представить, с какой силой Рис кинулся на него. Рис сказал, что мальчик смеялся над ним, но тот все отрицает. А затем, как я уже сказал, Рис начал носиться по школе, полностью потеряв контроль над собой.

Вероятно, мальчик спровоцировал Риса, посмеявшись над ним? - подумала я, но ничего не сказала, поскольку это не было оправданием.

- Простите, дома он себя так не ведёт.

- Ну что ж, считайте, что вам повезло. А мы все в ужасе.

Эти «мы все» прозвучали для меня как звук захлопнувшейся двери школы.

- Хотя Рис и должен вернуться в школу в следующей четверти после вводной встречи, – продолжил директор, – какое-то время, возможно, долгое, я не допущу его в класс. Он будет заниматься отдельно от детей с ассистентом учителя. Другие

школьники боятся его, и родители уже связывались со мной, обеспокоенные безопасностью своих детей. Я уверил их, что Рис не будет контактировать с их детьми ни в классе, ни в коридоре, ни на площадке.

- Вы что, не пустите его играть на площадку? – переспросила я, не веря его словам.

- Только не тогда, когда там другие дети. Он может выходить подышать, но только когда все дети вернутся к занятиям. Извините, миссис Гласс, но вы не видели того, что видели мы. Если бы видели – не относились бы к нему с таким сочувствием. Мне уже пора. Я пришлю вам копию отчета.

Я не смогла собраться с силами и поблагодарить его за это.

- И, пожалуйста, объясните Рису новые правила. Нам бы не хотелось, чтобы он закатывал сцены в первый же день после каникул. До свидания, миссис Гласс.

- До свидания.

Связь оборвалось. И в моей душе как будто тоже что-то оборвалось.

Глава 14: Побег к морю

На следующий день, в среду, мы вернулись к тому распорядку дня, которого придерживались до того, как Рис пошел в школу. Я снова достала рабочие тетради, которые только убрала, и мы почитали, пописали и позанимались счётом. Затем прогулялись вдоль озера рядом с домом. Я попыталась поговорить с Рисом о том, что произошло в школе, используя информацию, полученную от директора, но он лишь повторял: «Прости, Кэти, я плохо себя вёл» и «Я извинюсь, правда». Я кивала, но перед кем он собирался извиняться? Если судить по словам директора, извиняться надо не только перед мальчиком, которого он прижал к стене, и завучем, которую он ударил, но и ещё перед десятком детей, которые просто попались Рису на пути. В который раз я не могла соотнести ребенка, который мирно кормил уток, с тем, что он устроил в школе такой скандал.

Отчет директора пришел мне на почту в четверг утром, и я тут же его распечатала и прочитала, пока Рис спал. Мое беспокойство росло с каждым абзацем, поскольку директор все описал в мельчайших деталях. Он упоминал даже небольшие инциденты, когда Рис перевозбуждался на уроке музыки или на площадке, хотя учителя легко с ним справились и вроде даже забыли про это. То, что он схватил миссис Моррисон за грудь и залез к другой девочке под юбку, было, по словам директора, доказательством того, что Рису нельзя ходить в обычную школу. Кульминацией отчета стал последний случай. В самых жестких деталях директор описывал, как Рис «озлобленно накинулся на ни в чем не повинного мальчика» перед тем, как «войти в стадию бешенства» и начать бегать по всей школе. Такое описание, действительно, рисовало портрет совершенного больного ребёнка, представляющего такую опасность для детей и взрослых, что он должен быть немедленно исключён не только из школы, но и из человеческого общества вообще.

К концу отчета я была просто уничтожена и понятия не имела, что делать и что сказать Рису. Шанс доказать, что Рис изменился, полученный в новой школе, был потерян. Все опасения директора, основанные на выписке из предыдущих школ, подтвердились, и мне уже начало казаться, что если Риса исключат, это будет не так уж плохо. Ведь мальчик едва ли сможет избавиться от ярлыка ненормального ребёнка, который навесил на него директор и, соответственно, все остальные.

Когда в назначенное время приехала Венди Пэйн, опекун-

представитель Риса в суде, я показала ей отчёт директора, пока варила кофе. Был чудесный весенний день, и я открыла окна в гостиной нараспашку. Рис качался на качелях во дворе. Венди была одета скромно, но с большим вкусом, и производила впечатление легко идущего на контакт человека и профессионала. Пока я занималась кофе, она сидела в гостиной и читала отчет директора, одним глазом поглядывая на Риса. Когда я принесла поднос с кофе и печеньем, она как раз читала последнюю, шестую страницу отчета.

- Просто кошмар! – воскликнула она, не отрываясь от чтения, когда я вошла.

Я подумала, что это она о Рисе, и уже приготовилась защищать его и объяснять, что дома он так себя не ведёт, как она продолжила.

- Абсолютно очевидно, что директор его изначально вообще не хотел принимать. К сожалению, Рис сыграл ему на руку.

Я с облегчением передала ей кофе, обрадовавшись неожиданному союзнику в её лице.

- Но почему же он так ведёт себя в школе? – спросила я в отчаянии. – Это вообще непонятно. Ведь дома такого не бывает!

- Вы же видели его семью, – сказала Венди. – Думаю, Рис видел, что именно так ведёт себя его мать – прижимает людей к стенке, бьёт их, кричит. Один из отчётов, которые я читала, подробно описывает, как Рис стал свидетелем избиения учителя. Рис копирует Трейси. Это привычное поведение для него, и давайте будем друг с другом честны, три месяца, проведенные у вас, не могут исправить всё до конца.

Её слова были для меня глотком свежего воздуха. Я передала ей тарелку с шоколадным печеньем, а могла бы и ноги расцеловать.

- Но почему он не ведёт себя так с нами?

- Потому что он вам доверяет. Вы вложили много сил и времени, чтобы добиться этого доверия и научиться контролировать его поведение. Какие стратегии для этого использовала школа? У них есть отчеты из его прошлых школ и выписка об образовательных потребностях. Они составили план по контролю его поведения?

- Я так не думаю, по крайней мере, я не в курсе.

- Вот именно. Директор явно дал понять, что не хочет видеть ребенка с такими высокими потребностями у себя в школе. Его заставили принять Риса, и он просто скинул с себя всю ответственность на ассистента учителя, которая, конечно, очень милая дама и, вероятно, раньше работала в столовой и

помогала детишкам с дополнительным чтением.

Я улыбнулась, почувствовав огромное облегчение.

- Да, это в точности миссис Моррисон.

- Директор обязан принять особые меры по поводу Риса, или окажется в тупике. Кстати, что насчет его учебного плана?

Она говорила об отдельном учебном плане, который, как правило, есть у всех детей с особыми потребностями.

- Вы его видели?

- Нет.

- Попросите выслать вам копию. Одно ясно точно: так просто директор не сможет исключить Риса из школы насовсем. Он находится под опекой и должен ходить в школу. Существуют правила, согласно которым все дети в системе опеки должны быть приняты в школу в кратчайшие сроки. Учитывая, что у департамента образования ушло три месяца на поиск этой школы, новую они найдут нескоро, о чем уже должны были сообщить мистеру Фитцджеральду.

- А я-то думала, почему он разрешил Рису вернуться в следующей четверти... Это всё объясняет.

Венди кивнула.

- Возможно, в конце концов мы всё же решим, что Рису нужна специальная школа. Однако такое решение может принять только специальная комиссия на основе заключения психолога, но никак не директор. Директору стоит больше вкладываться в управление поведением Риса, а не демонизировать ребёнка.

Я бы не смогла сказать лучше!

- Когда назначат дату встречи для пересмотра его выписки об образовательных потребностях, дайте мне знать, я обязательно приду, – сказала Венди. – Хотя нет, я лучше сама свяжусь с директором, чтобы тоже активно включиться в процесс. Пусть шлёт свои отчеты непосредственно мне.

- Спасибо, – сказала я. – Это будет просто здорово. А то у меня стало складываться впечатление, что я совсем одна по эту сторону баррикад.

- Я так понимаю, Джейми Хогг занял не слишком активную позицию в этом деле?

Я была снова удивлена ее прямотой.

- Ну, типа того, я постоянно держу его в курсе всего, но, похоже, он очень занят другими семьями.

- Своим разводом он занят. Я трижды оставляла ему сообщения с просьбой перезвонить и дважды писала по электронке. Все без ответа. Джейми надо собраться. Я знаю,

дело сложное, но в сентябре у нас заключительное слушание, а всё отчеты нужно сдать до конца июля, так что времени осталось не так уж много.

Рис вернулся в гостиную из сада, проголодался и захотел пить. Он очень прилично себя вел, что придавало мне уверенности в своих словах, хотя Венди, похоже, не особо были нужны доказательства. Она была просто замечательная, и ее догадки насчет школы и того, что происходит с Рисом, попали в точку. Она немного поболтала с мальчиком, затем поиграла с ним в настольную игру.

Когда Рис пошел опять играть в сад, Венди вернулась к обсуждению дела. Она сказала, что ни Рис, ни Сюзи ни при каких обстоятельствах не вернуться под опеку матери, но сестра Трейси, у которой на воспитании была их сестра Лиза, выразила желание забрать и Риса. Венди сказала, что собирается встретиться с тётёй в ближайшее время, и если та подтвердит готовность взять на воспитание Риса, то ей могут предоставить такую возможность. Мне было грустно думать о том, что Рис нас покинет, но поскольку я была лишь патронатным опекуном, то должна была с этим смириться, как бы трудно это ни было.

Венди провела с нами почти два часа. Я была поражена и тем, как хорошо она разбирается в этом деле, и тем, с какой симпатией и пониманием она отнеслась к Рису. Она сходила в сад, чтобы попрощаться с ним, а затем ушла, пообещав, что мы с ней ещё увидимся на встрече по пересмотру образовательных потребностей Риса.

- Хороших вам праздников, - сказала она на прощание.

- Спасибо!

Я была уверена, что праздники пройдут отлично. Я чувствовала огромное облегчение от того, что у меня теперь есть новый союзник. Мы запаковали чемоданы и в среду – очень рано, в 5 утра – погрузились в машину и поехали на юг. Рису было трудно так рано встать, но и девочкам не легче. Подростки с возрастом спят все больше и больше, и девочки жутко волновались, что недостаток сна отразится на их красоте.

- У меня круги под глазами, – ныла Люси, глядя в маленькое зеркальце, которое в последние годы стало ее постоянным аксессуаром. – И мешки!

- Фу, – сморщилась Пола, когда Рис попросил остановиться у кафешки. – Ну не в пять утра же!

Мы остановились позавтракать в семь. Пока Рис уминал традиционный английский завтрак, девочки побежали к хорошо освещённому зеркалу в туалете, чтобы наложить макияж,

который, по их словам, должен был противодействовать негативному эффекту недосыпания. Мы приехали в отель к полудню. Отель оказался шикарным! Наши номера располагались рядом, как я и просила. Они больше походили на отдельные квартиры, с огромной «гостиной», кабельным телевидением, музыкальным центром, диваном и креслами, двумя огромными кроватями и шикарной ванной комнатой.

Когда я бронировала номера, я специально попросила, чтобы хотя бы в одном номере были раздельные кровати, потому что семилетний мальчик не может спать в одной кровати со своим опекуном. Люси и Пола были в восторге от своей комнаты, особенно от огромного зеркала в ванной комнате. Отель располагался в бывшем феодальном замке и был окружён прекрасными пейзажами – лес и побережье. Из наших окон на первом этаже было видно залив и маленькую гавань с десятком рыбацких лодок. Рис еще из машины увидел чаек, поскольку мы проезжали вдоль берега, и теперь носился по номеру, копируя их крики.

- Милый, – сказала я, – постарайся вести себя потише, когда мы не в номере. В отеле есть и другие гости, и им может не понравиться, что ты так хорошо изображаешь чайку.

С последним всхлипом раненой чайки мы вышли из номера, зашли за девочками и отправились гулять по берегу. Дул сильный ветер, но было достаточно тепло. Мы спустились по ступенькам вдоль отеля прямо к пляжу. Там Рис был в своей стихии, впрочем, как и все мы... Есть что-то такое в возможности ходить босиком по песку, такое, что пробуждает в каждом ребёнка.

Люси и Пола, оставив, наконец, свои переживания по поводу испорченных ветром причесок, помогли Рису собрать целую коллекцию ракушек и водорослей. Затем мы закатали штаны до колен и, взявшись за руки, прыгали через маленькие холодные волны, разбивающиеся о берег. Рядом было пляжное кафе, которое как раз открылось к пасхальным каникулам. Мы сели за ветрозащитным экраном и, наслаждаясь видом моря, поели сырных сэндвичей и выпили горячего шоколада. Когда мы поели, я купила в магазинчике при кафе ведёрко и совочек, и следующие несколько часов мы строили песочные замки, окружённые рвами, которые наполнялись водой от надвигающегося прилива.

Где-то в половине пятого солнце перестало пригревать, и я предложила вернуться в отель, где мы умылись и переоделись к ужину. На этот вечер я заказала ужин в ресторане отеля,

подумав, что это будет проще, чем искать отель где-то в городе после такой длинной поездки. Но теперь я задумалась, сможет ли Рис спокойно сидеть и ждать подачи блюд. Когда мы проходили мимо банкетного зала, я обратила внимание, что всё было оформлено очень официально, с серебряными приборами, белыми скатертями и салфетками.

Как оказалось, не о чем было волноваться, потому что, когда мы спустились в 7 часов к ужину, выяснилось, что персонал отеля очень высокой квалификации. Рис оказался здесь самым маленьким, однако атмосфера была очень дружелюбная, и все официантки подходили к нему поболтать. Я приняла меры предосторожности и взяла цветные карандаши и раскраску, как делала обычно, когда мы шли в ресторан дома. Рису очень нравилось сидеть и рисовать вместе с Люси и Полой, поэтому он даже не замечал задержек между подачей блюд. Мы заказали домашний овощной суп, жареную курицу с приправами, а потом выбрали себе десерт со шведского стола.

Когда мы закончили ужинать, уставшие от раннего подъема, целого дня на пляже и обильной еды, было уже 9 вечера. Мы проводили Люси и Полу в их номер, пожелали им спокойной ночи и пошли к себе. Я помогла Рису умыться, поскольку он так устал, что глаза у него закрывались на ходу. Я подоткнула ему одеяло и пожелала спокойной ночи. Он издал прощальный писк, после чего одна очень усталая чайка закрыла глаза и мгновенно уснула. Я быстренько приняла душ, переоделась в ночную рубашку и в 10 уже спала.

Проснувшись от яркого солнца, я увидела, что кровать Риса пуста. На адреналине я тут же подскочила с постели. И с огромным облегчением увидела, что Рис стоит у окна, наверное, глядя на чаек. Он не заметил, что я проснулась, поэтому я откинулась на подушку и пару минут понаблюдала за ним. Он был полностью поглощен видом за окном. Я слышала далекие крики чаек, вылетевших за ранним завтраком. Рис был неподвижен, казалось, что он полностью поглощен своими мыслями. Это было очень на него не похоже - просто стоять и размышлять. Как и многие мальчики, стоило ему проснуться, он тут же превращался в заведенную юлу. Я немного за ним понаблюдала, затем он, видимо, почувствовав мой взгляд, обернулся и улыбнулся мне.

Я ожидала услышать крик очень большой чайки в ответ тем, что кричали снаружи. Но вместо этого он тихонько сказал:

- Мне тут нравится. Здесь нет никаких секретов.

Я внимательно посмотрела на него. Слово «секрет» из уст

ребенка из неблагополучной семьи может значить что угодно, но, как правило, не имеет абсолютно ничего общего со спрятанными подарками на рождество.

- Дома у нас тоже нет секретов, – сказала я.

- Да, – согласился он, – Там мне тоже нравится.

Я вдруг почувствовала, и это было словно какое-то шестое чувство, которое вырабатывается годами работы с детьми, что Рис пытается набраться мужества и подобрать слова, чтобы сказать мне что-то важное. Возможно, он почувствовал себя смелее, оказавшись так далеко от своей матери.

- Ты хранишь какие-то секреты, которые тебе не нравятся? – аккуратно спросила я, тихонько приподнимаясь на подушках и стараясь не разрушить контакт.

Он едва заметно кивнул.

- Ты можешь рассказать мне о них? Иногда, если рассказать кому-то, кому ты доверяешь, становится легче.

Он промолчал и снова повернулся к окну.

Я медленно поднялась с постели, набросила халат и подошла к нему. Мы оба стояли и просто смотрели на открывающийся вид. Утреннее солнце только поднималось, и водная гладь сияла как отполированное зеркало.

- Мне хорошо с тобой, – сказал он, – У тебя нет секретов.

- Да, это так. У нас бывают сюрпризы, как, например, эта поездка. Но это хороший сюрприз, никаких плохих секретов.

Он снова помолчал, наблюдая за чайками. Я чувствовала, что он очень близок к тому, чтобы что-то сказать. Я чувствовала его напряжение, чувствовала, что он готов заговорить. И воспользовалась шансом.

- Рис, секреты, которые тебе не нравятся, из того времени, когда ты жил дома?

- Не знаю, – молниеносно ответил он, и я поняла, что момент упущен.

- Хорошо, ничего страшного, мне просто интересно, – сказала я. – Рис, если ты что-то вспомнишь и захочешь поговорить, то знай, я очень хороший слушатель.

- Я знаю, – ответил он.

Затем очень большая чайка с криком полетела в ванную переодеваться.

На следующий день мы отрывались на полную катушку, поскольку уже завтра нам нужно было возвращаться к 5:15 на встречу. Сели в машину и объехали всю округу. Мы сделали три остановки: в музее динозавров (где Рис долго не мог поверить, что все эти кости настоящие), на развалинах старого замка и у

старинного паровоза, на котором мы покатались. Паровоз был частью большого реставрационного проекта по восстановлению железнодорожных путей, заброшенных более полувека назад. Около шести мы наткнулись на чудный маленький ресторанчик в живописной деревне. После ужина девочки поиграли в бильярд, а Рис подружился с мальчиком, приехавшим сюда на отдых со своей семьей. Мы вышли оттуда в 8 часов и почти час добирались до отеля, где сразу запрыгнули в постели и заснули в районе 10. Конечно, я осталась бы подольше, но была довольна и тем, что удалось. Мы отлично провели время, и Рис наконец узнал, что такое настоящие каникулы.

На следующее утро мы вкусно позавтракали, прогулялись по пляжу, попрощались с чайками и поехали домой. Поскольку была пятница, движение на шоссе уже уплотнялось. Мы сделали одну остановку, чтобы все могли сходить в туалет. Я купила всем сэндвичей и сока в придорожном магазинчике. Они ели по пути, и мы приехали домой к 4:30. Девочки разгрузили машину, пока я выпила чаю и отдохнула от дороги. Рис исчез у себя в комнате и затих, он очень соскучился по всем своим игрушкам.

Когда Сабрина приехала за Рисом, я позвала его спуститься. Потом еще раз, и еще, и только тогда мальчик наконец показался из комнаты.

Медленно спускаясь по лестнице, он вдруг сказал:

- Я не хочу ехать.

Впервые Рис не захотел ехать на встречу. Хоть ребенка никогда не заставляли видаться с родителями, на этой стадии пребывания в системе опеки встречи с родителями считались важными. Если у ребенка были серьезные причины отказываться, то встречу можно было отменить, но только после обсуждения с соцработником, который должен был подать в суд апелляцию, чтобы изменить постановление судьи.

- Ты же хочешь увидеть маму с папой? – спросила я.

- Нет, – твердо сказал он.

- Почему нет, Рис? – я посмотрела на Сабрину, которая ждала у входа.

- Не знаю.

Я знала, что это «не знаю» не убедит судью, а тем более Трейси, Скотта и соцработника.

- Рис, – сказала я, нагибаясь к нему и заглядывая в глаза. – Если ты действительно не хочешь идти, то ты не обязан. Но мне нужно будет объяснить причину соцработнику. Почему ты не хочешь идти?

- Не знаю, – повторил он.

Затем, осознав возможные последствия отказа от встречи, вроде обнаружения причины и, возможно, даже раскрытия секрета, он передумал.

- Хорошо, я пойду.

Проводив его, я загрузила стиральную машинку – удивительно, сколько всего могут напачкать четверо всего за два дня! – и написала отчеты за те дни, что нас не было, включив туда упоминание Рисом неких секретов. Сделав записи, я захлопнула ежедневник, стараясь не вспоминать, что всего через четыре дня 18-е апреля - начало новой четверти.

И чтобы я уж точно не забыла, на почту пришло письмо от директора с подробными указаниями о встрече во вторник утром. Я должна была привезти Риса к 9:30 и, пока миссис Моррисон за ним присматривает, пойти на вводное собрание к 9:45. Должны будут присутствовать директор, соцработник и завуч, на собрание заложили час времени.

Когда Рис вернулся со встречи, он был в порядке, разве что передал мне привет от Трейси: «Мама сказала, что мне надо быть в школе на следующей неделе, а то хуже будет».

Я улыбнулась.

- Не волнуйся, Рис, ты там будешь.

Глава 15: Отделение

- Хорошо провел каникулы? – спросила миссис Моррисон, встречая нас в приёмной. – Много пасхальных яиц было?

Рис кивнул.

- А ещё я видел чаек и жил в отеле.

- Мы отлично провели каникулы, спасибо – сказала я. – А вы?

- Да, спасибо. Встреча пройдёт в кабинете директора, – сказала она. – А нас с тобой, Рис, ждут дела. Началась новая четверть. Пойдём, сядем за столик в столовой.

Отлично, миссис Моррисон хорошо отдохнула и была готова с новыми силами продолжить работу. Я надеялась, что часть ее энтузиазма перейдёт и на Риса. Я поцеловала его на прощание и пошла к кабинету директора. Дверь была закрыта, и я постучала.

- Входите, – крикнул он.

В кабинете был только директор. Он говорил по телефону, как я поняла позже, с Джейми Хоггом.

- Хорошо, я ей передам, – коротко сказал он и повесил трубку.

- Соцработник не придёт, – сказал он мне. – Его куда-то срочно вызвали. Думаю, это не так уж важно, эта встреча, скорее, просто формальность.

- Да, – согласилась я.

Я и раньше бывала на подобных собраниях, но не особо часто, в последнее время все опекаемые мною дети хорошо справлялись с учёбой.

- Завуч тоже не смогла прийти, – добавил мистер Фитцджеральд. – Она замещает заболевшего учителя. Так что будем только мы вдвоём.

Я кивнула.

- Я начну с причин, которые вынудили меня временно отчислить Риса, и условий, на которых он будет обучаться до встречи с психологом.

Я сидела и слушала. Мистер Фитцджеральд подробно изложил детали своего отчета, который он отправлял мне по почте, и сказал, что Рису необходимо побеседовать с психологом, пройти тестирование, и на основании этих результатов будет созвано собрание по пересмотру образовательных потребностей. Он также выразил надежду на то, что новые условия минимизируют шансы возникновения подобных инцидентов.

- Так Рис не будет общаться с другими детьми? – спросила я.

- Поначалу точно нет. Если его поведение будет стабильным, то мы обдумаем возможность возвращения в класс, начиная с уроков физкультуры.

- А вам не кажется, что он будет расстраиваться, занимаясь целыми днями только с миссис Моррисон? Это довольно сложно, причём не только для него.

- Мы даём миссис Моррисон возможность сходить на обед в течение часа. В это время её подменит другой ассистент.

Я не знала, что и добавить, и решила воспользоваться советом представителя Риса в суде.

- Не могли бы вы дать мне копию его индивидуального учебного плана? Чтобы я могла помогать ему дома.

Мистер Фитцджеральд немного стушевался.

- У меня нет его под рукой, – сказал он. – На самом деле я не помню, чтобы уже видел его.

Чтоооо? Школа должна была опираться на старый учебный план и по ходу разрабатывать новый, учитывая то, сколько времени прошло с тех пор, как Рис покинул предыдущую школу. Индивидуальный учебный план – это детализированный документ, подточенный под нужды каждого отдельного ребенка, фиксирующий его текущие успехи и содержащий образовательные планы на будущее.

- У Риса должен быть еще старый учебный план, – сказала я, теряя ещё больше очков в глазах директора. Но я была серьезно настроена обеспечить Рису образование.

- Я спрошу нашего координатора по специальным образовательным потребностям, – сказал директор. – Но она у нас на полставки и будет только завтра.

- Спасибо, – сказала я и воспользовалась ещё одним советом, который, похоже, мог окончательно уничтожить мои шансы на расположение со стороны директора.

- А можно мне взглянуть на план по контролю его поведения?

Директор сконфуженно посмотрел на меня. Похоже, он про такой и не слышал.

- Такой план просто необходим, – продолжила я. – Особенно в свете всего случившегося. Тогда весь персонал сможет работать в рамках одной стратегии.

- Я займусь этим, – сказал он сурово и сделал пометку на клочке бумаги. – Что ж, я думаю, на сегодня всё. Надеюсь, что новые условия улучшат положение Риса, и затем психолог

поможет нам во всем разобраться. Как долго еще Рис пробудет с вами?

Я ждала этого вопроса. Ему не терпится от нас избавиться.

- Сложно сказать. Финальное слушание в сентябре, только тогда будет ясно, как сложится дальнейшая судьба Риса.

- То есть, возможно, он и в новом учебном году к нам придёт? – спросил он, пытаясь скрыть свое разочарование.

- Да. Я думаю, что, независимо от решения суда, он пробудет с нами как минимум до Рождества.

Это было последнее, что хотел бы услышать директор.

Новые «условия», как директор называл сегрегацию Риса, не только не помогли, но и ухудшили ситуацию. Уже к концу дня было очевидно, что Рис очень расстроен своим изгнанием. Он без конца говорил миссис Моррисон, что хочет быть вместе с остальными детьми, отказывался делать задания и ничего не съел на обед – что для Риса было вообще неслыханно. Когда я встретила их в конце дня, миссис Моррисон рассказала, что весь день Рис грустил и, несмотря на все её старания, с учёбой ничего не вышло. Я видела, что ей, как и Рису, не нравятся новые «условия», но она могла жаловаться только мне, поскольку, едва вступив в должность, боялась что-то говорить поперек слова директора (да и, скорее всего, это не слишком помогло бы).

- Надеюсь, завтра будет лучше, – сказала миссис Моррисон. – Рис еще не привык, к тому же в столовой довольно шумно, когда готовится обед. Шум, мне, конечно, не убрать, но Рис привыкнет к новому месту. А ещё мы не можем оставить на столе учебники и тетради, на время обеда всё приходится уносить.

Миссис Моррисон без остановки трогала свои волосы и выглядела абсолютно измотанной, очевидно, такие условия приносили ей немало неудобств.

- Вы в порядке? – спросила я, почему-то чувствуя себя виноватой.

- Немного болит голова, – сказала она. – Но ничего серьёзного. Я считаю, что это нечестно по отношению к Рису. Ему нужно общаться с одноклассниками.

Я была согласна, но ничего не могла поделать, директор не будет рассматривать альтернатив, пока новые условия не дискредитируют себя полностью.

- Я побеседую с Рисом вечером, – сказала я. – Попробуем договориться.

Но я понятия не имела, что ему сказать. Что это для его же

блага? Лично я в этом сомневалась, хотя он, может, и поверил бы.

По факту я сказала Рису так: директор считает, что ему пока следует поучиться отдельно, пока все не убедятся, что он может делать то, что ему велят, и что он не будет злиться и не причинит никому вреда. Я подумала, что если обозначу перед ним достижимую цель, то у него прибавится энтузиазма.

- Если ты покажешь миссис Моррисон, какой ты молодец, то глазом не успеешь моргнуть, как вернёшься в класс.

Это не сработало.

На следующий день, когда в 15:00 я забирала Рису, миссис Моррисон рассказала мне, что он перевернул пластмассовый столик, за которым они занимались, затем поднял его и собирался бросить, так что ей пришлось попросить работников столовой ей помочь. Они его остановили и успокоили, но все были в шоке от такой сильной вспышки гнева.

На следующий день всё было ещё хуже, Рису отстранили от занятий после обеда, но неофициально, поэтому не было никакой бумажной работы и вводных собраний. Миссис Моррисон позвонила мне в 12:15 практически в слезах, виня себя в том, что произошло.

- Мне следовало забрать его из столовой раньше, – сказала она. – Мы уходили из столовой как раз тогда, когда туда пошли другие дети, и он очень расстроился.

Оказалось, что Рис хотел остаться в столовой и пообедать вместе со всеми, а не в тихой комнате, но когда миссис Моррисон сказала, что это невозможно, Рис ударил первого попавшегося мальчика из очереди. Конечно, Рис не должен был никого бить, но миссис Моррисон, как и я, понимали, почему так произошло.

В первую неделю становилось всё хуже и хуже, на второй всё повторилось, Рису неофициально отстранили в четверг от занятий до конца недели. На третьей неделе, как и на четвертой, его отстраняли со среды.

Когда это повторилось и на пятой неделе, я поняла, что с нас хватит. Мне в очередной раз позвонила мисс Смит и сказала, что Рис дрался\ругался\что-то сломал и что директор говорит, что я должна забрать его, так как его неофициально исключают до конца недели. Директор никогда не выходил ко мне, он посылал с объяснениями миссис Моррисон.

Но на этот раз я прямо сказала миссис Моррисон:

- Извините, но я не заберу Рису, если его не отстранят официально. Позовите, пожалуйста, директора. Мы подождем

здесь.

Хоть все эти «неофициальные» отстранения и не отражались в личном деле, для Риса от этого было мало пользы, зато сильно облегчало жизнь директору. Они просто устранили Риса, по сути, не решая основную проблему, связанную с контролем за его поведением.

Миссис Моррисон посмотрела на меня с грустью и удивлением. Мне было жаль её, но я должна была решить эту проблему. Официальное исключение повлечёт за собой вводное собрание, и тогда мы сможем ещё раз всё обсудить и, возможно, сдвинуть дело с мёртвой точки.

- Хорошо, – нервно сказала она и скрылась за дверью.

Её не было около двадцати минут, а когда она привела директора, тот был настроен сходу идти в атаку.

- Ему нельзя остаться, – сказал он, едва показавшись из-за двери. – Он носился по школе и врвался в классы во время занятий.

- Хорошо, я заберу его, но только с официальным отстранением.

- Мы сейчас не можем, – сказал директор. – Мой секретарь занят.

- Ничего, я подожду.

15 минут спустя он вернулся с уведомлением об официальном отстранении, на нем значилась дата вводного собрания – понедельник, 9 утра.

- Я хочу видеть и его соцработника, – сказал директор.

- Как и я.

Наверное, это было единственное, в чем мы были единодушны.

- Попробуйте выслать ему официальное уведомление, – добавила я. – Я тоже сообщу ему дату и время, на всякий случай. И пригласите, пожалуйста, психолога.

Мистер Фитцжеральд кивнул. Мне показалось, что я немного поднялась в его глазах и заставила хоть немного себя уважать.

Когда мы вернулись домой, я, как обычно, отчитала Риса, объяснила, что он поступил неправильно, и запретила ему смотреть телевизор. Не знаю, было ли это на пользу, потому что если он всё-таки вспоминал, что произошло, то и без того сильно переживал и раскаивался.

- Я знаю, ты много раз видел, как твоя мама дерётся, кричит и матерится, но, Рис, это неправильно, – сказала я в отчаянии. – Ты должен всё это оставить в прошлом. Ты же не видел, чтобы я

ругалась или дралась?

- Нет, Кэти, – сказал он. – Ты не ругаешься и не дерёшься. Ты хорошая. Я тебя люблю. Мне очень стыдно.

Мои глаза наполнились слезами. Я не знала, что делать или говорить, чтобы помочь Рису, и отчаянно нуждалась в совете психолога.

Психолог сказала, что не сможет прийти на вводное собрание, но прислала письмо, в котором сообщила, что уже работает по делу Риса и к собранию по пересмотру его образовательных потребностей, которое уже готовил директор, представит отчет.

- На собрание я приглашу всех возможных специалистов, – сказал директор Джейми Хоггу на вводном собрании. – Ребёнок неконтролируем, и ему нужна специальная школа.

Я впервые видела Джейми с тех пор, как подписывала документы у него в офисе, но я регулярно высылала ему отчеты по почте.

Он повернулся и посмотрел на меня.

- Дома ведь всё под контролем?

- Да, – сказала я, – Рис ведет себя всё лучше и лучше.

- Что является ещё одним фактором, говорящим о том, что ему нужна специальная школа, – сказал директор. – Очевидно, что наша школа не подходит.

- Может, и так, – сказал Джейми в своей обычной расслабленной манере. – Но сейчас большинство детей со специальными потребностями учатся в обычных школах. Что вы сделали, для того, чтобы адаптировать условия для него?

- Мы сейчас в процессе разработки плана по контролю поведения, – сказал директор. – Миссис Гласс в курсе. Мы пошлем ей копию, как он будет готов.

Джейми кивнул.

- И мне копию, пожалуйста.

Я задумалась о том, сколько ещё времени займёт составление плана: я запросила его месяц назад, а он все ещё «в процессе». Однако следующая фраза дала понять, почему директор не торопился ни с планом по контролю поведения, ни с индивидуальным учебным планом – он надеялся, что они просто не понадобятся.

- Я так понимаю, что после финального слушания в сентябре Рис переедет? – спросил он у Джейми.

Джейми посмотрел на меня, я пожала плечами, ведь такого я директору не говорила.

- Ну, – сказал он, – это не точно. Зависит от решения судьи.

- Но скорее всего так? – настаивал директор.

- Да, но я не знаю, сколько это может занять. Однако это ведь не повод заставлять Риса топтаться на месте до конца года, правда?

Он сказал это так мягко и спокойно, что директору, как и мне, потребовалось время, чтобы понять, что, по сути, это был выпад в его сторону.

- Могу вас заверить, на месте мы не топчемся, – сказал он с нажимом, – Риса постоянно сопровождает ассистент учителя.

- Хорошо, – улыбнулся Джейми. – Сегодня Рис опять идёт в школу, надеюсь, обойдется без отстранений. Он отличный парнишка, и если Кэти может справиться с ним дома, то школа со всеми своими ресурсами и дополнительным финансированием сможет и подавно. Увидимся с вами на собрании по пересмотру потребностей Риса.

На этом Джейми встал и тем самым окончил встречу.

- Спасибо, – сказала я ему, когда мы вышли.

Глава 16: Накал страстей

Когда директор сказал, что соберёт всех специалистов, он ничуть не преувеличивал. Двумя неделями (и двумя отстранениями) позже четырнадцать человек собрались в школьной комнате для персонала. После того как мы по очереди представились, все в ожидании посмотрели на психолога, поскольку ей дали слово первой. Именно её оценка будет решающим фактором для принятия решения по поводу того, какая школа необходима Рису. Мы открыли копии её отчёта – на первой странице были какие-то непонятные графики, цифры и проценты.

- Пока не смотрите на результаты тестирования, – сказала психолог. – Я потом вкратце их поясню. Я бы хотела вначале немного рассказать о моих наблюдениях за Рисом в школе и дать несколько советов. У Риса серьёзные травмы с раннего детства. В школе он может вдруг расстроиться или разозлиться, что уже повлекло за собой несколько инцидентов, которые закончились его отстранением. Такое же поведение наблюдалось и в предыдущих двух школах, откуда Риса исключили. Тем не менее, теперь у Риса изменилась домашняя обстановка, и, как мне сообщил его соцработник, у своей опекуни, Кэти, Рис не вызывает никаких проблем.

Мы с Джейми кивнули.

- Когда Рис испытывает стресс или волнение, – продолжила она, - он возвращается к словесным оскорблениям и иногда проявляет физическую агрессию. Я наблюдала за ним в школе, и, похоже, он воспроизводит то, что наблюдал или даже испытывал на себе дома. Чтобы влияние опыта, полученного в ранние годы жизни, ослабло, требуется много времени. Школа должна это понимать, если хочет контролировать его поведение. Как правило, Рис теряет над собой контроль на очень короткий период времени, затем он сильно раскаивается, а потом может вообще забыть, как будто ничего и не было. Необходимо свести к минимуму ситуации, в которых Рис может сильно расстроиться. Особенно это касается занятий в классе. Рис понимает, что отстаёт от своих одноклассников и в академическом, и в социальном плане. Необходимо избегать ситуаций, которые это подчеркивают. Кроме того, Рис тяжело воспринимает всё новое, поэтому любые изменения должны сводиться к минимуму и производиться постепенно.

Она остановилась и посмотрела на нас. Я подумала, что, по крайней мере пока, она попадает в точку. Она очень точно и

лаконично описала ситуацию Риса. Еще я подумала, что пока ещё не прозвучало никаких предложений по переводу в специальную школу.

- А теперь к результатам тестирования, – продолжила психолог. – Я не буду описывать каждый график, только обрисую общую картину. Здесь показаны результаты тестов на проверку когнитивных способностей, вербальные и невербальные проявления. Все результаты ниже, чем у обычного ребенка этого возраста. Как вы можете увидеть, невербальные проявления когнитивных способностей развиты лучше, вероятно, это может быть связано с его задержкой в развитии речи. И хотя результаты ниже средних, они не достаточно низкие, чтобы определять его в специальную школу. По некоторым тестам он набрал больше 80%, к тому же проявляет способности к обучению. С тех пор, как Рис живет с Кэти, он значительно развил навык чтения. Как мне сообщил его соцработник, он расширил свой словарь с одного слова до сорока пяти.

Я кивнула и была очень приятно удивлена, что она приводит эту информацию. Это значило, что хоть Джейми и не отвечает на мои письма, он их читает и вносит важную информацию в личное дело Риса.

- Я надеюсь, что успехи, которых Рис добился дома, – продолжила она, – скоро отразятся и на его школьной жизни. На данный момент у меня всё, но я бы с удовольствием обсудила возможные стратегии по работе с Рисом в школе.

Она остановилась. В комнате повисла тишина. Все поняли, что итог её речи таков: Рису не требуется специальная школа, он остаётся. Наконец директор, председательствующий на этом собрании, поблагодарил психолога и спросил, не хочет ли кто прокомментировать её выступление.

- Да, – начал говорить директор, глядя прямо на психолога, – образовательные способности Риса позволяют ему учиться в обычной школе, но его проблемы с поведением – нет. Поэтому мы не можем оставить его.

Джон, представитель образовательного департамента, сказал:

- В нашем графстве есть одна-единственная спецшкола, предназначенная для детей, испытывающих серьезные трудности в обучении. Одно время были спецшколы и для детей с эмоциональными расстройствами, и с проблемами в поведении, но, согласно новой государственной политике, все дети с лёгкими и средними формами образовательных затруднений обучаются в обычных школах.

- А если проблемы с поведением? – снова спросил директор.

- Всё равно, – сказал Джон. – Обычная школа и поддержка ассистента учителя.

- Так вы говорите, – вставила школьный координатор по специальным образовательным потребностям, – что в данный момент нет школы, подходящей для Риса?

Джон посмотрел на неё.

- Нет, я говорю, что сейчас не существует спецшкол для детей с эмоциональными расстройствами и проблемами с поведением, а такие дети, как Рис, обучаются в обычных школах при поддержке ассистента учителя. Это практика не только нашего графства – многие другие тоже упразднили такие спецшколы. Их осталось всего ничего, ближайшая примерно в ста километрах отсюда. Мы точно не будем заставлять ребенка наматывать по 200 километров в день, особенно если учесть, что для Риса в этом нет необходимости.

Обстановка накалялась, все начали говорить одновременно.

- Похоже, что для Риса это вопрос частного мнения, – заявил директор.

- Это просто смешно, должны быть специальные школы, – добавила завуч.

- Но ему такая не требуется, – снова произнесла психолог.

Я понимала, что этот спор абсолютно не имеет смысла – психолог ясно дала понять, что не рекомендует посещение специальной школы, но даже если бы это было не так, Риса не отправили бы в школу в такую даль от дома. Я переглянулась с миссис Моррисон и второй ассистенткой учителя, миссис Кертис. Они, как и я, молчали и слушали.

- И что нам делать? – спросил директора. – Совершенно очевидно, что Рис не может у нас обучаться. Мы пытались, но ничего не выходит.

Мистер Паркс, государственный консультант по управлению поведением, сказал, что готов приходить каждую неделю и учить сотрудников возможным стратегиям работы с поведением Риса. Директор сразу высказал свои сомнения относительно того, что это работает. Психолог добавила, что отделение Риса от других детей только усиливает его фрустрацию и чувство отчуждения.

- Он же опасен! – сорвался директор. – Что вы прикажете делать? Вы, похоже, забываете, что он нападает на сотрудников и учеников и портит школьное имущество! Я такого не потерплю.

- Дома он так себя не ведет, – сказала я, почувствовав, что

директор слишком уж преувеличивает и что пора уже и мне подать голос. – Я подтверждаю, что дома его поведение очень быстро стабилизировалось, после нескольких недель его проживания, и у нас не было ни одного инцидента.

- Возможно, какие-то ваши методики можно применить и в школе, – предположил Джон. – Как вы контролируете его поведение?

- Самое главное – строгие и четкие границы, – сказала я. – Я поощряю хорошее поведение и наказываю за плохое. Рис хочет поступать правильно, он просто не всегда знает, что такое «правильно». Он не очень уверен в себе, поэтому очень хорошо отзывается на похвалу и поддержку. Из-за его проблем с обучаемостью мне часто приходится повторять по нескольку раз самые простые вещи, но с поведением проблем нет.

Я остановилась, и все посмотрели на директора, который явно хотел что-то сказать.

- Дом и школа – разные вещи, – рявкнул он.

- Да, – согласилась психолог. – Но тот факт, что Рис хорошо реагирует на воспитание дома, говорит о том, что и в школе это возможно. Если бы Кэти сказала, что не может справиться с ним дома, вот тогда бы я волновалась. И я верю, что изменений в поведении Риса можно добиться не только дома, но и в школе.

Затем психолог и мистер Паркс дали миссис Моррисон и мисс Брум несколько дельных советов о том, как справляться с ситуациями, когда Рис впадает в грусть или в ярость.

- Нам потребуется дополнительное финансирование, – вставил директор.

- У вас и так максимум, – сказал Джон. – Есть средства на полную ставку ассистента учителя, включая рабочее время в обед и на переменах. Вы в курсе, что на Риса сейчас выделяется больше средств, чем на любого другого ребенка в нашем графстве?

Директору ответить было нечего. Я подумала, что, может быть, эти средства расходуются не совсем правильно и, если распределить их по-другому, эффект будет лучше. Ну, то есть, хоть какой-нибудь эффект – будет.

Джейми тоже подумал об этом и предложил директору задействовать больше персонала.

- Чтобы вся нагрузка не лежала на одной миссис Моррисон, – сказал он, что почти полностью совпадало с тем, что говорила мне судебный опекун-представитель Риса. Я, как и в начале собрания, подумала, почему её нет, ведь она обещала присутствовать на собрании.

- На самом деле я прекрасно понимаю, что заниматься с Рисом, учитывая его трудности, довольно тяжело, ведь приходится снова и снова повторять одно и то же, – сказала я, и психолог со мной согласилась. – Венди Пэйн, его представитель в суде, хорошо осведомлена о его потребностях. Она очень активно ведёт его дело и серьёзно обеспокоена его проблемами в школе. На самом деле, я удивлена, что её здесь нет.

Все посмотрели на секретаря, ведь именно она была ответственной за рассылку приглашений.

- Мы не знали, что она захочет присутствовать, – сказал директор. – Честно говоря, у нас даже нет её контактных данных.

Директору следовало бы знать, что на собрания подобного рода необходимо приглашать и судебного представителя. Школьный секретарь могла бы позвонить соцработнику и взять у него контакты. Джейми открыл мобильный и продиктовал номер и адрес почты, это включили в протокол.

- Может, отправить ей копию протокола? – предложила я, и это тоже записали.

Следующие двадцать минут мы ходили по кругу: директор повторял, что Рису не место в обычной школе, а Джон из департамента образования твердил, что альтернативы нет.

- Я так понимаю, что Рис может вернуться к нам осенью? – спросил директор.

Джейми кивнул и повторил то, что уже говорил на прошлой встрече – решение о дальнейшей судьбе Риса примет судья на слушании 14 сентября, но на исполнение судебного решения может уйти несколько месяцев, поэтому первую четверть Рис точно будет учиться в этой школе. Я подумала, что, поскольку шло самое начало четвёртой четверти, директор просто не может больше топтаться на месте и ждать, пока всё рассосётся само собой. Похоже, это, наконец, дошло и до него.

- Хорошо, – сказал он. – Я созову своих сотрудников на отдельное собрание, и мы разработаем общую стратегию по контролю за поведением Риса. Мистер Паркс, нам понадобится ваша помощь, – мистер Паркс кивнул. – Мы назначим дату после этого собрания.

После небольшой паузы завуч спросила:

- Остались ли еще вопросы для обсуждения?

Она посмотрела на часы, я последовала ее примеру. Мы сидели уже два часа. Некоторые из присутствующих не выступали – обе ассистентки учителя и школьная медсестра. Завуч спросила, не хотят ли они что-нибудь добавить. Они отказались, но отметили, что эта встреча была для них очень

полезной.

Перед тем как завуч объявила собрание закрытым, директор сказал «последнее слово».

- Мы будем стараться применять новые стратегии и использовать для этого все наши ресурсы, но если и это не поможет, то я буду вынужден исключить Риса насовсем.

- Я уверен, что это не понадобится, – быстро вставил Джейми. – Если команда по контролю за поведением сработает как надо. Но если Риса исключат, то судья захочет услышать объяснения. И я думаю, мистер Фитцджеральд, вы блестяще справитесь с этой задачей.

Директор явно понял, к чему клонит Джейми, и побелел. Мне было его почти жаль, и я, может быть, пожалела бы, если бы он не был с самого начала так настроен против Риса.

Собрание закончилось, и я ушла со смешанными чувствами. С одной стороны, Рис был оправдан психологом, но, с другой стороны, Рису придется ходить в школу, где ему не рады. Я сомневалась, что для Риса что-то изменится, но у него хотя бы появился ещё один шанс.

Глава 17: Тучи сгущаются

Риса продолжали «учить» отдельно от класса, и он всё больше грустил и злился. Несмотря на пересмотр его образовательных потребностей и обещанные изменения, по сути все осталось так же, как было. В конце каждого дня я спрашивала миссис Моррисон или миссис Кертис (иногда часть дня с Рисом занималась она, она же была с ним в обеденное время), был ли Рис сегодня в классе с остальными детьми. И каждый раз получала ответ: «Нет, ещё рано, но мы работаем над этим». Риса не учили ничему новому – просто развлекали и отвлекали его всеми возможными способами в столовой, которая по-прежнему служила ему классной комнатой. Я не винила ассистентов – это было не их решением. Иногда им было так же грустно от всего этого, как и Рису, да, собственно, как и мне. Я думаю, негласно все мы согласились бы, что было бы куда больше пользы, если бы Рис вообще не ходил в школу, а оставался со мной. По крайней мере, он был бы счастлив и мог хоть чему-нибудь научиться.

Рис не только не учился в школе новому, он стал забывать то, чему научился со мной. Его позитивный настрой исчез бесследно. Когда я будила его по утрам в школу, он просто не хотел вставать, а на занятиях даже карандаш не желал брать в руки. Ассистенты либо читали ему книжки, либо давали раскраски – что угодно, лишь бы время шло, а он был чем-то занят. Да, у Риса были трудности с обучением, но он не был дураком. Поэтому, когда ему надоедало сидеть одному в столовой, он просто опрокидывал пару столов или махал кулаками, что тут же давало ему желаемый результат. Мне звонила секретарь, просила немедленно приехать и забрать его, что я и делала. Я больше не просила оформлять официальное отстранение – это было бесполезно. Я поняла, что ничего не изменится, а директор все-таки умудрился сделать невыполнимое: он просто тянул резину, пока Рис не покинет мою семью, а следовательно, и школу.

Пришли майские праздники, а это целая неделя без школы и передышка для всех нас. Мы старались не упускать тёплые деньки и очень много гуляли в парке. Венди Пэйн заезжала проведать нас и очень сожалела, что её не пригласили на собрание, но сказала, что вряд ли могла бы много добавить, поскольку доклад психолога был достаточно точен. Ещё меньше ей понравилось, когда я рассказала, что, несмотря на все разговоры, ничего не поменялось и, по сути, с Рисом просто

нянкались, а не обучали его. Я добавила, что совершенно растеряна и не знаю, что с этим можно поделать. И начала уже винить себя в том, что тоже тяну кота за хвост и как будто жду, когда Рис от нас уедет, ведь только тогда он сможет нормально учиться.

Она сказала, что позвонит директору и попробует «покапать ему на мозги», но согласилась, что мы мало что можем поделать в данной ситуации, ведь перемена школы может занять несколько месяцев. Рис был в школе, как и постановил судья, все последующие изменения были в зоне ответственности департамента образования, а они сделали свой выбор и отказывались что-либо менять. Если бы Рис был моим родным ребенком, то я бы давно начала искать другую школу, а он бы пока посидел дома. Но судья совсем не обрадуется, если я просто перестану водить Риса в назначенную школу. Я знала, что у нас в районе есть школы, которые намного лучше справлялись с удовлетворением специальных потребностей, но как временный опекун Риса я не могла ничего поделать. Венди спросила, как Рис вел себя дома, я подтвердила, что все отлично, кроме огромной сгущающейся над нами тучи в виде школы. Она сказала, что тетя Риса официально подала прошение о передаче ей родительских прав в случае, если на финальном слушании судья постановит, что Рис не вернется к родителям. Сейчас она проходила оценку в службе опеке, и хотя она уже и воспитывала Лизу, сводную сестру Риса, необходимо было понять, сможет ли она справиться с особыми потребностями Риса.

Венди также спросила, как часто заезжал Джейми. Я ответила, что он не приезжал вообще, но мы встречались на собраниях, и я регулярно отправляла ему отчеты. Она сказала, что этого недостаточно, ведь он должен был приезжать как минимум раз в шесть недель, что я и так знала. Как знала и то, что у них достаточно напряженные отношения, это и понятно: они были противоположностями. Венди активна и прямолинейна, Джейми задумчив и расслаблен. Однако я не хотела присоединяться ни к одному из лагерей, поскольку понимала, что и Венди, и Джейми работают в интересах Риса, просто у них разные методы. Венди немного поиграла с Рисом в саду и ушла, пообещав, что поговорит с директором и Джейми, и затем перезвонит мне.

В июне снова начались занятия в школе. Остаток летней четверти был долгим – целых семь недель, вселявших в меня ужас.

В первые три недели мои страхи оправдывались – поведение Риса было все хуже и хуже. Он кричал и ругался на ассистентов, переворачивал столы, перестал есть обед в школе, а по ночам стал мочиться в постель, чего никогда не бывало. Затем он ударил миссис Кертис, и его отстранили до конца недели. Я сделала ему выговор, объяснив, почему так нельзя поступать. Он сказал, что ему очень жаль и что он извинится перед миссис Кертис.

- Ты уже извинялся, Рис! – сказала я. – Когда извиняешься, это значит, что больше так делать не будешь, а ты всё продолжаешь! Поэтому твои извинения ничего не значат.

- Прости, Кэти, – сказал он и, сильно загрузив, добавил. – Меня отправят к маме?

Я на секунду замерла. Я уже объясняла Рису, почему он на опеке (он отнесся к этому с пониманием) и что после финального слушания судья решит, с кем он будет жить, пока не повзрослеет. Но мы, по сути, не обсуждали никаких возможных вариантов или их последствий. Теперь нужно было очень серьезно подумать, что же сказать. Я не могла решать за судью, но нужно было рассказать о наиболее реалистичных вариантах. Я также не могла упоминать о его тёте, поскольку решения по ее кандидатуре еще не было.

- Рис, – сказала я, присаживаясь рядом с ним на детский стульчик в нашей игровой комнате. – Помнишь, мы говорили про судью? Ты помнишь, что это очень умный человек, который принимает решения для разных детей?

Он кивнул.

- Судья будет стараться сделать так, что, пока ты будешь маленьким, о тебе будут хорошо заботиться.

Он снова кивнул.

- Рис, я не знаю, какое решение примет судья, но скорее всего ты не будешь жить с мамой и папой, по крайней мере, пока не вырастешь. Дома были разные проблемы, и о тебе не всегда хорошо заботились.

- Я знаю, Кэти, – тихонько сказал он.

- Поэтому я думаю, что судья найдет тебе особенных опекунов, которые смогут хорошо о тебе позаботиться, ведь ты очень особенный мальчик.

Он посмотрел на меня, и его огромные карие глаза стали еще больше.

- Кэти, я – особенный мальчик?

- Да, это так.

- И у меня будут особенные опекуны?

- Да, дорогой.

- Особенности, как ты?

Я улыбнулась и проглотила комок, подступивший к горлу.

- Может, как я, а может, тебе найдут дом, где у тебя будет еще и папа.

- У меня будет новый папа?

- Можно и так сказать.

- Это хорошо, – сказал он непринужденно. – Я буду его любить!

И хотя Рис никогда не казался мне особо привязанным к родителям (особенно к матери) и рассматривал встречи с ними просто как шанс выпить газировки, которую я запрещала, он необычно легко воспринимал опеку и своё возможное будущее. Очень часто бывает так, что если дети поживут какое-то время вдали от родителей, то даже если они не были сильно к ним привязаны, забывают все плохое, что было дома, и начинают очень скучать. Но не в этом случае: Рис никогда даже не упоминал о родителях, за исключением тех случаев, когда его мать наказывала ему передать мне очередную угрозу.

- Может, ты хочешь ещё что-то спросить?

Он задумался.

- Мама придет в школу, как и в другие?

- В смысле, в твою нынешнюю школу?

Он кивнул.

- Нет, она не знает, в какую школу ты ходишь, – по крайней мере, я на это надеялась. До сих пор её ни разу не видели у ворот.

- А судья ей не скажет? И не отправит меня к ней? – спросил Рис.

- Нет, он точно не скажет, и я уверена, что не отправит тебя домой.

- Хорошо, Кэти, – сказал он и подскочил к ящику с лего. – Это очень хорошо. Спасибо, что ты мой опекун. Я тебя люблю.

- Я тоже очень тебя люблю, милый.

Я не знаю, что повлияло на Риса: то ли уверенность в том, что его мама не придет в школу и не натворит там бед, то ли спокойствие за то, что его не отправят домой, но после этого разговора его поведение в школе изменилось как по волшебству.

Когда в следующий понедельник мы вернулись в школу, Рис извинился перед миссис Кертис. Он сказал, что ему очень стыдно и что он больше так не будет. Слышавшая подобные извинения уже много раз миссис Кертис не восприняла их всерьез, впрочем, как и я.

Но когда в конце дня я забирала Риса у миссис Моррисон, она рассказала, что он не только хорошо вел себя после обеда с ней, но и с миссис Кертис утром. Мы обе похвалили Риса, а миссис Моррисон в шутку спросила, чем таким я его накормила. Я, в свою очередь, всерьез задумалась, уж не заболел ли он. Но следующий день тоже прошел без инцидентов, и Рис даже позанимался письмом и арифметикой, так что мы стали думать, что это не случайность и он действительно встал на путь исправления. В пятницу, после пяти дней, когда Рис не только хорошо себя вел, но и старательно занимался, миссис Моррисон сказала, что поговорит с директором насчет того, чтобы начать постепенно возвращать его к групповым занятиям.

- Да, будьте так добры, – сказала я миссис Моррисон, а затем обратилась к Рису, стоящему рядом и внимательно слушающему. – Молодец! Отличные новости, правда?

Рис зарделся и так яростно закивал головой, что я подумала: если миссис Моррисон не удастся уговорить директора, то я пойду к нему сама. Рис доказал, на что способен, и был достоин награды за свои труды.

Тем не менее, мне не пришлось идти к директору, так как утром понедельника миссис Кертис подтвердила, что Рису дают шанс позаниматься в классе. Миссис Моррисон в конце дня рассказала, что он провел в классе целый час, старательно занимаясь вместе с Троем, который, как и многие дети в этом возрасте, быстро его простил и забыл старые обиды.

В течение недели час увеличился до всего послеобеденного времени, и в пятницу, когда я приехала за Рисом, в приемной была не только миссис Моррисон и он, но ещё и директор.

- Не волнуйтесь, миссис Гласс, – сказал он вместо приветствия, увидев, как побелело мое лицо. – Он ничего плохого не сделал. И даже наоборот.

Директор отвел меня в сторонку, и пока миссис Моррисон и Рис разглядывали рисунки на стенах, спросил:

- У вас изменилось что-то дома?

- Нет, ничего, – сказала я. – Разве что Рис теперь имеет более четкое представление о будущем, он знает, что, скорее всего, не вернется к родителям и что его мать не явится в школу со скандалом.

- И это всё?

- Да.

- Ну, что-то в нем изменилось. Я уже и не думал, что это возможно.

И тут меня посетила очень неприятная мысль.

- Мистер Фитцджеральд, я думаю, Рис так себя ведет, потому что я его успокоила. Но уже совсем скоро финальное слушание в суде, и страсти могут накалиться. Если судья заключит, что Рис не вернется в семью, Трейси будет больше нечего терять, и она может явиться в школу. Если она придёт, вы можете сделать так, чтобы ее выдворили, а Рис ничего не узнал? Очень важно, чтобы школа оставалась для него безопасным местом.

- Да, конечно, – согласился он. – Мне понадобится её фото, чтобы я мог предупредить сотрудников. У вас есть?

- Нет, но можно попросить у соцработника, у него должна быть. Хотя, судя по моему опыту общения с Трейси, вы услышите ее еще до того, как увидите.

До самого конца четверти у Риса были одни успехи. Постепенно, во многом благодаря работе ассистентов, он вернулся к нормальной школьной жизни. Он обедал в столовой и играл на детской площадке. Иногда всё ещё приходилось просить его быть потише и немного успокоиться, но в его поведении больше не было ни злобы, ни агрессии. Другие дети быстро перестали бояться его. За три дня до окончания четверти дети показывали небольшую пьесу, и в школу приглашали родителей и опекунов. Рису дали строчку со словами, распечатанную на карточке, он быстро выучил её наизусть. Как и я, и Пола, и Люси, поскольку каждый вечер мы повторяли: «и с севера подул волшебный ветер, уносящий прочь всю грусть и печаль». Я не знаю, подобрали ли ему строчку специально, или же просто так совпало, но она отлично описывала то, что произошло с Рисом в последнее время, словно магический ветер унёс всю его агрессию и печаль.

Утром в день премьеры пьесы я гордо сидела в зале вместе со всеми остальными родителями и опекунами и глотала слезы, увидев Риса на сцене. Он был одет в белый плащ, так как изображал ветер. Он посмотрел мне прямо в глаза и самым громким своим голосом (всех детей просили говорить погромче) выдал свою строчку без запинки: «и с севера подул волшебный ветер, уносящий прочь всю грусть и печаль». Я быстренько щёлкнула его на фотоаппарат, хотя фото мне не понадобится – этот момент и так навсегда останется в моем сердце.

А в качестве вишенки на торте, когда приехала домой, я увидела там Эдриана, моего сына, который приехал из университета на каникулы.

- Сюрприз! – закричал он, увидев меня.

Я знала, что он приедет, но не знала, когда именно. Мы обнялись, я подождала, пока он разгрузит машину. Он сдал на

права в январе и по телефону рассказывал мне, что на свои мелкие подработки купил себе старенький «Рено».

- По шоссе не сильно гнал? – спросила я. Теперь, зная, что он «на колесах», я постоянно мучила себя волнениями.

- Да не волнуйся, больше ста она и не вытянет, – засмеялся сын.

Хоть мы и разговаривали каждую неделю по телефону, я не видела его с самого Рождества, поскольку на пасхальные каникулы он с друзьями ездил в Испанию. Было так странно видеть этого здорового парня в доме. Он был под два метра ростом, широкоплечий, как его отец, казалось, что куда бы в доме он ни пошел – займет целую комнату.

Забирая Рису после школы, я рассказала ему, что он наконец встретит Эдриана, и восторгом не было предела. На остаток вечера Эдриан обзавелся хвостиком, который следовал за ним повсюду, пока он не поехал на встречу со школьными друзьями.

- Вы идёте в бар? – спросила я его, когда он зашел в гостиную попрощаться.

- Наверное, а что?

- Не садись пьяным за руль, хорошо?

- Ну мааам, – вздохнул он, и я быстренько замолчала.

У Люси, Риса и Полы закончилась четверть. Было здорово, что все дети были дома, но еще лучше было отсутствие страха за Рису перед новой четвертью, как было на прошлых каникулах.

Я не запланировала на лето никаких поездок, поскольку Рису надо было по-прежнему ходить на встречи. Я не смогла найти ни одного варианта, куда бы можно было поехать летом на такой короткий срок, поэтому сказала девочкам и Эдриану (если тот захочет присоединиться), что после финального слушания, когда количество встреч по крайней мере уменьшится, мы все вместе съездим за границу, возможно, на осенние каникулы. Если Рис всё ещё будет с нами, я попрошу Джейми (на тот момент он будет иметь полные родительские права) оформить ему паспорт. Мы могли бы поехать и без Риса и оставить его временным опекуном, но у него так много всего поменялось за последний год, что я не стала рисковать и помещать его в стрессовую ситуацию. Девочки меня поняли. В любом случае, девочки и Эдриан собирались часть каникул подрабатывать, а в свободное время мы будем обязательно выбираться погулять.

В гости заезжала Джилл, и была очень рада, что Рис так

успешно закончил последнюю четверть. Джилл, как и мне, было интересно, действительно ли это был результат нашего с ним разговора, который укрепил его чувство безопасности, но мы никогда не узнаем этого наверняка. Джилл сказала, что Джейми закончил отчет для суда, и я могу прийти в его офис и почитать. Он думал, что мне следует с ним ознакомиться, поскольку там много очень важной новой информации, которая может помочь мне в воспитании Риса. После того как Джилл ушла, я сразу позвонила Джейми и договорилась прийти к нему в офис.

- Впервые история этой семьи описана так подробно, – сказал он мне по телефону. – Я составил отчет на основании пяти разных файлов, собранных по всему графству. Куча времени ушла. Я сразу предупрежу – чтение не очень приятное. Но многое объясняет.

Я поблагодарила его и попросила Люси и Полу пару часов приглядеть за Рисом, они с радостью согласились. В итоге оказалось, что фраза «чтение не очень приятное» была огромным преуменьшением!

Глава 18: Порочный круг

Два дня спустя я сидела у стола Джейми и читала его отчет, а он уже в третий раз говорил по телефону с Трейси, хотя было всего 10:30. Я особо не отвлекалась, только слышала, что он пытается её успокоить – «Я понимаю, Трейси... Да... Обязательно... Да... Мне сказали... Нет... Я понимаю...». Его мягкий тон и расслабленная манера речи сделали свое дело и немного ее успокоили. Через десять минут я услышала, как он попрощался с ней, вздохнул и опять застучал по клавиатуре.

Я так и не поднимала глаз, переворачивая страницу за страницей. Это было ужасно, отвратительно и тошнотворно. В основном отчет касался Риса, но Джейми использовал всю информацию, которую собрал, чтобы описать контекст максимально полно и представить подробную картину всей семье судьбе.

Там были выдержки из отчетов, сделанных 17 лет назад, когда Трейси впервые попала в поле зрения соцопеки. Шэрон тогда был всего год. В то время опека сомневалась, сможет ли Трейси справиться с воспитанием ребенка в одиночку, и поэтому держали её на контроле. Уже тогда отмечалось, что Трейси вела себя агрессивно по отношению к специалистам, которые пытались ей помочь. Отца не было, а Трейси утверждала, что он никогда не видел ребёнка и даже не знал о его существовании. В это время она также сообщила соцопеке, что её родной отец бил и домогался её с детства и до настоящего времени.

Когда её спрашивали о местонахождении отца и о том, виделся ли он с ней и с Шэрон, Трейси начинала злиться и кидаться на соцработников. Позже соцработник сделал пометку о том, что соседи часто видели отца Трейси. Пока Трейси была ещё подростком, у её матери обнаружили рак, она умерла за два года до рождения Шэрон. Другой соцработник внес в файл отметку, что, поскольку отец растлевал Трейси и часто бывал рядом с их домом, опека опасалась, как бы это не грозило опасностью Шэрон. Однако Трейси отказывалась рассказывать подробности и затем сказала, что не видела отца несколько лет.

В тот момент Трейси уже получала все возможные социальные выплаты и льготы, которые ей полагались, но каждый день ходила в соцслужбу и требовала увеличить помощь. Она приводила с собой Шэрон и кричала, что у неё нет денег, чтобы накормить ребёнка. Часто ребёнка видели без носков или без обуви и в грязной одежде, хотя на одежду Трейси получала отдельные выплаты. Также в отчете отмечалось, что у

Трейси наблюдались трудности с обучением и задержка в развитии.

Социальная служба продолжала наблюдение за Трейси и Шэрон. Когда Шэрон было два года, родился Брэд. Отца опять не было. Но Трейси говорила, что её отец завел новую женщину, и та ей теперь помогала, хотя во время визитов соцсотрудники ни разу не нашли этим словам подтверждения. К этому времени у Шэрон появились признаки отставания в развитии, что подтвердил педиатр. Брэд был очень проблемным ребенком и занимал все внимание Трейси, Шэрон часто оставалась без присмотра, и в возрасте трех лет служба опеки её забрала. С Брэдом всё было нормально, поэтому он остался вместе с Трейси, хотя соцопека продолжала наблюдения. Затем Трейси внезапно переехала, никого не предупредив, и исчезла в неизвестном направлении. Когда в её деле снова появились записи, она была в соседнем графстве, опять беременная. Она потребовала выделить ей жилье, так как на тот момент проживала в дешёвой гостинице. В то же время она снова заявила, что на неё напал отец. В отчёте было указано, что у неё был синяк под глазом и отёк на горле и предплечье.

Ей выделили жильё и продолжили наблюдение, хотя зачастую она не шла на контакт с соцработниками. Одна из соцработниц, которой удалось попасть в дом Трейси, отметила, что с ней, похоже, проживал мужчина. Трейси снова ходила в соцслужбу как на работу, требуя денег. Ей почти каждый раз удавалось получить выплаты. В этот период педиатр осмотрел Брэда и пришел к выводу, что и у него есть признаки отставания в развитии. Когда Брэду было два года, родился Шон, и стало ясно, что Трейси опять не справляется. Брэда забрали на полгода, но затем вернули Трейси, так как она убедила судью, что сможет предоставить ему все условия.

В течение следующего года Трейси, Шон и Брэд находились под пристальным вниманием соцслужбы. Трейси часто ругалась и ссорилась с соцработниками, иногда вообще не впускала их. Она опять заявила, что на неё напал отец, но не стала выдвигать обвинения официально. По-прежнему ходила и выбивала деньги. В какой-то момент Трейси выиграла суд против опеки, и ей вернули Шэрон. Почти полтора года Трейси воспитывала всех своих детей, но затем ситуация опять ухудшилось, и всех троих забрали под опеку.

В это время она сообщила соцслужбе, что ее изнасиловал таксист, и она опять беременна. Обследование показало, что беременность длится уже шесть месяцев. Когда полиция стала

задавать вопросы, Трейси забрала заявление, хотя до этого утверждала, что знает насильника лично. Трейси выдавались дотации на такси, чтобы она могла приезжать на встречи с детьми, и, хотя и полиция, и соцслужба допрашивали сотрудников службы такси, никто не вызвал подозрений.

В то же время у Шона были отмечены признаки задержки в развитии. Трейси сказала, что не хочет оставлять нового ребёнка, потому что у него «дурная кровь», поэтому сразу после рождения Лизу поместили под опеку. Ребёнок развивался нормально, тогда сестра Трейси, которая не испытывала проблем с развитием, была замужем и почти не общалась с семьёй, предложила забрать Лизу. Трейси никогда не виделась с Лизой, продолжая утверждать, что у той «дурная кровь» и «в ней сидит дьявол». Отмечалось, что Лиза успешно развивалась без особых проблем.

Затем, без очевидных причин, Трейси пыталась убить себя, наглотавшись таблеток, но сама же вызвала скорую. В то время у Шэрон, Брэда и Шона по-прежнему отмечались задержки в развитии, и просьбу Трейси вернуть ей детей отклонили, передав на полную опеку в патронатные семьи. Трейси бросила выделенное ей жильё и опять исчезла. Когда она появилась в графстве, то была снова беременна. Ей вновь выделили жильё, и она родила Сюзи, которую ей разрешили оставить, поскольку на тот момент её отец жил вместе с ними. За новой семьёй по-прежнему пристально наблюдали.

Согласно записям, в это время отец Трейси часто появлялся и даже какое-то время жил вместе с ней. Трейси отрицала тот факт, что когда-либо обвиняла его в чём-то, и обвинила соцслужбу в клевете. Маленькая Сюзи тоже отставала в развитии. В отчёте появился вывод о том, что это генетическая предрасположенность, передававшаяся по линии Трейси, ведь у всех детей были разные отцы. Необычные передние зубы Трейси, передававшиеся всем детям, тоже расценивали как доминантный ген. Отец Сюзи всё ещё жил вместе с Трейси, хотя довольно часто куда-то пропадал.

Трейси родила еще одну девочку, но та умерла в младенчестве. Двумя годами позже родился Рис. В то же время отец Сюзи бросил Трейси, заявив, что Рис – не его ребенок. Перед этим Трейси несколько раз вызывала полицию, обвиняя отца Сюзи в нападении, но официального заявления так и не подала. Полиция отметила, что в доме находились еще двое мужчин, Трейси говорила, что это её отец и отец Риса. После того как отец Сюзи съехал, он пропал и больше не выходил на

контакт. Педиатр подтвердил, что Сюзи отстает в развитии, как и Шэрон, Брэд и Шон. Он также отметил, что ей потребуется обратиться к ортодонту, когда она станет постарше.

Когда Рису был год, а Сюзи – три, отец Риса, Скотт, переехал в их дом. Несмотря на то, что у Скотта была судимость, соцслужба решила, что от него будет больше пользы, чем вреда, так как он хорошо относился и к сыну, и к падчерице. В это время у Риса обнаружили признаки задержки в развитии. Скотта дважды сажали в тюрьму по обвинению в нападении, но Трейси регулярно навещала его, за семьей по-прежнему следила соцслужба.

Когда Скотт вернулся из тюрьмы, в доме опять воцарился хаос, к ним регулярно выезжали полицейские. Трейси снова стала частым гостем в соцслужбе, требовала денег, писала жалобы, оскорбляла сотрудников, иногда нападала. У соцслужбы возникли опасения относительно ее психического здоровья, но она отказывалась приходить на встречи с психологами. В это время в отчетах стала появляться информация о том, что тюремные друзья Скотта часто оставались у них дома, один из них отбывал срок за педофилию. Ситуация в семье сильно ухудшилась, за детьми почти не ухаживали, они стали появляться в школе с синяками и ссадинами. Когда Сюзи сказала своему учителю, что «папочка делал с ней неприличные вещи», ее и Риса забрали из семьи.

Я дошла до настоящего времени, остановилась и откинулась на спинку стула. Оставалось ещё несколько страниц, но я уже была полностью истощена. Прошёл час. Я посмотрела на Джейми – он опять говорил по телефону с Трейси. Я слышала, как она кричит и матерится, а он всё так же пытается её успокоить. Я размяла шею и плечи и вернулась к чтению. Такого заключения я не ожидала.

После того как Риса и Сюзи забрали под опеку, Скотта арестовали. Он всё отрицал. Признался, что шлепал ее по попе, как и Риса, когда они плохо себя вели, и подтвердил, что в дом ходил педофил, но, по его словам, тот «полностью излечился». Он также добавил, что растлителя стоит видеть в другом человеке. Он также заявил, что не является Рису отцом, во что я могла поверить – когда я впервые увидела его, то была шокирована, насколько они не похожи, но тогда я списала всё на доминантные гены Трейси.

Я продолжила читать, пока Джейми успокаивал Трейси по телефону, и увидела, что мое предположение про доминантные гены в принципе верно, но всё оказалось много хуже, чем я

могла предположить, и просто не укладывалось у меня в голове. Скотт сообщил полиции, что отец Трейси напал на Сюзи, а вероятно, и на других детей, пока те были дома. Хуже того, он заявил, что отец Трейси также был отцом Шэрон, Брэда, Шона, Сюзи и Риса. Инцест между отцом и дочерью привёл к рождению пяти детей.

Я смотрела на напечатанные слова и несколько раз их перечитала, отказываясь верить своим глазам. Голос Джейми вдруг отдалился, я сидела и пялилась на бумаги передо мной. Несмотря на то, что заявления Скотта не были подтверждены, они походили на правду. Все пятеро детей выглядели идентично, как будто у них не было никакого генетического отличия, что, если верить Скотту, является правдой. Это отчасти подтверждает и тот факт, что в свидетельствах о рождении у всех детей стоит прочерк в графе «отец». Только у Риса в качестве отца указан Скотт, поскольку тот какое-то время верил в свое отцовство, но, очевидно, уже в этом разубедился. Человек, который считался отцом Сюзи, какое-то время жил с Трейси, а затем уехал, разорвав все контакты. Может быть, он тоже понял, что он не настоящий отец? К тому же Трейси множество раз подавала на своего отца заявления в полицию, хоть потом и забирала их. Под его давлением?

- Боже мой! – воскликнула я, как только Джейми наконец повесил трубку. – Отец детей - их же дедушка!

Джейми медленно кивнул.

- Я знаю, – сказал он. – Хотя доказать это будет непросто. Сюзи все еще допрашивают, но она очень боится Трейси. Трейси недавно запретили видеться с дочерью, поскольку, похоже, она знала, что дед домогается Сюзи, как когда-то приставал к ней самой. Возможно, Трейси даже участвовала в этом.

Я скорчилась, у меня скрутило живот. Патронатного опекуна не так-то просто удивить, но я была в шоке.

- Сюзи теперь говорит, что был другой «папочка», который ее обижал. Старший папочка. Мы знаем, что Трейси зовет своего отца «папочка», так что все складывается.

- Отец Трейси приходится отцом всем ее детям? – спросила я, не в силах поверить в это.

- Кроме Лизы, – сказал Джейми. – Безумие, но, похоже, Трейси отвергла ребенка из-за того, что у нее чужие гены. Мы не знаем, кто отец Лизы, но это точно не отец Трейси. У Лизы нет задержки в развитии, она совершенно не похожа внешне на остальных детей. Трейси за нее совершенно не боролась – она не воспринимает ее как «семью».

Я молчала, пытаюсь всё это переварить. Глубоко вздохнула, чтобы как-то ослабить спазм в животе.

- Отец Трейси исчез, – продолжил Джейми. – И Трейси отказывается говорить, где он, – он сделал паузу. – Кэти, не говори пока Рису, но Трейси заявила, что снова беременна.

- Опять от отца?

Джейми пожал плечами.

- Не знаю. Но похоже на то. Скотт утверждает, что так и есть.

Глава 19: Нормальная семья

Я ехала домой почти на автопилоте, мои мысли были далеки от мигающих при переключении передач и торможении огоньков на приборной панели. Существуют устойчивые физиологические причины табуирования инцеста – он ведет к передаче и укреплению генетических отклонений. Лизе удалось избежать трудностей с обучением, задержки в развитии и внешней схожести с семейством Трейси лишь потому, что эти гены были подавлены генами другого человека. Но меня больше волновали не физиологические аспекты того, что я узнала, а разрушение состава семьи. Структура семейной жизни, на которой строится наше общество, была попраана и изувечена. Если заявления Скотта (и самой Трейси) были правдивы, это значит, что она подвергалась насилию с самого детства, это почти стало нормой её жизни, возможно, Трейси выросла, считая это нормой. Чтобы скрыть правду об инцесте, она даже лгала мужчинам, что именно они являются отцами Риса и Сюзи.

Раньше я почти не думала о Трейси, считая, что её агрессия и эгоизм виной всему, что случилось с Рисом и остальными детьми, но теперь мне стало жаль её. Она была такой же жертвой, как и её дети. Учитывая её задержку в развитии и постоянное присутствие отца-извращенца, какие у неё были шансы вырваться из этого порочного круга? Обдумывая то, что я прочла, и сопоставляя с тем, что знала до этого, я видела, что все эти годы Трейси взывала о помощи – подавая и забирая заявления на своего отца, предприняв даже попытку самоубийства, но никто и не подозревал, что за всем этим таится страшный секрет.

Я вспомнила неловкую ситуацию, когда она спросила у меня после встречи на парковке, мою ли я «писюн» Рису. Она сказала это без капли стеснения, как будто это было нормально, ведь для нее инцест был чем-то нормальным. Я пыталась не думать об этом, но мои мысли вели меня к страшному: Джейми упомянул, что, вероятно, она принимала участие в растлении Сюзи, – возможно ли, что та же участь постигла и Риса? Отец с дочерью, дед с внуками, мать с сыном? Когда в семье нет места морали, возможно всё.

Теперь понятно, почему Рис так себя вёл, понятно, почему так боялся, что придётся возвращаться домой или что его мать появится в школе. Хотя мне и было теперь жаль Трейси, это не отменяло того факта, что она была довольно крепкой женщиной. Даже я её побаивалась, что уж говорить о Рисе. Ему 7, у него

задержка развития, он постоянно находится в обстановке сексуального насилия внутри семьи. Неизвестно, что он видел или что делали с ним, – возможно, этого никто никогда так и не узнает. Я давно догадывалась, что за его «не знаю» таится какой-то секрет, но я бы и за миллион лет не догадалась, насколько он страшен.

Я подъехала к дому и заглушила мотор. Какое-то время сидела в машине, уставившись в окно и пытаясь заставить себя выйти. Я уже решила, что не буду рассказывать Люси, Поле и Эдриану о том, что узнала сегодня, в этом не было необходимости. Мы действовали согласно схеме безопасной опеки, так что всё было под контролем, и я не хотела скидывать на их плечи такой груз. Возможно, потом они прочитают об этом случае в газетах, но пока я не хотела тревожить их. Если Рис когда-нибудь вдруг упомянет о том, что творилось у него дома, я разберусь по ходу. Вряд ли Рис знал о том, как были зачаты его братья и сестры, в худшем случае он мог рассказать о том, что видел или о том, что с ним делали.

Я наконец вышла из машины и зашла в дом. Из прихожей я увидела, как Люси и Пола играют с Рисом в саду. Они перебрасывали друг другу большой желтый мячик. Машины Эдриана рядом с домом не было, я решила, что он где-то гуляет. Я прошла в гостиную и какое-то время смотрела через окно, как дети играют. Рис стал намного лучше справляться с мячом, как и со всем остальным в своей жизни. Я знала, что у него и дальше будут понемногу улучшаться все его навыки и что, в отличие от Трейси, у него (и у Сюзи) будет шанс на нормальную жизнь. Можно было только гадать, что же будет дальше с Трейси. Возможно, все останется так, как есть, а может, она наконец обратится за помощью к специалистам и начнет налаживать свою жизнь. Но я сильно сомневалась в последнем варианте, ведь вся ее жизнь была вывернута наизнанку, и сейчас она беременна уже шестым ребенком от своего отца.

- Я дома, – крикнула я, спускаясь в сад. – Все в порядке?

- Да, – крикнули они хором, продолжая сосредоточенно перебрасывать мяч.

Я села на скамейку в тени дерева и наблюдала за продолжением игры. Погода была прекрасная, августовское солнце хорошо пригревало, дул легкий ветерок. Я смотрела, как Рис радостно играет со своими патронатными сёстрами, живя в нормальной семье. Я вдруг подумала, что если по какой-то причине его тётя не сможет забрать его, то я могла бы его усыновить.

Конечно, я должна была бы обсудить этот шаг со своими детьми, еще до того, как обращаться с этим вопросом к Джейми. Это была огромная ответственность с множеством непростых вопросов. Рису сейчас семь, почти восемь, нужно о нём внимательно заботиться следующие лет десять, а с учётом его задержки в развитии, может, и больше. Было неизвестно, сможет ли он когда-нибудь жить полностью самостоятельно, а я ведь с годами не молодею. Кроме того, Рису бы было полезнее жить в полной семье, чего я не могла предложить, хоть Эдриан и мог бы стать для него хорошим примером. Также была и проблема с жильем – мы могли нечаянно наткнуться на Треиси на улице, или она пришла бы к нему в школу, что могло обернуться для нас полной потерей прогресса в развитии Риса. Но я не могла заставить всю свою семью переезжать куда-то только чтобы сбежать подальше от Треиси. Мне пришлось признать, что по всем параметрам тетя Риса подходила на роль постоянного опекуна больше – она намного моложе меня, является его кровной родственницей, живет далеко отсюда и замужем. Думая о том, что было бы лучше для Риса, я надеялась, что его тётю признают подходящей кандидатурой. Но в то же время я надеялась, что этого не случится, и он останется с нами. Я заставила себя отбросить эти мысли.

- Кто-нибудь хочет пойти на пикник? – спросила я.

Не стоило и спрашивать!

После утренних событий стихийный пикник из того, что нашлось в холодильнике, пришелся как нельзя кстати. Мы вчетвером собрались и поехали в небольшой парк, с качелями и прудом с золотыми рыбками. Мы приехали туда к двум часам, сели на траву под огромным дубом и пообедали. Затем Люси и Пола развалились на траве, периодически кидая Рису мячик, который он взял из дома.

- На следующей неделе твой день рождения, – сказала я, наблюдая за катающимся туда-сюда мячом. – Куда ты хочешь пойти?

Я уже придумала подарок, который точно ему понравится, но еще и хотела, чтобы он сам выбрал место для празднования. Я бы могла устроить вечеринку дома, но у него почти не было друзей.

- В Макдональдс! – сказал он, – Я хочу пойти туда и съесть гамбургер и картошку!

Я улыбнулась.

- Выбирать тебе, но я думала, что мы сходим в какое-нибудь особенное место, например, в зоопарк. Там есть небольшая

кафешка, я думаю, мы и там сможем заказать бургер и картошку.

- Зоопарк? С животными? – удивлённо спросил он.

- Да, где-то в часе езды от дома есть зоопарк. Там есть тигр, змеи, страусы, жирафы и много других животных, про которых мы читали в книжках.

Он улынулся и изо всех сил пнул мячик.

- Да, пойдём в зоопарк и поедим там бургер с картошкой!

По пути домой у меня зазвонил мобильный. Пола, сидевшая на переднем сиденье, достала его из моей сумочки и ответила.

- Это Джилл, – сказала она.

- Скажи, что я за рулем. Что-то срочное?

- Мама за рулем, – сказала Пола. – У вас что-то срочное?

Пола послушала и передала мне.

- Не срочное, но она хотела бы с тобой поговорить.

- Хорошо, пусть не вешает трубку, а я сейчас приторможу где-нибудь.

Я не могла использовать гарнитуру, так как Рис был в машине, а я не хотела, чтобы он услышал наш разговор. Я посмотрела в заднее зеркало, нажала на тормоз и остановилась у обочины. Включила нейтральную передачу, но не стала глушить мотор. Пола передала мне телефон.

- Привет, Джилл!

- Кэти, тебе нужно это знать. Трейси только что выгнали из офиса опеки. Она всем угрожала, а напоследок заявила, что знает, где ты живёшь. Джейми думает, что она блефует, просто очень взвинчена, но тебе лучше поостеречься. Хорошо, что сейчас каникулы и не нужно предупреждать директора школы.

- Ясно, спасибо, что предупредила, – больше я при Рисе ничего не могла сказать, да и что было говорить. Я попрощалась, положила телефон в сумку и свернула с обочины обратно на дорогу.

- Красный код, девочки, – сказала я и кивком указала на Риса. Они знали, что я имею в виду.

- Опять! – воскликнула Люси.

- Да, но, возможно, это блеф.

Для тех, кто не знаком с подобными ситуациями – разъяренная и агрессивная женщина, угрожающая прийти к вам домой, – это довольно страшно. По крайней мере, мне было страшно, когда я только начинала работать в системе опеки. А теперь это чуть ли не обыденное дело. «Красный код» – это фраза, которую мы в семье использовали для обозначения подобных ситуаций, и это значило, что нужно будет обязательно смотреть в глазок перед тем, как открывать кому-то дверь, и

внимательно следить за тем, кто находится на улице рядом с домом. Девочки знали, что если к ним кто-то подойдет на улице или если они увидят кого-нибудь рядом с домом, нужно немедленно сообщить мне. Это были обычные меры предосторожности. Действительно опасная ситуация была у нас лишь однажды, когда к нам на порог явился очень пьяный отец с огромным питбулем на поводке. Тогда мне пришлось вызывать полицию.

День рождения Риса прошёл с ошеломительным успехом. Ему очень понравился мой подарок – велосипед, хотя он умудрился пару раз с него грохнуться, несмотря на дополнительные колёсики. Эдриан пошел в зоопарк вместе с нами, а Рис был в восторге от животных, которых он раньше видел только на картинках или по телевизору. Ну и, конечно, кульминацией вечера стали бургер с картошкой в местном кафе и последовавший за ними десерт из мороженого, который он даже не осилил до конца. Когда мы вернулись домой, я зажгла свечи на торт с изображением его любимой мультяшки, мы спели ему поздравительную песенку и еле-еле смогли съесть по маленькому кусочку. Укладываясь в кровать, Рис сказал, что это был самый лучший его день рождения и что он не против устроить ещё один завтра.

- Боюсь, не получится, милый, – сказала я, подтыкая ему одеяло. – До следующего дня рождения ещё год. Но перед ним ещё будут Рождество и Пасха.

- Ладно, Кэти, – сказал он, силясь не закрыть глаза. – Завтра будет Рождество и Пасха, а потом день рождения. Я тебя люблю.

Я улыбнулась.

- Я тебя тоже люблю, сладкий.

В последнюю неделю августа к нам приехала Джилл. Она привезла новости, от которых у меня были очень смешанные чувства. Она сказала, что тетя Риса, Мэй, успешно прошла проверку, и ей разрешат забрать Риса, если судья лишит родителей прав на него. Конечно, соцслужба выражала некоторое беспокойство относительно того, что она могла контактировать со своим отцом, но она яростно это отрицала и настаивала, что не видела его очень много лет из-за того, как он обращался с ней и Трейси в детстве.

В отличие от Трейси, отец не растлевал ее, но жестоко избивал на протяжении всего детства. Мэй сбежала из дома, как только ей исполнилось 16, и горько жалела, что не забрала тогда Трейси, которая была младше неё на 2 года. Тем, что она

подарила любящий дом Лизе, а в будущем – и Рису, она отчасти хотела искупить свою вину за то, что оставила тогда сестру с человеком, которого называла не иначе как «монстр». Мэй с тех пор видела отца лишь дважды – на похоронах матери и еще раз, когда пыталась забрать Трейси, но отец не впустил её и не позволил даже увидеться с сестрой. Мэй также уверяла Джейми и Вэнди Пэйн, что будет соблюдать те условия встреч Риса с родителями, которые назначит судья. Ну и, конечно, Мэй и Рис не столкнутся с Трейси или Скоттом на улице, поскольку они с мужем живут довольно далеко.

Со слов Джилл, тетя Мэй казалась очень приятным человеком, и я стала мысленно готовить себя к разлуке с Рисом, хоть мне и всей моей семье будет от этого грустно. Но, выслушав Джилл дальше, я поняла, что как следует подготовиться времени не будет.

- Джейми и Вэнди считают, что Риса надо будет знакомить с новой семьей сразу после решения судьи. Рису нужно начать налаживать отношения с дядей, тётёй и Лизой как можно скорее.

- Ладно. Понятно. Слушание же 14 сентября?

Джилл кивнула.

- На само слушание отводится шесть дней, судья вынесет вердикт в следующий понедельник. Вэнди хочет, чтобы знакомство началось на той же неделе – 22 или 23 сентября, с расчетом на то, что, если все пойдет хорошо, Рис переедет к ним через пару недель.

- Ясно, – сказала я, – Быстро, однако.

Джилл кивнула и внимательно посмотрела на меня.

- Ты думала, что Рис будет с вами до Рождества? – осторожно спросила она.

- Да, – призналась я. – Ну или хотя бы до осенних каникул, я хотела свозить его за границу.

- Прости, – сказала она. – Это для его же блага.

- Да, я знаю, – сказала я тихо. – Я за него очень рада. Похоже, тетя Мэй – прекрасный человек.

Я не смогла продолжить, потому что из глаз у меня полились слезы.

Глава 20: Семья навсегда

На следующей неделе Рис вернулся в школу, где занимался со всем классом почти весь день. Поскольку начался новый учебный год, они перешли в новую классную комнату, и у них поменялся учитель. В первую неделю Рис очень разволновался от всех этих перемен, поэтому я держала за него пальцы крестиком. Но миссис Моррисон знала, что начало учебного года может быть очень волнительным для него (и Троя), поэтому после обеда она забирала их на час из класса и читала им книжку в тихой комнате. Это помогло – к концу первой недели оба они успокоились и занимались вместе с остальным классом весь день. Помощь миссис Кертис больше не требовалась, поэтому она теперь помогала другому первокласснику.

Директор знал, что финальное слушание состоится через две недели, поэтому спросил меня в первый же день четверти, как обстоят дела с определением постоянного места жительства Риса. Я сказала, что это пока не точно, так как судья не вынес решения, но, скорее всего, Рис отправится к своей тёте. Я не понимала, почему мистер Фитцджеральд так этим интересовался – от Риса не было никаких проблем. Возможно, помяная прошлое, он боялся, что в будущем проблемы могут вернуться. Я же верила в Риса больше и знала, что, поскольку он уверен в том, что в школе безопасно и его не отправят домой, то всё будет хорошо. Если только вдруг Трейси не заявится в школу или к нам домой.

Я не буду скрывать, что чем ближе было слушание, тем больше я волновалась. Каждый раз, когда я выходила из дома или заходила в него, привозила и увозила Риса из школы, я внимательно осматривалась и проверяла, нет ли поблизости Трейси. Сложнее всего было вечером, так как Рис теперь заканчивал учиться вместе со всеми остальными детьми, в 3:20, и на игровой площадке толпились их родители. Джейми не отправил директору фото Трейси, но дал её подробное описание, которое распространили между школьными сотрудниками. Трейси, в общем-то, не могла попасть на площадку за ворота школы, но вполне могла ждать снаружи, а это было бы ничуть не менее травматично для Риса.

Хотя Скотт и Трейси расстались, они остались в хороших отношениях, поэтому Джейми не стал менять условий организации встреч до финального слушания. Поэтому до самого суда дважды в неделю Сабрина приезжала за Рисом. Она рассказала мне, что теперь на встрече присутствуют двое

охранников. Однако на время слушания Джейми отменил встречи, аргументируя это тем, что для Трейси это будет уж слишком, и он опасался, что она будет вымещать на сыне весь свой гнев. Это было достаточно мудрым решением, потому что с самого начала августа она только и твердила о том, какой Джейми «грёбаный предатель», и ждала - а Рис, вопреки ее ожиданиям, с этим не соглашался.

Было странно, что Рис нормально чувствовал себя после встреч, поскольку было очевидно, что Трейси вообще не справлялась с ситуацией и постоянно выходила из себя. Однако Джилл объяснила мне, что за встречами пристально следили сотрудники опеки, и большую часть времени Рис играл со своим отцом. Он умел найти общий язык с «сыном», хотя в основном они просто дрались понарошку. Тем не менее, мне казалось, что это говорит о Скотте как о неплохом человеке: несмотря на то, что он знал, кто настоящий отец Риса, он продолжал видеться с ним и общался как с сыном. Я искренне надеялась, что никто и никогда не расскажет Рису или другим детям правду. Как ребенку жить, осознавая, что он - плод инцеста?

Я объяснила Рису, что встречи пока что отменили, потому что все очень заняты судом. Рис воспринял это без проблем, только спросил, можно ли ему газировки, которую мама всякий раз приносила ему на встречу. Я сомневалась, что газировка с сахаром, кофеином и прочей дрянью была подходящим напитком для ребёнка, но поскольку это было его особенное «угощение», по которому он бы скучал, я купила бутылку и наливала ему по стакану во вторник и пятницу.

В следующий понедельник, когда судья должен был вынести решение, Рис пошел в школу, даже не подозревая о важности этого дня. А я очень волновалась. Как и все, кто был вовлечен в судебный процесс, я практически была уверена в том, какое решение примет судья, но когда в 1:30 мне позвонил Джейми из зала суда, я наконец-то выдохнула. Судья передал полное право опеки соцслужбе, Рис не вернется домой. Суд также одобрил решение передать Риса на постоянную опеку его дяде и тёте. Четырежды в год Рис будет встречаться с родителями, шесть раз в год – с Сюзи и дважды в год - с остальными братьями и сестрами.

Я была довольна решением судьи и по голосу Джейми поняла, что он тоже. Джейми сказал, что сейчас же позвонит тёте Риса, а затем Мари, поскольку дело Сюзи ещё оставалось на рассмотрении, и он хотел сообщить ей, что Сюзи ещё какое-то время побудет у нее. Джейми также сказал, что судья

согласился с тем, что Риса следует начать знакомить с новой семьёй как можно скорее.

- Я думаю, Рису будет тяжело ходить в школу в это время, – сказал Джейми. – Отчасти оттого, что его дядя и тетя живут почти в 200 километрах отсюда. Нужно начать процесс как можно скорее, поэтому завтра в школе вам нужно будет со всеми попрощаться. Я пришлю тебе и его тётё рекомендуемое расписание знакомства и встреч, как только доберусь до офиса. Если что-то вас не устроит – сразу связывайтесь со мной. Вы можете потом созвониться с его тётёй и договориться о точном времени?

- Да.

- Можете ещё рассказать Рису о решении судьи? Он Вам доверяет.

- Да, конечно.

Обычно решение судьи объясняет ребёнку соцработник, но Джейми, попросив меня, признал, что у него не было особой связи с Рисом, и был прав.

Джейми немного помолчал, а затем вдруг спросил:

- Кэти, как у вас сложились отношения с представителем Риса в суде, Венди Пэйн?

- Хорошо, – ответила я. – Она нам очень помогла. А что?

- Она прямо напала на меня на слушании. Сказала судье, что я не справился со своей работой, – он замолчал, ожидая моего ответа.

- Ну, звучит довольно жёстко, – сказала я. – На самом деле, вы действительно могли бы навещать нас чаще. Не думаю, что Рис узнает вас при встрече.

Он еще немного помолчал, прежде чем снова заговорить.

- Это было очень сложное и запутанное дело. Я потратил на него очень много времени, Кэти.

- Я знаю, и вы действительно хорошо потрудились, собрав всю эту информацию и составив отчёт для судьи. Я уверена, что судья был впечатлен. Может, вы сможете чаще навещать Риса, когда он переедет к своей тётё, особенно первое время, когда он только будет устраиваться.

- Замётано, – сказал он.

На этом мы и порешили. Иногда мне казалось, что с социальными работниками мне приходится общаться так же, как со своими подопечными детьми.

Когда я привезла Риса из школы, накормила и отвела в гостиную, где мы сели рядом. Я начала рассказывать ему, что судья решил - ему не нужно возвращаться домой, но он ещё

будет иногда встречаться с мамой и папой, как сейчас, только не так часто. Рис кивнул.

- Есть и ещё новости. Они очень важные, нужно послушать внимательно.

Рис поднял на меня горящий взгляд.

- Кэти, у меня будет ещё один день рождения?

Я улыбнулась и взяла его за руку.

- Нет, милый, день рождения у тебя был совсем недавно, следующий будет в августе следующего года. Но я тебе сейчас скажу ещё более интересную новость.

Я остановилась. То, что я скажу сейчас Рису, во многом повлияет на его отношение к переезду в новый дом и к новой семье.

- У тебя ведь много братьев и сестер?

Он кивнул.

- Есть Шэрон, Брэд, Шон и Сюзи, которую ты знаешь лучше всех, – он кивнул снова. – И у тебя есть ещё одна сестра, которую ты никогда не видел. Её зовут Лиза, ей 12, она почти такая же большая, как Пола и Люси. Она живет с твоей тётей Мэй и дядей Джоном, они все очень хорошие.

- А я их знаю? – рассудительно спросил Рис.

- Нет, пока не знаешь, но мы вместе скоро узнаем их очень хорошо, потому что тетя Мэй, дядя Джон и Лиза хотят, чтобы ты жил с ними. Судья, Джейми и Вэнди тоже думают, что это хорошая идея, потому что твои тётя и дядя сделают тебя счастливым и будут о тебе хорошо заботиться, как я.

Рис притих, я видела, как он пытается всё это переварить. Для ребёнка даже без задержки в развитии это было бы непросто принять.

- А ты думаешь, это хорошая идея? – спросил он.

- Да, милый, они очень хорошие люди, и ты будешь с ними счастлив. Ты будешь часто видеться с Сюзи, иногда с Шэрон, Брэдом и Шоном. Судья сказал, что ты будешь видеться с мамой и папой, но не так часто, потому что тетя Мэй и дядя Джон будут тебе как новые мама и папа.

Рис опять затих, обдумывая всё, что я сказала. Я подумала, что когда он только приехал, он не мог сидеть на месте столько, сколько нужно, чтобы хоть что-то обдумать, не говоря уже о том, чтобы задавать потом такие вопросы.

- Мы с тобой ведь сначала познакомимся с ними, перед тем, как я поеду? – спросил он.

- Да, и начнём знакомиться очень скоро.

- А Лиза моя сестра?

- Да, сводная сестра. Тетя Мэй, дядя Джон и Лиза станут твоей новой семьей навсегда.

- А тетя и дядя хотят сына?

- Да, очень.

- Хорошо. У меня будут новые мама и папа, а у них будет сын. И мы будем жить долго и счастливо.

- Да, милый, прямо как в сказках, которые мы с тобой читали. Долго и счастливо, я обещаю.

Глава 21: Прощаться грустно

Когда на следующее утро мы пришли с Рисом в школу, в приемной нас ждали миссис Моррисон и директор. Они знали о решении судьи и смотрели на меня с ожиданием. Миссис Моррисон хотела отвести Риса в сторону, чтобы мы могли поговорить с директором наедине, но я остановила её: в этом не было необходимости.

- У Риса очень важные новости, – сказала я им.

Я немного сжала руку Риса, чтобы подбодрить его. Директор и миссис Моррисон теперь смотрели на него. Он гордо улыбнулся.

- Я переезжаю. Судья нашел мне семью, мою собственную. Дядя Джон, тётя Мэй и сестра Лиза. Я буду с ними жить долго и счастливо.

Директор и миссис Моррисон опять посмотрели на меня, я утвердительно кивнула.

- Да, всё так.

От заявления Риса было сложно не расчувствоваться, и я увидела, как у миссис Моррисон увлажнились глаза. Она всегда была равнодушна к Рису и очень привязалась к нему за последний год. Директор кивнул.

- Хорошие новости. Когда переезд?

- Сегодня мы пришли только чтобы попрощаться, – сказала я. – У нас ведь будет куча дел, да, Рис? – он закивал головой. – Следующие две недели мы будем знакомиться с новой семьёй.

- Вот как, – сказала миссис Моррисон – новость застала ее врасплох. – Правда? Так сразу...

- Важно, чтобы мы все попрощались, – сказал директор, быстро оправившись от мысли, что, можно сказать, звезда класса уходит. – Пойдёмте в класс, я объясню все учителю.

Мистер Фитцджеральд и миссис Моррисон пошли первыми, мы с Рисом следом за ними. Пока мы шли по коридору, миссис Моррисон немного замедлила шаг и тихонько сказала мне:

- Я бы хотела подарить Рису что-нибудь на прощание. Но всё произошло так быстро. Я пошлю по почте, хорошо?

- Очень мило с вашей стороны, – сказала я. – Огромное спасибо за всё, что вы делали для Риса. Он бы не добился таких успехов в учёбе без вашей помощи.

Она грустно улыбнулась.

- Мне жалко его отпускать. Он стал таким славным зайкой.

Я знала, что она и правда так думает. Директор постучал в дверь, открыл её и вошел, а мы с Рисом и миссис Моррисон

топтались у входа. Дети ещё только рассаживались перед переключкой. Директор поговорил с учительницей, мисс Джонс, а она помахала нам рукой, чтобы мы зашли. Держась с Рисом за руки, мы вошли и встали у доски перед всем классом. Дети оставили свои дела и смотрели на нас.

- Дети, у меня для вас важные новости, – сказала мисс Джонс. – Новости хорошие, но и немного грустные. Рис пришел с нами попрощаться. Он со своей семьёй теперь будет жить в другом городе, поэтому не сможет больше ходить в нашу школу!

По классу прошел гул разочарования.

– Я знаю, дети. Мы все за него рады, но мы будем по нему скучать.

Она повернулась к Рису.

– Рис, ты будешь нам писать?

Рис кивнул.

- Я попрошу тётю мне помочь, сам я пока не очень хорошо пишу.

- Хорошо, – сказала мисс Джонс. – Будем очень ждать. А теперь давайте прощаемся с Рисом тоекратным «ура». Хотя я и знакома с Рисом всего пару недель, мисс Брус, его прошлая учительница, рассказывала мне, какой он молодец и как ей нравилось с ним заниматься. Гип-гип!

Класс ответил громким тоекратным «Ура». Рис выглядел таким гордым и счастливым, я чуть не заплакала от умиления. Когда класс снова затих, учительница сказала:

- Рис, я думаю, ты хочешь отдельно попрощаться с Троем?

Рис кивнул. Я осталась у доски, а он прошел между рядами и подошел к Трою. Трой повернулся к нему.

- Спасибо, что был моим другом, – сказал Рис, – Я надеюсь, что в новой школе найду такого же хорошего друга. Я буду скучать. Пока-пока.

- Я тоже буду скучать, – сказал Трой. – Пока, друг!

Они обнялись. Это было так трогательно, что у всех взрослых на глаза навернулись слёзы.

- У тебя в столе не осталось учебников? – спросила мисс Джонс.

Рис открыл свою парту и забрал из неё свои тетрадки и учебники.

- Мы можем передать нашу форму для физкультуры кому-нибудь из нуждающихся семей? – спросила я у миссис Моррисон. – Мы её почти не носили.

- Хорошо, я передам. Спасибо.

Рис снова вернулся к доске и взял меня за руку.

- Прощай, Рис! – кричали дети. – Удачи! Пиши нам!

Мы вышли из класса под аплодисменты. Даже директор как-то грустно призадумался.

Миссис Моррисон и мистер Фитцджеральд проводили нас обратно в приёмную.

- Вы дадите мне знать, как у него там дела? – спросила миссис Моррисон.

- Да, конечно, спасибо ещё раз за всё, – сказала я. – Мне надо было купить вам какой-то подарок, но всё действительно случилось так быстро.

- Ну что вы! Я очень рада, что у Риса так всё хорошо идёт. Мне было приятно с ним заниматься.

По её щеке пробежала слеза, она быстро её смахнула. Когда работаешь с таким непростым ребенком, как Рис, и удается преодолеть столько трудностей и добиться прогресса, – появляется сильная привязанность. Миссис Моррисон никогда не забудет Риса, а он – её.

Мы попрощались, директор и миссис Моррисон с крыльца смотрели, как мы уходим. Они вернулись в школу, только когда за нами закрылись ворота. Мы с Рисом, держась за руки, пошли к машине.

- Прощаться грустно, – сказал он. – Хочется плакать.

- Я знаю, милый, но скоро у нас будет много новых встреч, и они сделают тебя очень счастливым.

- Да, Кэти. Я люблю встречи. Завтра я встречусь со своей семьей. И с ними не придётся прощаться.

- Да, милый, всё так.

Я позвонила тёте Мэй ещё вчера вечером, чтобы обсудить план знакомства, предложенный Джейми. Мы проговорили почти два часа, я рассказала ей подробно о Рисе, чтобы знакомство и переезд были максимально комфортными для них и него. Перед тем как мы поехали в школу, я рассказала Рису, что переговорила с тётёй Мэй, и мы встретимся с ней уже завтра. Согласно плану Джейми, тётя Мэй, дядя Джон и Лиза должны были вместе прийти к нам в гости на несколько часов. Первая встреча, как правило, всегда проходит в доме опекуна, где ребенок чувствует себя спокойно и комфортно. Чтобы прийти на эту встречу, важную для всех сторон, Лиза отпросилась в школе. Мы также договорились, что на следующий день мы с Рисом приедем к ним, чтобы Рис мог увидеть дом и свою комнату, которую дядя Джон, как он мне сказал, только-только закончил обставлять.

Еще через день я должна была привезти Риса к его новым

родителям, оставить с ними на пару часов, а затем забрать. Ещё через два дня, если всё пойдет хорошо и все будут довольны, я соберу некоторые вещи Риса и отвезу его к родителям с ночёвкой. Заберу после обеда на следующий день, а затем через два дня снова привезу с ночёвкой. Через два дня я привезу и оставлю его на все выходные. Если и тогда всё будет в порядке, то я соберу все остальные его вещи и перевезу окончательно.

Дни между встречами дадут Рису время привыкнуть и осознать все происходящие изменения. Однако все они у нас уже были расписаны – Джилл и Венди звонили, и мы договорились, что они придут к нам в гости попрощаться с Рисом. Джейми не приедет прощаться, поскольку он и дальше будет работать с Рисом и, я надеюсь, будет почаще видеть его в будущем.

Рис так волновался, что я еле уложила его в кровать в 8:30, а на заре он подскочил как ужаленный. Когда тётя Мэй, дядя Джон и Лиза, наконец, оказались у нашей двери, Рис уже ждал их, сидя у окна.

- Они тут! – закричал он изо всех сил. – Кэти, моя семья уже тут!

Они пришли ровно в 11 утра, как мы и договаривались, хотя дорога у них отняла добрых два часа. Взяв Риса за руку, я пошла к двери. Неизвестно, кто из нас волновался больше. Рис подпрыгивал как мячик, а у меня свело живот. Открыв дверь, я поняла, что тётя Мэй и дядя Джон переживали не меньше. Всё-таки эта встреча была очень важна для всех нас.

- Проходите, мы очень вам рады, – сказала я.

Мы столпились в прихожей и неловко пожимали друг другу руки. Наконец Лиза сломала лёд, поцеловав Риса в щеку.

- Привет, маленький братик, – сказала она, – Я твоя старшая сестра.

Этим она тут же его покорила. Он схватил её за руку и потащил играть с его игрушками, а я провела Мэй и Джона в гостиную и предложила им кофе. Было очень странно разговаривать с Мэй – она очень походила на Трейси и лицом, и фигурой, и цветом глаз и волос. Но, в отличие от Трейси, у неё не было задержки в развитии и не было и следа злобы или агрессии на лице. Какое-то время мне казалось, что она вот-вот тыкнет в меня пальцем и начнёт в чём-нибудь обвинять. Но на деле Мэй оказалась очень мягкой и приятной женщиной. Джон был немного выше её, примерно метр семьдесят, коренастый, но такой же вежливый и приятный. Я подумала, что они были

полными противоположностями Скотту и Трейси и могли бы послужить Рису отличным примером. Я сделала кофе и принесла поднос с печеньем в гостиную. Лиза и Рис пили сок в нашей игровой-кладовой, где лежала большая часть игрушек.

Я легко и непринужденно общалась с Мэй и Джоном; хоть в самом начале мы и замялись, оказалось, что они очень легко идут на контакт. Основной темой нашего разговора были дети. Мэй и Джон немного рассказали о Лизе и подтвердили, что знают, как важно будет уделять детям равное внимание. Они понимали, что как только пройдет первичная эйфория и новизна этой ситуации, Лизе придется привыкать делить родителей с братом. До этого времени она была единственным ребёнком, получавшим всё их внимание.

Я обратила внимание на то, что Лиза звала их мамой и папой, хотя она знала, что ее биологической матерью является Трейси. Лиза никогда её не видела и до сих пор не выражала такого желания, хотя Мэй и Джон понимали, что с возрастом ей может стать любопытно. Лиза была высокой, стройной и симпатичной девочкой, не похожей на мать или других братьев и сестёр. Единственной общей чертой были карие глаза. Джон сказал ей, что её биологический отец никогда не состоял в отношениях с Трейси, но если Лиза захочет его найти, они ей во всём помогут. Я подумала, что Лизе, наверное, нелегко принимать всё это, но это не идет ни в какое сравнение с тем, с чем столкнутся другие дети, если узнают всю правду о своих родителях. Я не была уверена, насколько Мэй и Джон осведомлены об инцесте в семье, – может, они знали всё, может, ничего, но, в любом случае, я не могла поднимать эту тему. Однозначно, Мэй и Джон отлично справлялись с вопросами Лизы о её происхождении. Лиза производила впечатление счастливого и уверенного в себе ребенка и благодаря генетике и воспитанию не имела тех проблем, что были у других детей Трейси.

Когда Рис вконец вымотал Лизу, они пришли в гостиную и поиграли в разные настольные игры с Мэй и Джоном. Около 12 часов я приготовила перекусить, они немного поели и собрались ехать домой. Частота и продолжительность встреч чётко планируются, чтобы всем участникам было легко и комфортно постепенно узнавать друг друга. Для взрослых это ничуть не проще, чем для детей. Мы с Рисом проводили их до двери. Лиза сказала, что увидится с Рисом, только когда он приедет с ночёвкой, во время следующих встреч она будет в школе. Рис поцеловал всех на прощание в щеку и крепко обнял Лизу. Джон

сказал, что пришлёт мне письмо с указаниями, как проехать, потому что их дом был в стороне от основной дороги.

Когда приехали Люси и Пола, Рис всё еще был под впечатлением, и ему не терпелось всё им рассказать. Я видела, что у них, как и у меня, достаточно смешанные чувства, – с одной стороны, мы были рады, что у Риса будет такая любящая семья, но, с другой стороны, при этом мы сами теряли члена семьи. Люси и Поле было бы легче, если бы они могли познакомиться с Мэй и Джоном и увидеть, какие они хорошие люди, но им нужно было ходить в школу.

Пола и Люси были весь вечер немного подавлены, особенно после того, как Рис ушел спать и в доме стало тихо, как теперь будет без Риса всегда. Чтобы немного подбодрить и х, я поделилась с ними своими планами.

- Через 10 дней после того как уедет Рис, у вас наступят каникулы, – сказала я. – Думаю, мы сможем поехать на недельку куда-нибудь за границу, как и договаривались. Рис будет отлично проводить время с новой семьёй, не сидеть же нам и плакать по нему. Может, на Кипр? В середине октября там должно быть отлично.

Это помогло, но не слишком. По предыдущему опыту я знала, что, когда придёт время и Рис переедет, каникулы помогут нам справиться и жить дальше без него.

На следующий день я распечатала инструкции Джона и положила на переднее пассажирское сиденье. Рис сидел сзади и с восторгом смотрел в окно. Я нашла дом с первого раза. И была удивлена. Джон и Мэй не сказали мне причину, по которой их дом был в стороне от основной дороги. На самом деле это была настоящая ферма, со свиньями, коровами и двумя осликами, окруженная со всех сторон полем. Рис был так же удивлен, как и я, и практически потерял дар речи.

- А вы не сказали, что у вас ферма, – сказала я, когда они встретили нас у двери.

- Правда? Наверное, забыли, – сказал Джон, подмигивая Рису.

- Не забыли! – сказал Рис. – Вы хотели сделать сюрприз!

- Так точно.

И я знала, что контакт между ними уже установлен.

Когда мы зашли, Джон объяснил, что он унаследовал эту ферму от отца 5 лет назад. Он не хотел заниматься ею в полную силу, поэтому сильно всё сократил, оставив лишь часть живности, тех, что мы видели на улице, и ещё куриц и старенькую лошадь. Он нанял местного мужичка, чтобы тот

помогал Мэй на ферме, а сам остался на своей основной работе инженером телекоммуникаций. Ферме было около 100 лет, а некоторым хлевам даже больше. Джон и Мэй показали нам первый этаж дома. Все было оформлено в приятном деревенском стиле. У порога запачканные резиновые сапоги, на крючках дождевики, а на кухне старинная деревенская плита. Кухня была просто огромной, вероятно, в ней постоянно собиралась вся семья. В углу стоял массивный сосновый стол, окружённый стульями с высокими спинками.

- Мы люди простые, – сказал Джон. – Церемониться тут особо не любим. Просто чувствуйте себя как дома.

Я всегда думала, что, когда видишь человека в его доме, сразу становится понятно, каков он. Мэй и Джон явно были тёплыми, мягкими, приятными и добрыми.

Мы с Мэй остались поболтать на кухне, пока Джон повел Риса знакомиться с животными.

- И как же вы стали женой фермера? – спросила я, так как её жизнь совсем не походила на жизнь Трейси в городских трущобах.

Мэй рассказа мне, что после того, как в шестнадцать сбежала от отца, ей пришлось совсем не сладко, она жила практически на улице. В это время она и встретила Джона. Он был прихожанином местной церкви, подобрал ее, помог устроиться, подселил её к другой прихожанке. Тогда Мэй было девятнадцать, Джон был на пять лет старше, и они были вместе с тех самых пор. Они оба верили в Бога и считали, что именно Бог помог им найти друг друга и создать семью. Я подумала, что новая семья Риса была настолько замечательной, что вполне можно начать верить в божественное вмешательство.

Рис и Джон вернулись и пошли играть в его комнату, в которой Джон поклеил обои с Бэтменом и Робин и подобрал такие же занавески и покрывало. Лиза купила несколько головоломок и расставила их на полках. Туда же она усадила большого плюшевого медведя в майке с надписью «Дом, милый дом».

Когда нам настала пора уходить, Рис спросил, можем ли мы остаться подольше, но все трое взрослых сказали ему, что на сегодня хватит, зато через два дня Рис сможет приехать и остаться подольше, пока я схожу по магазинам.

- И не забудь взять резиновые сапоги, – сказал Джон, когда мы садились в машину. – Я беру отгул, и мне понадобится помощь в уборке у свинок.

- Хорошо, – радостно отозвался Рис.

И я поняла, что здесь Рис будет счастлив, как нигде.
- У-иии, у-иии! – раздался с заднего сиденья порсячий визг.

Эпилог

Рис переехал в новую семью в запланированное время. Месяц спустя, когда мы вернулись с Кипра, я, как и обещала, позвонила ему. Мы с Люси и Полой по очереди поговорили с Рисом – он рассказал нам про всех животных на ферме и что, когда вырастет, собирается стать фермером. Он также рассказал, что на следующей неделе пойдет в новую школу. Его новую учительницу зовут миссис Бинг, а сидеть он будет с мальчиком по имени Марк, который, по его словам, немного похож на Троя. Я старалась говорить не очень много, поскольку моей целью было убедиться, что с Рисом всё в порядке, и дать ему понять, что мы его не забыли. Последующие звонки или встречи могут инициировать только Мэй и Джон, если сочтут это уместным. Мы будем писать Рису, посылать ему открытки на День рождения и Рождество, но звонить я больше не буду. Чувства, которые Рис испытывал к нам, должны будут перенаправиться на его новую семью.

После того как мы поболтали с Рисом, я поговорила с Мэй. Она сказала, что Рис очень быстро привыкает к новой жизни, в основном благодаря животным на ферме, за которыми он ухаживает: он всегда был при деле ещё до начала школы. И хотя прошло ещё не так много времени, чтобы судить, но Лиза с удовольствием помогала в воспитании Риса, испытывая к нему скорее материнские чувства, нежели ревность. Я спросила у Мэй, когда День рождения Лизы, чтобы отправлять открытки и ей. Мэй сказала, что когда Рис полностью освоится, мы с девочками можем приехать в гости. Я поблагодарила её и сказала, что мы с радостью приедем, когда она сочтет это возможным.

В первую неделю января Трейси родила девочку, её прямо из больницы забрали под опеку. Конечно, грустно, когда новорождённого ребенка разлучают с матерью, но у этой девочки, как и у Лизы, будет шанс на нормальное детство. Однако, в отличие от Лизы, эта девочка, вероятно, была плодом инцеста и в будущем могла унаследовать те же гены, что и остальные братья и сестры, и страдать от задержки развития. Только время покажет, как всё выйдет. Я слышала, что Скотт всё еще находится под следствием по делу о домогательствах к Сюзи, и полиция хотела бы опросить отца Трейси, но тот исчез. Больше мне ничего не рассказывали и не расскажут, потому что моя роль в жизни этой семьи закончилась после того, как Рис уехал к новой семье. Ну, или почти закончилась.

В июле этого года я ходила по магазинам, как вдруг почувствовала хлопок по плечу. Я обернулась и увидела Трейси. Мне инстинктивно захотелось убежать. С ней был какой-то мужчина. Она выглядела ещё хуже, чем когда я видела её в последний раз на парковке. Грязные волосы висели лохмами, она была одета в грязную футболку с логотипом футбольного клуба и растянутые спортивные штаны. Её мужчина был примерно того же возраста, что и она, худощав, на его шее была татуировка в виде колючей проволоки. Он был в футболке с логотипом того же клуба, что и Трейси, и оба они глубоко затягивались сигаретами.

- Так и знала, что это ты, – сказала она, ещё раз хлопнув меня по плечу. – Как ты?

- Отлично, спасибо Трейси. А ты?

- Хорошо, если не считать этого сраного соцработника. Постоянно на меня наезжает, хотя я сказала ему отвалить. И Гэри уже сказал.

Мужчина кивнул.

- Не парься, Трейси! Я с ним разберусь. Я не позволю ему совать нос не в своё дело. Это мой ребенок.

Я посмотрела на Трейси, она гордо улыбалась. Мои глаза опустились на её огромный живот. Она похлопала по нему и сказала:

- Точно, – сказала она. – Этого ему не забрать. Это мой и Гэри.

- Да, – согласился Гэри. – Не заберёт.

Я промолчала.

Они развернулись и пошли дальше. Вдруг Трейси обернулась и крикнула:

- Как там у Акулы дела?

Я поморщилась от этого прозвища из прошлого.

- У Риса всё просто замечательно, – сказала я и пошла дальше.

В начале декабря, спустя четырнадцать месяцев после того, как уехал Рис, нам позвонила Мэй и пригласила на воскресный обед. Мы заболтались, и через полчаса Мэй сказала:

- Давайте оставим до встречи, приезжайте уже скорее.

Неделю спустя я снова распечатала инструкции Джона, мы купили цветов и шоколадных конфет и поехали на ферму. Рис, наверное, ждал нас, потому что дверь распахнулась, не успели мы к ней подойти.

- Привет, – застенчиво сказал он. – Заходите, я позову маму с папой.

Рис вырос сантиметров на 10 и был мне уже по плечо. Его обычно бледные щёки пылали румянцем от свежего воздуха. Люси и Пола были в восторге и от Риса, и от фермы. Когда мы зашли, в прихожую вышли Мэй, Джон и Лиза, и если Рис встречал нас немного сдержанно, то Мэй и Джон, наоборот, не скрывали своих чувств. Я вручила им цветы и конфеты, мы все попереобнялись, и я представила Люси и Полу. Лиза тоже заметно подросла и стала уже подростком. Девочки быстро объединились и понеслись на кухню, где Лиза скачивала какую-то музыку на ноутбук. Рис, Мэй, Джон и я пошли в гостиную.

- Я так рада тебя видеть, Рис, – сказала я. – Как твои дела? Ты отлично выглядишь, так вырос!

- Я теперь большой, – скромно улыбнулся он.

- Как школа?

- Хорошо, я справляюсь, и у меня много друзей. Можно мне к девочкам поиграть?

Мы рассмеялись.

- Конечно, – сказала я. – Спасибо, что пригласил нас, я правда очень рада тебя видеть.

Он улыбнулся и ускакал.

Мэй, Джон и я остались в гостиной. Окна выходили на задний двор, и я видела, что там ходят куры и клюют корм.

- Рис отлично выглядит, – сказала я.

- Да, и очень хорошо себя ведёт, – сказала Мэй. – Школа деревенская, очень маленькая. В классе только 12 детей. Ассистент проводит с ним только полдня, остальное время он занимается сам.

- Это большое достижение за год, – сказала я. – Просто фантастика.

- Мы им очень гордимся, – сказал Джон, и я видела по ним, что это действительно так.

Мэй и Джон рассказали, что, как и я, были уверены в том, что Рис хранит какие-то секреты, но, помимо нескольких бессвязных фраз, он так и не рассказал ничего о жизни с матерью ни им, ни Лизе. Рис сам решил называть Мэй и Джона «мама и папа», хотя продолжал видеться с Трейси и Скоттом – три раза за прошедший год. Джон и Мэй возили Риса на встречу и под наблюдением сотрудника соцслужбы и охранника виделись со Скоттом и Трейси. Трейси, конечно, многое хотела им высказать, но её остановили и пригрозили отменить встречи, если она продолжит в таком духе. Я предполагала, что она наверняка так же ругалась на них, как и на меня, но они были такими славными людьми, что никогда не скажут о ней ничего

плохого. Мы согласились, что пройдет немало времени, прежде чем Рис откроет какие-либо секреты, если это вообще когда-нибудь произойдет. Однажды он признался им, что «мама велела никому не рассказывать». Они рассказали, что спустя три месяца после переезда у них был один небольшой инцидент в школе. После встречи с родителями Рис очень боялся, что его мама придет в школу и заберет его. Но в школе справились и убедили его, что этого не произойдет. С тех пор дела у Риса шли всё лучше и лучше.

- Он всё ещё хочет стать фермером? – спросила я Джона, когда Мэй пошла накрывать на стол и категорически отказалась от помощи.

- Очень, – ответил он, – И если ещё будет хотеть, когда закончит школу, это вполне вариант. У Риса руки на месте, и он хорошо ладит с животными. Я могу с лёгкостью опять запустить ферму на полную. Хватит работы и Рису, и Бобу, который сейчас помогает Мэй.

- Какая хорошая идея, – сказала я. – Рису всегда нравились животные.

- Он с ними очень нежен. Каждое утро собирает яйца, ни разу ничего не разбил и кур не напугал.

- А что Джейми? Часто приезжает?

Джон коротко улыбнулся.

- Он часто звонит, но приехать только один раз смог. Он очень занят другими делами, да мы и без него справляемся.

Значит, несмотря на свои обещания, Джейми так и не исправился. Дело не в том, что без него бы не справились, просто это его обязанности – как соработника Риса (и Лизы). Но я подумала, что, скорее всего, Джон относится к Джейми, как и я когда-то – на него невозможно злиться, ведь он хоть и отлынивает от некоторых обязанностей, но в целом он хороший человек. Хотя я вообще не могла представить, чтобы Джон злился хоть на кого-то.

Мэй позвала ужинать, и мы всемером уселись за огромный стол, пока она подавала еду. Царила потрясающая деревенская атмосфера, старинная плита обогревала всю кухню, с улицы доносилось мычание коров, мы болтали и смеялись. Было так хорошо, что, уже объевшись под завязку и вынужденно отказавшись от добавок десерта, мы ещё какое-то время сидели за столом и просто разговаривали.

Но постепенно наступал вечер, небо потемнело, и я сказала, что нам пора выдвигаться. Нам предстояло два часа пути, а в тот день обещали заморозок. Мы с трудом заставили

себя подняться и уйти с уютной теплой кухни на холодную улицу.

- Спасибо большое за всё, – сказала я, когда мы одевались.

- Спасибо за конфеты и цветы, не стоило.

- На здоровье, – сказала я. – Будете рядом с нами – забегайте. Мы будем очень рады снова увидеться.

- Обязательно, – сказали они.

Мы все обнялись и поцеловались на прощанье. Я обняла Риса ещё раз.

- Я очень тобой горжусь, – сказала я.

Он застенчиво улыбнулся.

Мы уже стояли в дверях, когда я тихонько сказала Мэри и Джону:

- Вы молодцы. Рису очень повезло с вами.

Мэй скромно улыбнулась.

- Глупости, – сказала она. – Мы лишь дали Рису то, чего он заслуживает. И мы благодарим Бога за то, чего у нас не было бы без Риса и Лизы – за нашу семью.

Also by the same author

Damaged Hidden Cut
The Saddest Girl in the World Happy Kids
The Girl in the Mirror I Miss Mummy

Copyright

Harper Element
An Imprint of HarperCollinsPublishers 77–85 Fulham Palace
Road, Hammersmith, London W6 8JB
www.harpercollins.co.uk.

and HarperElement are trademarks of HarperCollinsPublishers
Ltd First published by HarperElement 2010
1 3 5 7 9 1 0 8 6 4 2

© Cathy Glass 2010

Cathy Glass asserts the moral right to be identified as the
author of this work A catalogue record of this book is available from
the British Library

ISBN 978-0-00-736296-7

All rights reserved under International and Pan-American
Copyright Conventions. By payment of the required fees, you have
been granted the non-exclusive, non-transferable right to access and
read the text of this e-book on-screen. No part of this text may be
reproduced, transmitted, down-loaded, decompiled, reverse
engineered, or stored in or introduced into any information storage
and retrieval system, in any form or by any means, whether
electronic or mechanical, now known or hereinafter invented, without
the express written permission of HarperCollins e-books.

EPub Edition © SEPTEMBER 2010 ISBN: 978-0-007-36297-4

Find out more about HarperCollins and the environment at
www.harpercollins.co.uk/green.

About the Publisher

Australia
HarperCollins Publishers (Australia) Pty. Ltd. 25 Ryde Road (PO
Box 321)

Pymble, NSW 2073, Australia
<http://www.harpercollinsebooks.com.au>

Canada
HarperCollins Canada
2 Bloor Street East - 20th Floor Toronto, ON, M4W 1A8, Canada
<http://www.harpercollinsebooks.ca>

New Zealand
HarperCollinsPublishers (New Zealand) Limited
P.O. Box 1
Auckland, New Zealand <http://www.harpercollinsebooks.co.nz>

United Kingdom HarperCollins Publishers Ltd. 77-85 Fulham
Palace Road London, W6 8JB, UK
<http://www.harpercollinsebooks.co.uk>

United States
HarperCollins Publishers Inc. 10 East 53rd Street
New York, NY 10022 <http://www.harpercollinsebooks.com>

Подписано в печать 25.11.2016 г.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.п.л. – 13,7. Заказ №217.
Тираж 200 экз.

Типография «Красный Яр»
660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 52А
т.: 8(391)2-680-999